

2017/III

SIBERIA_LINGUA

Сетевой научный журнал

ISSN 2227-6378

Учредитель – Институт филологии и языковой коммуникации ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Siberia_Lingua: сетевой научный журнал

Периодичность – один раз в полугодие

Журнал зарегистрирован в Международном ISSN центре в Париже, регистрационный номер 2227-6378

Статьи индексируются в РИНЦ

Выход на журнал с платформы Elibrary
https://elibrary.ru/title_about.asp?id=62046

www-адрес:

<http://ifiyak.sfu-kras.ru/siberia-lingua>

Контакты

Почтовый адрес 660047, Красноярск, пр. Свободный, 82А, оф.328
Редакция научного журнала
Siberia_Lingua

E-mail nauka_fil@mail.ru

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Фельде Ольга Викторовна, д-р филол. наук (отв. ред.)

Анисимов Кирилл Владиславович, д-р филол. наук

Говорухина Юлия Анатольевна, д-р филол. наук

Григорьева Татьяна Михайловна, д-р филол. наук

Детинко Юлия Ивановна, канд. филол. наук, зам. директора ИФиЯК по научной работе

Евсеева Ирина Владимировна, д-р филол. наук

Журавель Тамара Николаевна, канд. филол. наук (зам. отв. ред.)

Колмогорова Анастасия Владимировна, д-р филол. наук

Магировская Оксана Валериевна, д-р филол. наук

Смирнов Евгений Сергеевич, преподав. кафедры РЯЛиРК (отв. секретарь выпуска)

Тармаева Виктория Владимировна, д-р филол. наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Боргоякова Тамара Герасимовна, д-р филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова)

Говорухина Юлия Анатольевна, д-р филол. наук (Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта)

Иванцова Екатерина Вадимовна, д-р филол. наук (Томский государственный исследовательский университет)

Ким Игорь Ефимович, д-р филол. наук (Институт филологии СО РАН)

Копнина Галина Анатольевна, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Косяков Геннадий Викторович, д-р филол. наук (Омский государственный педагогический университет)

Куликова Людмила Викторовна, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Панин Леонид Григорьевич, д-р филол. наук (Новосибирский государственный исследовательский университет)

Пекарская Ирина Владимировна, д-р филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова)

Сковородников Александр Петрович, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Шарифуллин Борис Яхиевич, д-р филол. наук (Лесосибирский педагогический институт – филиал СФУ).

@ Сибирский федеральный университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	5
I. ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ	6
Агеева М.А. СТАТУСООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ НЕЙМДРОППИНГА В КОНТЕКСТЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ САЙТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ КНР)	
Бадьина И.А. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЮМОРА В ТВОРЧЕСТВЕ Б. БРЕХТА И В.В. МАЯКОВСКОГО	15
Григорьев Р.И. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ОБРАЗЫ КУЛЬТУРЫ В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)	24
Дмитриева Ю.Н. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ	30
Жавнер Т.В. КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СДАЧИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКЗАМЕНА СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ В ВУЗЕ	40
Иванова С.Н. ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕКСТА МЕНЮ: НОМИНАТИВНЫЙ АСПЕКТ	54
Казакова Е.О. КОНЦЕПТ UNDERSTATEMENT В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА DOWNTOWN ABBEY)	62
Калиновская Е.К. ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО ЮМОРА В КОМЕДИЙНЫХ КИНОФИЛЬМАХ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	71
Краус П.А. ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ И АНАЛИЗА СТРУКТУРИРОВАННЫХ ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ ТИПИЧНОГО МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ, НАХОДЯЩИХСЯ В ЗОНЕ РИСКА ПО ИНСУЛЬТАМ	79
Крикливая П.В. ПРОЯВЛЕНИЕ ФУНКЦИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ДИСКУРСЕ АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ	88
Крючкина Н.Ю. РЕЧЕВОЙ ЖАНР «ЛИЧНОЕ ПИСЬМО» В МЕЖДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ	93
Лукьянова Д.В. НЕОФИЦИАЛЬНАЯ УРБОНИМИЯ В АСПЕКТЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КРАСНОЯРСКА И НОВОСИБИРСКА)	100
Любителева В.Н. СОЗДАНИЕ ПОДТЕКСТА В АМЕРИКАНСКОМ КИНОДИСКУРСЕ НА КОМПОЗИЦИОННОМ УРОВНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КИНОФИЛЬМА ВУДИ АЛЛЕНА «BLUE JASMINE»)	109

Максимова Д.В. СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВ СВОБОДА, ВОЛЯ И ИХ ДЕРИВАТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.И.СОЛЖЕНИЦЫНА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА», В.Т. ШАЛАМОВА «КОЛЫМСКИЕ РАССКАЗЫ», З. ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ»	115
Михайлова А.И. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ	127
Николаева Г.Р. ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИИ ГРУСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ	138
Плехова Н.А. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СТИЛЬ И ПРОБЛЕМА ЕГО ПЕРЕВОДА: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКИ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА ДЖ.К. РОУЛИНГ «HARRY POTTER AND THE CHAMBER OF SECRETS»)	149
Попова Я.Л. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА КИТАЯ В ЗАГОЛОВКАХ БРИТАНСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛА ГАЗЕТЫ BBC NEWS)	157
Семенец О.В. СТРАТЕГИИ КУЛЬТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ИМЕН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «МЕТЕЛЬ» В. СОРОКИНА И ЕЕ ПЕРЕВОДА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК	167
Срмикян В.С., Подберезкина Л.З. СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА КАК ЖАНР ПИСЬМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)	175
Степанова Н.А. СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ОТКРОВЕННОСТИ В БЫТОВОЙ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ»)	190
Шаповал Е.Ю. СЕМАНТИКА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВОСПРИЯТИИ ПАЦИЕНТОВ-АФАТИКОВ	198
Шароглазова Т.А. ЛИНГВОКРЕАТЕМЫ В ТВОРЧЕСКИХ РАБОТАХ ПОДРОСТКОВ	209
Шевель Т.В. ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКИХ КОМИКСОВ 1940-Х ГОДОВ	223
Шишова Ю.А. СЕМАНТИКА СЛОВА «ТОСКА» В СТИХАХ И ИНТЕРВЬЮ И. БРОДСКОГО	230
Чекмасова А.Р. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ТУРИСТИЧЕСКОМ РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ	237
П. ЖИВАЯ РЕЧЬ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ	
Фельде О.В. УСТНЫЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ	246
НАШИ АВТОРЫ	259

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В третий, дополнительный, выпуск S_L вошли материалы докладов, которые были удостоены дипломов 1–3 степени на международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (ИФиЯК СФУ, апрель 2017 г.). Большинство из них отражают проблематику фундаментальных лингвистических исследований, проводимых с позиции коммуникативно-дискурсивной парадигмы. Читатель найдёт в этом выпуске работы, посвящённые концептуальным исследованиям языка, интеркультурному пространству коммуникации, изучению языковой картины мира, а также анализу дискурса и текста в коммуникативном, когнитивном и прагматическом аспектах. В ряде статей нашли отражение и прикладные аспекты современного языкознания, которое все больше становится наукой о человеке и для человека.

Мы надеемся, что обращение к научным работам, опубликованным в дополнительном выпуске S_L за 2017 г., станет стимулом к появлению новых идей, которые найдут воплощение в новых исследованиях языка, языкового сознания, текста и дискурса.

Отв. редактор Фельде О.В.

I. ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.581.11

Агеева М.А.*

СТАТУСООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ НЕЙМДРОППИНГА В КОНТЕКСТЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ САЙТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ КНР)

Аннотация: В статье анализируются единицы неймдроппинга, встречающиеся на сайтах китайских вузов и выполняющие функцию повышения статуса университета. Приводится типология языковых средств, формирующих авторитетный образ вуза в глазах будущих абитуриентов, их родителей, потенциальных партнеров и действующих студентов. Проводится параллель с рекламизацией российских вузов и выделяются особенности апелляции к известным именам в китайском академическом сообществе.

Ключевые слова: прагматическая лингвистика, прецедентность, теория коммуникации, статусность, авторитетность, китайский язык.

Abstract: The paper analyses the cases of name-dropping, which are found on the websites of Chinese Universities and are used to raise the status of the University. The author provides the typology of language means that form the authoritative image of the University. This enhances its appeal to university students, their parents and applicants. The author indicates a link between promotions campaigns in Russian and Chinese Universities and allocates the main differences in the use of references to the famous names in Chinese academic discourse.

Keywords: pragmalinguistics, precedent phenomena, communication theory, status, authority, Chinese language.

В связи с тем, что экономика Китая развивается неравномерно, разрыв между регионами становится все более очевидным. По этой причине возрастает конкуренция среди высших учебных заведений. Руководства периферийных университетов так или иначе применяют различные стратегии для привлечения студентов, учредителей, чтобы поднять свой статус и сравняться с престижными университетами. Одним из способов, который может повысить привлекательность университета, является создание сайта университета, где происходит своего рода его «реклама». Целью данной статьи явля-

* Научный руководитель – канд. филол. наук Е.В. Чистова.

ется выявление типологии языковых средств, выражающих авторитетность и статусность университета.

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса, необходимо прояснить термин «неймдроппинг» (name-dropping). Под этим термином понимается чрезмерное употребление авторитетных имен, наименований, брендов. Такой речевой акт преследует прежде всего социально-коммуникативные цели. Как правило, неймдроппинг считается негативным явлением, тем не менее он может являться не оценочной характеристикой текста, а текстообразующим фактором [Kray, 2015: 19]. Следует отметить, что отрицательная коннотация этого термина связана именно с тем, что неймдроппинг ассоциируется с дискурсом, воспринимающимся как периферийный по отношению к центральному академическому.

Таким образом, мы можем определить неймдроппинг как тип дискурсивного поведения, когда говорящий, желая подчеркнуть свою принадлежность к определенным (как правило, престижным) социальным кругам, в процессе коммуникации упоминает значимые для этих групп имена и названия. Само собой разумеется, те известные имена, которые упоминаются на сайтах университетов, имеют сильное влияние в данной сфере. Именно это дает им выдающийся авторитет.

Мы выделили ряд следующих функций неймдроппинга в речи: культурно-просветительская, адаптивная, мотивирующая и статусообразующая.

Актуальной для данного исследования функцией будет статусообразующая функция. Она заключается в следующем: если какая-то идея, проблема, личность, организация или общественное движение становятся предметом сообщения на сайтах университетов, то уже один этот факт присваивает соответствующему объекту определенную значимость, повышает его статус [Лазарсфельд, Мертон, 2004: 142]. Эта функция ёмко отражена в следующих словах: «Если вы действительно важны, вы будете в фокусе массового внимания, и если вы находитесь в фокусе массового внимания, тогда вы определенно важны» [Там же].

Далее мы построили классификацию языковых средств, которые выражают авторитетность и статусность.

1) имена (известные профессора, ученые, политические деятели, одаренные и талантливые студенты, выпускники, учредители);

2) названия органов (университеты, организации, органы власти).

Проанализировав сайты низких по рейтингу университетов газеты People, таких как Пекинский Технологический Университет (83 место), Шаньдунский Университет (21 место), Китайский Университет Горного Дела и Технологий (42 место), Яньшаньский Университет (90 место), мы выявили некоторые особенности реализации неймдроппинга.

Начнем с упоминания известных имен на сайтах. Во-первых, на всех рассмотренных нами сайтах имеется раздел под названием «历史名人» – «Исторические личности», которые ранее обучались или работали в этом университете. На сайте Шаньдунского университета приведен целый список известных личностей (45 человек), где к каждому прилагается краткая биографическая справка. Например:

«闻一多 (1899-1946) 湖北蕲水人。著名诗人、学者。1930-

1932年任山东大学文学院院长兼国文系主任» ('Вэнь Идо – знаменитый поэт и ученый. В 1930–1932 гг. занимал должность декана Гуманитарного института').

На сайте Китайского университета горного дела и Технологий также есть раздел, посвященный известным ученым «知名学者» (18 человек), где представлены биографические справки, перечислены все регалии и достижения этих людей. Например:

«谢和平，男，汉族，中共党员，1956年1月生，湖南省双峰县人，研

究生学历，博士学位，现任中国工程院院士，四川大学校长、教授、博士研

究生导师...» (‘Сизэ Хэпин, ... имеет степень аспиранта, ученую степень доктора, ныне состоит на должности академика Китайской академии инженерных наук, ректор Сычуаньского университета, профессор, докторант, научный руководитель’).

学校汇聚了一批杰出人才，共有教授1082人，博士生导师897人。其中，诺贝尔物理学奖获得者Peter

Grünberg受聘为特聘教授，研究生导师莫言教授荣获2012年诺贝尔文学奖。

На сайте университета упоминается 1082 выдающихся профессора, среди них 897 докторов наук, один нобелевский лауреат, Питер Гранберг, приглашенный в качестве специального профессора, а также аспирант и профессор Мо Янь, получивший нобелевскую премию в 2012 г.

Таким образом, изучив данные веб-страницы, мы можем прийти к выводу, что руководство университета гордится известными студентами и учеными и дает понять будущим студентам, что, обучаясь в этом университете, они могут достичь таких же высот.

Следует упомянуть еще один важный аспект: в новостных статьях на сайтах университетов часто упоминаются иностранные лекторы, которых приглашают для участия в конференциях. При этом обозначаются все регалии лектора, цель его приезда, какой университет он представляет и т. д. Примеры:

1) «法国国立工艺学院 (Cnam) 新任校长Olivier Fa-
ron、国际处处长Laurent Perez、工程学院院长Michel
Terre等一行5人访问北京工业大学»

(‘Новый ректор французской консерватории искусств и ремесел Оливьер Фарон, начальник управления по международным отношениям Ло-

рен Перес, ректор инженерного института Мишель Террэ и т. д. прибыли в Пекинский Технологический университет с визитом’.);

2) 4月24日, 丹麦科技大学副校长Martin P.

Bendse教授随丹麦女王代表团访华期间, 专程到访北京工业大学, 副校长蒋毅坚代表学校会见外宾。

(‘24 апреля, проректор Датского научно-технического Университета, профессор Мартин П. Бэндсэ в сопровождении делегации Королевы во время приезда в Китай специально посетил Пекинский Технологический университет, проректор нашего университета Цзян Ицзянь оказал прием иностранным гостям’.);

3) 应建工学院的邀请, 加拿大工程院院士、西安大略大学教授M.

Hesham El Naggар到校开展学术交流活动, 并为师生们作题为“Nonlinear Analysis of Piles Under Cyclic and Dynamic loading”的学术报告。

(‘По приглашению Инженерно-строительного института канадский академик инженерных наук, профессор Университета Западного Онтарио М. Хешам Эль Наггар прибыл на научную конференцию, чтобы представить преподавателям и студентам научный доклад на тему «Nonlinear Analysis of Piles Under Cyclic and Dynamic loading»’.);

4) 英国布里斯托大学工学部部长Andrew

Nix、水资源与环境工程专业高级讲师Ross Woods等一行三人访问我校。

(‘Начальник технологического отделения Бристольского университета Эндрю Никс, старший лектор по специальности гидроресурсы и инженерия окружающей среды Росс Вудс нанесли визит в наш университет’.);

Авторитетными для университетов являются и имена политических деятелей.

Примеры:

中共中央政治局常委、国务院总理**李克强**来山东大学考察工作，先后参观了晶体材料国家重点实验室、校史馆、听取相关工作汇报。

(‘Член политбюро ЦК КПК, премьер Государственного совета Ли Кэ-цян прибыл в Шаньдунский университет с проверкой, посетил Государственную лабораторию кристаллических материалов, музей института и выслушал доклад о проделанной работе’.)

Рассмотрим примеры использования известных названий (брендов, компаний, проектов, учредителей и т.д.). По причине того, что на сайтах китайских университетов преобладает академический дискурс, на известные университеты ссылок больше, чем на компании или предприятия. Как уже говорилось, для того чтобы утвердиться на международной арене, университеты Китая привлекают к сотрудничеству различные зарубежные университеты. Поэтому упоминания иностранных университетов закономерны, например:

- 法国国立工艺学院 – Французская консерватория искусств и ремесел;
- 丹麦科技大学 – Датский технический университет;
- 英国卡迪夫大学 – Кардиффский университет;
- 芬兰应用科技大学 – Сайменский университет прикладных наук;
- 英国诺丁汉大学 – Ноттингемский университет;
- 英国布里斯托大学 – Бристольский университет;
- 葡萄牙阿威罗大学 – Университет Авейро (Португалия);

- 西安大略大学 – Университет Западного Онтарио.

Для поддержания статуса университеты в новостных статьях ссылаются на авторитетные журналы, где их сотрудники публикуют научные работы. Например:

- 1) «在控制界著名期刊SICON、IEEE

TAC、Automatica、SCL、IJC、IJRNC等发表论文100余篇».

(‘Более ста публикаций вышли во всемирно известных журналах SICON、IEEE TAC、Automatica、SCL、IJC、IJRNC’.);

- 2) «相关成果以通讯作者及第一作者身份发表在American Journal of

Human Genetics、Journal of Clinical Oncology、Advanced Functional Materials、Gut、PLOS Genetics、Cancer Research、Nanoscale和Journal of Biological Chemistry等国际知名期刊上».

(‘Автор публиковал свои работы в таких журналах, как American Journal of Human Genetics, Journal of Clinical Oncology, Advanced Functional Materials, Gut, PLOS Genetics, Cancer Research, Nanoscale и Journal of Biological Chemistry и в других всемирно известных журналах’.)

Данные фрагменты демонстрируют обширную академическую деятельность ученых университета, в том числе и международную. Это повышает статус университета и выводит его на интернациональный уровень. Таким образом, как в повседневном дискурсе, так и в академическом одной из функций неймдроппинга конструирование образа, ведущее к выигрышной самоидентификации.

При анализе сайтов университетов России и Китая мы выявили следующие различия. Во-первых, на сайтах китайских университетов часть разделов посвящена выдающимся выпускникам и ученым, их ученым степеням и званиям, их достижениям. Не каждый российский сайт обладает подобны-

ми веб-страницами. Во-вторых, на китайских сайтах со значительно малой частотой упоминаются имена спонсоров и учредителей, в отличие от российских. В-третьих, на китайских сайтах многие статьи посвящены успешным выпускникам, где описывается история их жизни и путь к успеху.

В заключение мы можем сделать вывод о том, что использование неймдроппинга актуально для академического дискурса на сайтах четырех университетов Китая (Пекинский Технологический Университет, Шаньдунский Университет, Китайский Университет Горного Дела и Технологий, Яньшаньский Университет), рассмотренных в данном исследовании. В ходе исследования было выявлено 73 отсылки на известных ученых, политических деятелей, писателей и т. п., которые в какой-то мере оказали влияние на исследуемые университеты. Кроме того, было обнаружено 26 отсылок на авторитетные организации, журналы и иностранные университеты. Также были установлены основные отличия сайтов университетов Китая и России на предмет неймдроппинга. Рассматривая неймдроппинг в рамках статусообразующей функции, мы пришли к выводу о том, что в данном случае его следует оценивать не негативно, а скорее положительно. Частое употребление имен ученых, профессоров, выдающихся выпускников и студентов свидетельствует о том, что руководство университета гордится достижениями и дает возможность узнать больше об истории высшего учебного заведения и достижениях его сотрудников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Clay Craig, Mark A. Flynn & Kyle J. Holody. Name Dropping and Product Mentions: Branding in Popular Music Lyrics // *Journal of Promotion Management*. 2017. С. 258–276.
2. Kray Thorn-R. *On Name-Dropping: The Mechanisms Behind a Notorious Practice in Social Science and the Humanities*. Giessen: Business Media Dordrecht, 2015. 19 с.

3. Васильева Н.В. Неймдроппинг как дискурсивное поведение и как поэтический прием // Материалы междунар. науч.-практ. конф. Воронеж: ПТ, 2015. С. 322–329.

4. Спешнев Н.А. Китайцы. Особенности национальной психологии. СПб.: КАРО 2011. 336 с.

5. Лазарфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследования. М.: Аванти Плюс, 2002. С. 140 – 151.

Бадьина И.А.*

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЮМОРА В ТВОРЧЕСТВЕ Б. БРЕХТА И В.В. МАЯКОВСКОГО

Аннотация: Статья посвящена особенностям репрезентации политического юмора в творчестве Б. Брехта и В.В. Маяковского, а также совокупности языковых средств выражения политического юмора каждого из авторов. Различный подход авторов к репрезентации политического юмора обусловлен специфичностью авторского видения данной категории и особенностями политического режима, при котором авторы создавали свои произведения. Политический юмор ярко проявляет себя при тоталитарном и авторитарном политических режимах, будучи под запретом и становясь таким образом для населения компенсационным и защитным средством.

Ключевые слова: политический юмор, юмор, языковые средства, стилистика.

Abstract: This article describes peculiarities of political humor representation in B. Brecht's and V.V. Mayakovsky's works as well as the figures of speech used by these authors to express political humor. The difference in the authors' approaches to political humor representation was conditional upon their specific attitude to this category and peculiarities of their countries' political regime. Political humor gains exposure under totalitarian and authoritarian political regimes, being prohibited and thus becoming compensatory and protective means.

Keywords: political humor, humor, figures of speech, stylistics.

В современном мире возрастает роль политики в жизни общества. Существует закономерность: при усилении влияния масс на политику и на власть политические элиты начинают апеллировать к массам, и наоборот, массы начинают апеллировать к политическим элитам, применяя, разнообразные средства, в том числе, и политический юмор.

В то время, как интерес к таким категориям, как «юмор» и «комическое», уходит корнями еще в древние времена, «политический юмор» стал изучаться относительно недавно и, как следствие, он продолжает вызывать вопросы у учёных и требовать всё новых и новых исследований.

Целью данной работы является изучение совокупности языковых средств, которые участвуют в формировании аспектов политического юмора

* Научный руководитель – канд. психол. наук, доцент Н.В. Жбанкова.

в произведениях Б. Брехта и В.В. Маяковского, а также выявление различий в способах и приемах их употребления у данных авторов.

В настоящее время в лингвистике не существует единого понимания такого феномена, как «политический юмор». При попытке создания конструкции данного понятия, стоит обратить внимание на более общую дефиницию – «юмор». Юмор является разновидностью комического отношения к действительности, сущность которого состоит в критическом переворачивании ценностей (М.М. Бахтин, В.Я. Пропп, М.А. Кулинич, В.З. Санников, А.В. Карасик, V. Raskin, M. Mulkey). Согласно А.А. Иванюшкину, основным признаком политического юмора является прямая или косвенная связь с политикой [Иванюшкин, 2006: 10]. Исходя из этих положений, мы можем определить политический юмор как интегративную лингвистическую категорию, представляющую собой разновидность комического отношения к действительности, сущность которой состоит в критическом переворачивании ценностей (по М.М. Бахтину, В.Я. Проппу, М.А. Кулинич, В.З. Санникову, А.В. Карасику, V. Raskin, M. Mulkey), имеющих прямую или косвенную связь с политикой (по А.А. Иванюшкину) [Иванюшкин, 2006: 10].

Что касается такого понятия, как «языковые средства», то его можно определить как «средства разных уровней языка» [Жеребило, 2010: 483].

Как и в случае с определением политического юмора, не существует и единой классификации того, на каких уровнях языка реализуется данная категория. Исходя из положения, что «политический юмор» это один из видов юмора, обратим внимание на классификации, разрабатываемые для таких категорий, как «юмор» и «комическое». Наиболее перспективной в плане анализа языковых средств в литературных произведениях видится следующая классификация В.З. Санникова, в которой он выделяет девять уровней их возможной реализации: фонетический (игра с акустическими характеристиками фонем), графический (нетипичное использование пунктуационных знаков), морфологический (искажение словоформ, нарушение морфологических значений), синтаксический (игра с порядком слов, синтаксическая омонимия,

ошибка в согласовании слов), словообразовательный (словосложение, переход из одной части речи в другую), лексический (синонимы, антонимы, переосмысление фразеологизмов), семантический (различные нарушения сематических категорий), прагматический (нарушение типов речевых актов, соотношения социальных ролей) и стилистический (стилистически окрашенная лексика, смешение различных стилей, изобразительно-выразительные средства) [Санников, 2002: 115].

Взяв за основу вышепредложенную классификацию, приведём практические примеры реализации политического юмора на различных языковых уровнях с помощью определенных языковых средств. Особенный интерес в плане изучения представляет творчество таких известных поэтов и драматургов, как Бертольт Брехт и Владимир Владимирович Маяковский. Б. Брехт является своеобразным национальным феноменом в Германии, а также яркой фигурой как в немецкой, так и в мировой драматургии, и поэтому его творчество представляет живой интерес не только для лингвистов, но и для тех, кто изучает немецкий язык и немецкую культуру. Кроме того, его непринятие установившегося в Германии национал-социалистического режима находит отражение в его творчестве в виде резкого, изобличающего, зачастую даже грубого политического юмора.

В.В. Маяковский известен как поэт коммунистического режима, восхвалявший и поддерживавший его. Однако при этом нет, наверное, того отрицательного явления, которое не попало бы под «увеличительное стекло» его творчества. В том, каким образом в произведениях двух поэтов и драматургов, создававших свои произведения при тоталитарном режиме, но при этом придерживающихся различных взглядов относительно господствующей в их стране идеологии, выражается политический юмор, и состоит интерес данного исследования.

Свой расцвет политический юмор находит в более позднем творчестве Брехта, что непосредственно связано с приходом к власти НСДАП и установлением в Германии тоталитарного режима. В своих произведениях Брехт

придерживался принципа «сосредоточенности сюжетов и лапидарности диалогов»: он отказывался от великолепных по своей сложности и изяществу стилизаготовок в силу более простых, понятных рядовому читателю шуток. Его юмор проявляется чаще всего на стилистическом и лексическом уровнях, но с использованием самых простых в плане толкования художественно-выразительных средств, таких как цитата и антитеза. Цитатой, согласно словарю лингвистических терминов, называют «дословно приводимые чьи-либо слова» [Жеребило, 2010: 452]. Антитеза же представляет собой «стилистическую парную фигуру в тексте, используемую в различных целях: экспрессивно-изобразительных, юмористических, иронических, оценочных и т. п.» [Жеребило, 2010: 34].

В «Карьере Артура Уи, которой могло не быть» встречаем эпизод, начинающийся со слов «Ты пес! Продажный пес!..» и до «...выйди только, тебе я выпущу кишки!» («Du Hund! Du ganz bestochener Hund! Du Lügner!..» bis «Und ich rieß dir die Kutteln aus! Verbrecher!»), который дословно повторяет исторический момент, произошедший 4 ноября 1933 г. на суде в Лейпциге, когда разозленный Геринг орал в спину Димитрову, сопровождаемому полицейскими из суда: «Смотрите, берегитесь, я с вами расправлюсь, как только выйдете из зала суда! Подлец». Эти высказывания были напечатаны в газете и спровоцировали бурю негодования за границей. Так, социал-демократическое издание «Право лиду» (Чехословакия) опубликовала: «Впервые в истории культурных наций премьер-министр грозит обвиняемому казнь, как только тот выйдет из зала суда». Таким образом Брехт, прописывая уничтожающий памфлет на нацистское правосудие, не гиперболизировал, а просто процитировал весьма популярные слова Геринга.

В пьесе «Страх и нищета в третьей империи» в сцене «Старый боец» находим следующий эпизод:

«EIN KLEINER BÜRGER: Es gibt heute wieder keine Butter, wie?

EINE FRAU: So viel müsste doch da sein, wie ich kaufen kann von dem, was meiner verdient.

EIN JUNGER BURSCHE: Meckern Sie mal nicht, ja? Deutschland, und das steht mal bombenfest, braucht Kanonen und keine Butter. Hat er ganz deutlich gesagt.

DIE FRAU: *kleinlaut* Das ist auch richtig».

(‘МУЖЧИНА. Наверно, и сегодня масла не будет.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Вот беда! А мне и нужно-то на грош. Не раскупишься на то, что мой зарабатывает.

ЮНОША. Хватит вам брюзжать. Германии нужны пушки, а не масло. И это вернее верного. Он же ясно сказал.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА (покорно). Правильно’)

Здесь Брехт в насмешливой форме намекает на нелепый пропагандистский лозунг, сформулированный Герингом: «Пушки вместо масла».

Там же, в сцене «Правосудие», повествуется о судье, который столкнулся с тем, что какое бы решение он не вынес по спорному делу о нападении штурмовиков на еврейский магазин, он рискует навлечь на себя гнев вышестоящих лиц и оказаться в ссылке. Он произносит следующую фразу: «Nach Pommern gehe ich auf keinen Fall, lieber ins Konzentrationslager...» (‘В Померанию я ни за что не поеду, уж лучше в концентрационный лагерь!’).

В сцене «Два булочника» заключенные спрашивают друг друга о причине их ареста. Первый из них отвечает: «Weil ich nicht Kleie und Kartoffeln ins Brot gab» (‘За то, что я не подмешивал отрубей и картофеля в муку’), а второй говорит: «Weil ich Kleie ins Brot gab. Das hieß vor zwei Jahren noch Lebensmittel fälschung» (‘За то, что я подмешивал отруби в муку. Два года тому назад это еще называлось фальсификацией продуктов’).

Эти два примера антитезы построены на открытом противоречии, что в первом случае маркируется словом *lieber* (‘уж лучше’), вносящим элемент сравнения во фразу, а во втором случае выражается за счет использования практически параллельных конструкций, за исключением наличия в первой отрицательной частицы *nicht* (‘не’). И даже более сложные средства выражения юмора, такие как языковая игра, в произведениях Брехта просты и по-

нятны читателю. Языковая игра, по мнению В. Ульриха, – это «такой феномен, которому свойственны два явления: намеренное нарушение существующих в языке правил и норм, а также возникающая в процессе такого нарушения семантическая неоднозначность или многозначность» [цит. по: Щирова, 2015: 37].

Примером являются следующие фразы:

- «Es genügt doch, dass der Verdacht besteht, dass einer verdächtig ist» ('Ведь достаточно заподозрить человека в том, что он подозрителен') – произнесена отцом, подозревающим своего сына в доносе на себя;
- «Dem haben sie ja auch eine Stelleverschafft. Einen Meter unter dem Boden» ('Ему они тоже дали место. На метр под землей') – сказана в ответ на замечание о предоставлении рабочих мест гражданам.

В первом случае игра строится на использовании однокоренных слов *Verdacht* ('подозрение') и *verdächtig* ('подозрительный'), а во втором на многозначности слова *Stelle* ('место'), как 'места работы' и 'места на кладбище'.

Имя В.В. Маяковского традиционно связывают с такими понятиями, как сатира и юмор. Политический юмор чаще можно встретить в его более поздних произведениях, создаваемых уже в период после образования СССР, то есть в период становления тоталитарного режима. Сам Маяковский всегда руководствовался принципом демократизации литературы, поэтому его юмор чаще именно о чем-то бытовом и насущном, в то время как в плане языка он позволял себе много экспериментов. Как правило, наиболее ярко его юмор проявляется именно на словообразовательном и лексическом уровнях благодаря таким художественно-выразительным средствам, как окказионализмы и гротески.

Окказионализмы – это неотъемлемый элемент авторского стиля В.В. Маяковского. Они представляют собой «новообразования, связанные с нарушением законов словопроизводства, нарушением словообразовательных норм» [Ефремова, 2000: 105]. В сатирических произведениях Маяковского, высмеивающих те или иные политические аспекты, мы часто встречаем про-

изводные от существительных слова, выступающие в роли эпитетов, иногда с негативной коннотацией. К примеру такие слова, как:

- «подлизный» («Раз уже в руках вожжа, // все сведя к подлизным взглядам, расплюнявит: “Уважать, // уважать начальство надо”»);
- «молоткастый и серпастый» («С каким наслаждением // жандармской кастой // я был бы // исхлестан и распят // за то, // что в руках у меня //молоткастый, // серпастый // советский паспорт»);
- «вкресленный» («Дверь. На двери – // “Нельзя без доклада”. // Под Марксом, // в кресло вкресленный, // с высоким окладом, // высок и гладок, // сидит // облеченный ответственный»);

Фантастичность сюжетов стихотворений В.В. Маяковского до сих пор поражает воображение. Этот эффект чаще всего достигается за счет использования такого художественно-выразительного средства как гротеск. Гротеск представляет собой прием, основанный на чрезмерном преувеличении, нарушении границ правдоподобия, сочетании резких, неожиданных контрастов [Ефремова, 2000: 83].

В стихотворении «Прозаседавшиеся» (еще один пример окказионализма) встречаем следующие строки:

*«Взъярённый на заседание врываюсь лавиной,
Дикие проклятья дорогой изрыгая.
И вижу: сидят людей половины.
О дьявольщина! Где же половина другая?»*

Здесь гротескность самой ситуации («сидят людей половины») усиливается за счет использования эпитетов («дикие») и гипербол («врываюсь лавиной», «дьявольщина»). Таким образом Маяковский высмеивает всю нелепость бесконечных и бесполезных заседаний и бюрократической волокиты.

Еще один яркий пример гротеска у Маяковского находим в стихотворении «О дряни»:

*«Маркс со стенки смотрел, смотрел...
И вдруг*

разинул рот,

да как заорет:

“Опутали революцию обывательщины нити.

Страшнее Врангеля обывательский быт.

Скорее

головы канарейкам сверните –

чтоб коммунизм

канарейками не был побит!”»

В финале стихотворения возникает гротескная картина – традиционный для литературы образ оживающего портрета, на этот раз портрета К. Маркса, который выступает с довольно странным призывом свернуть головы канарейкам. Здесь присутствуют и гиперболы («страшнее Врангеля обывательский быт») и эмоционально окрашенная лексика («заорет», «сверните шею»). В стихотворении проявляется антиобывательский пафос: достаточно безобидные детали быта вроде канарейки приобретают звучание зловещих символов нового мещанства.

Таким образом, мы рассмотрели наиболее яркие и характерные примеры того, как политический юмор реализуется в произведениях Б. Брехта и В.В. Маяковского, и какие языковые средства используются авторами для его реализации.

В заключение хотелось бы отметить, что потрясающий юмористический эффект, достигаемый авторами, обусловлен не только их писательским мастерством, но и тем фактом, что их произведения создавались при тоталитарном политическом режиме. При таком режиме политический юмор проявляет себя наиболее ярко, так как оказывается практически под запретом и становится таким образом для населения компенсационным и защитным средством, возможностью выразить своё отношение к реальной ситуации в государстве. В то же время выбор художественно-выразительных средств для реализации политического юмора у каждого из авторов зависит, ко всему прочему, и от их взглядов на господствующую в стране идеологию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефремова Т.В. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т.1. М.: Русский язык, 2000. 605 с.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 488 с.
3. Иванюшкин А.А. Политический юмор как фактор взаимодействия общества и власти: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. М., 2006. 24 с.
4. Маяковский В.В. Стихотворения. Поэмы. Очерки. М.: Эксмо, 2011. 704 с.
5. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
6. Щирова Е.С. Языковые средства создания комического эффекта в произведениях Карла Валентина: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2015. 255 с.
7. Brecht B. Ausgewählte Werke in sechs Bänden, Stücke I. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997. 699 с.
8. Brecht B. Ausgewählte Werke in sechs Bänden, Stücke II. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997. 781 с.

Григорьев Р.И.*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ОБРАЗЫ КУЛЬТУРЫ В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Аннотация: В данной статье рассматривается феномен прецедентности в креолизованных текстах. Проведён анализ прецедентных образов, встречающихся в британском политическом дискурсе, визуальный ряд которых основан на всемирно известных произведениях живописи.

Ключевые слова: прецедентный образ, креолизованный текст, политический дискурс, карикатура.

Abstract: The article deals with the precedent phenomena in creolized texts. The analysis was focused on the precedent phenomena in British political discourse whose visual imagery is based on the world famous works of art.

Keywords: precedent image, creolized text, political discourse, cartoon.

Согласно Л.А. Мардиевой, «прецедентными визуальными образами мы называем хранящиеся в памяти представителей определенного социокультурного сообщества зрительные образы культурного пространства (термин «образ» понимается нами как единица мысленного кода, субстрат подобного внутреннего образования может быть разным; говоря о прецедентных визуальных образах, мы имеем в виду те образы сознания, которые имеют визуальную природу или, по крайней мере, визуальный субстрат для них является обязательным)» [Мардиева, 2011: 203]. Прецедентность в политических карикатурах является ключевым фактором, так как понятие «узнаваемости» визуального образа является для них основополагающим. Кроме того, мы опираемся на это определение, потому что оно подчеркивает визуальную, невербальную природу прецедентных образов. Такие образы часто встречаются именно в креолизованных политических текстах, задачей которых является наиболее лаконично и ярко воздействовать на человека, сформировать

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Ю.И. Детинко.

необходимое отношение к какой-либо личности или какому-либо событию и побудить избирателя к принятию определённого решения.

Креолизованный текст – одно из ключевых понятий, используемых для описания политических плакатов и карикатур, состоящих из вербальной части и изображения. Термин «креолизованный текст» был введен Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым. Ученые пишут, что креолизованными текстами можно считать «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык))» [Сорокин, 1990: 180–181]. Е.Е. Анисимова определяет подобные тексты как «особый лингвовизуальный феномен, текст, в котором вербальный и невербальный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционирующее целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова, 1992: 73].

Креолизованные тексты регулярно встречаются в политическом дискурсе, обладая коммуникативной установкой на воздействие и убеждение, объектом которого являются самые широкие слои населения. Е.И. Шейгал дает следующее определение политическому дискурсу: «как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, адресат или содержание общения» [Шейгал, 2000: 45]. Кроме того, определяя рамки политического дискурса, исследователь уточняет, что «...первичный дискурс образуют жанры <...>, составляющие основу собственно политической деятельности: речи, заявления, дебаты, переговоры. К сфере вторичного политического дискурса, <...> можно отнести такие жанры, как интервью, анекдоты, аналитические статьи, мемуары, письма читателей, граффити, карикатура и т.д.» [Шейгал, 2000: 321–322].

В настоящее время карикатура чаще воспринимается не просто как некое средство критики, иронии, но и как некое зеркало современности, чутко реагирующее на все изменения в обществе, «как значимый источник дан-

ных о взаимоотношениях между людьми, политическими событиями и властью» [Будаев, Чудинов, 2006: 13]. Политическая карикатура, в частности, призвана оказать воздействие на ту или иную аудиторию и «изменить ее отношение к объектам карикатурной оценки за пределами рисованного текста» [Айнутдинов, 2008: 50]. Под более общей трактовкой термина «карикатура» понимают «всякое изображение, где сознательно создается комический эффект, соединяются реальное и фантастическое, преувеличиваются и заостряются характерные черты фигуры, лица, костюма, манеры поведения людей, изменяются соотношения их с окружающей средой, используются неожиданные сопоставления и уподобления» [Популярная художественная энциклопедия, 1986: 311–313]. Роль центральных объектов в политических карикатурах, как правило, выполняют государственные и политические деятели, а также внешняя и внутренняя политика той или иной страны.

Нередко в качестве прецедентных образов выступают художественные произведения, которые легко узнаются реципиентами благодаря хранящейся в памяти информации. В нашей работе мы будем рассматривать прецедентные образы, встречающиеся в британском политическом дискурсе, визуальный ряд которых основан на всемирно известных произведениях живописи.

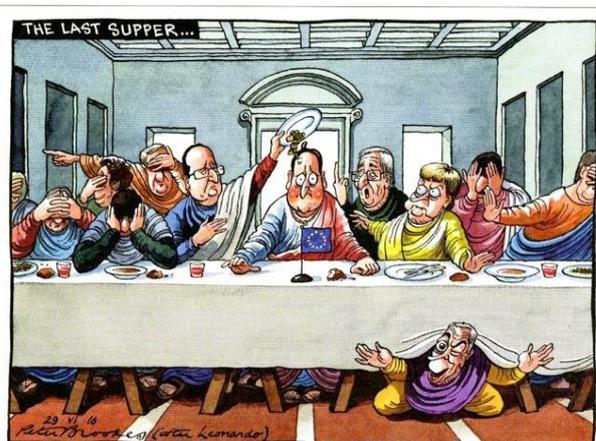

Рисунок 1. Карикатура «The Last Supper»

Данная карикатура (рис. 1) была опубликована 29 июня 2016 года британским художником-карикатуристом Дэвидом Бруксом, работающим в газете «The Times». Она является реакцией на отставку Дэвида Кэмерона, последовавшую за выходом Британии из Европейского Союза по итогам референдума.

Карикатура отсылает к работе Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» (англ. «The Last Supper»), на которой, как считают исследователи, изображен момент, когда Иисус, сидящий за столом с апостолами (рис. 2), произносит

Рисунок 2. «Тайная вечеря» Леонардо Да Винчи

слова о том, что один из апостолов предаст его («И когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня»), и реакция каждого из них [Волкова, 2017: 63]. На карикатуре Дэвид Кэмерон, сидящий в центре стола и окруженный европейскими лидерами, оказывает-

ся в прямо противоположной ситуации: именно он и является «предателем», чья страна вышла из Европейского союза. «Последний ужин» Кэмерона не выглядит счастливым прощанием: недовольные и разочарованные «апостолы» закрывают уши и глаза руками, как бы отказываясь верить в происходящее, недовольный президент Франции Франсуа Олланд посыпает Дэвида Кэмерона едой, негодуют канцлер Германии Ангела Меркель и президент Европейского союза Жан-Клод Юнкер, и только выглядывающий из-под стола Найджел Фараж (на тот момент лидер партии Независимости Соединенного Королевства) очень доволен происходящим.

Еще одна карикатура (рис. 3), основой которой послужила всемирно

Рисунок 3. Карикатура «Wilkommen»

известная картина, была опубликована в газете «The Guardian» 1 марта 2016 года в специальном разделе «Guardian Opinion cartoon». Подзаголовком к карикатуре служат следующие слова: «Aid agencies and NGOs have said Europe's "unconscionable" response to the refugee cri-

sis is courting humanitarian disaster». Её автор Стив Бэлл таким образом отреагировал на разрастающийся кризис беженцев в Европе.

Рисунок 4. «Свобода, ведущая народ» Эжена Делакруа

Источником прецедентности является картина французского художника Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ» (рис. 4). Художник создал картину по мотивам июльской революции 1830 года. В центре картины изображена женщина с французским флагом, символизирующая свободу. Обнаженная грудь показывает самоотверженность французов того времени, которые с

«голой грудью» шли на врага. Фигуры вокруг Свободы – рабочий, буржуа, подросток – символизируют единство французского народа во время июльской революции. Прецедентный образ Свободы на карикатуре – это Ангела Меркель. В одной руке она держит флаг Германии, в другой – флаг Евросоюза. На флаге Евросоюза большими буквами написано «Wilkommen» (нем. ‘Добро пожаловать’). Тем не менее, сама Ангела Меркель окружена не народом Германии, а десятками вооруженных солдат в полном боевом обмундировании. Образ «гостеприимности» Германии довершает колючая проволока, проведенная между Ангелой Меркель и беженцами. Автор карикатуры показывает контраст двух разных образов «свободы» – настоящей и объединяющей всех, изображенной у Эжена Делакруа, и существующей только в словах на флаге Европейского Союза.

Подводя итог, можно отметить, что отсылки к популярным произведениям живописи остаются актуальными у современных карикатуристов, которые накладывают на старые мотивы картин острые проблемы современной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова Е.Е. Паралингвистика и текст (К проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. №4. С. 71–78.
2. Айнутдинов А.С. Карикатура как она есть // Образование. Медиа. Общество. 2008. №3. С. 48–52.
3. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Риторическое направление в исследовании политической метафоры // Respectus Philologicus. 2006. №9 (14). С. 10–19.
4. Волкова П.Д. Художники. Искусство детям. М., 2017. 255 с.
5. Мардиева Л.А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) // Вестник пермского университета. №3 (15). 2011. С. 202–209.
6. Популярная художественная энциклопедия. В 2 т. Т.1. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 311–313.
7. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–181.
8. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01, 10.02.19. Волгоград, 2000. 431 с.

Дмитриева Ю.Н.*

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Аннотация: В работе представлено описание языка народных текстов и то, какими языковыми единицами выражается и структурируется в этих текстах народное сознание. В качестве материала исследования использованы тексты, собранные на территории Красноярского края, – мифологические рассказы, которые были записаны в начале и последней трети XX века. Особенности языковой картины мира выражены в описании мифологических персонажей, которые либо появляются в «освоенном пространстве» эпизодически, либо являются лесными и водными духами.

Ключевые слова: мифологическая проза, языковая картина мира, народное сознание, языковая единица, мифологический персонаж, мифологема.

Abstract: The article describes the folk texts and the language units which are used to express and structure people's consciousness in these texts. The texts are collected in the territory of Krasnoyarsk kray. They are mythological stories that were recorded in the beginning and the last third of the 20th century. The features of the language picture of the world are represented in the description of the mythological characters, which either appear in the "known space" occasionally or are forest and water spirits.

Keywords: mythological prose, language picture of the world, people's consciousness, language unit, mythological character, mythologem.

Языковая картина мира включает в себя все элементы национальной культуры, а также отражает действительность через культурную картину мира. Как замечает Е.С. Яковлева, языковая картина мира представляет собой «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности» [Яковлева, 1996: 47]. В настоящей статье исследуется проблема отражения языковой картины мира жителей Красноярского края на основе этнолингвистического анализа описания мифологических персонажей и их функций в народной мифологической прозе.

Методологическую базу работы составляют исследования в области этнолингвистики и фольклористики [Байбурин, 1983; Власова, 1995], лингво-

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент А.Н. Сперанская.

культурологии [Зиновьева, Юрков, 2009], изучения русской языковой картины мира [Яковлева, 1996].

По определению А.В. Юдина, этнолингвистика – это «наука, занимающаяся исследованием связей между языковыми и культурными явлениями» [Юдин, 1998: 407]. Таким образом, этнолингвистический анализ описания и функций мифологических персонажей позволяет во всей полноте раскрыть значение анализируемых единиц (персонажей), через которые отражается народное сознание, что составляет актуальность данной темы. Также этот метод способствует выделению характерных черт народного мышления, что позволяет отразить его особенности в XX веке.

Фольклор Красноярского края, собранный в XX веке, мало изучен, а материал, на основе которого проведено исследование, является новым и недавно опубликованным. Это позволяет исследовать проблему с новой стороны, что обуславливает новизну темы.

В данной работе выделены функции мифологической прозы Красноярского края при помощи описания отобранных мифологических персонажей и их сюжетных функций. На основе этого охарактеризованы функции мифологической прозы, проистекающие из анализа языковых единиц описания персонажа и его сюжетных функций.

Сохранившиеся записанные мифы, на материале которых проводилось исследование, относятся к началу XX века и к периоду 1970–2000-х гг. Это позволяет увидеть, как сохранялись древние представления и как эти представления изменялись под воздействием более поздних воззрений, а также в некоторых случаях разрушение мифологем.

Для мифологической прозы Красноярского края характерны следующие персонажи, обитающие в неосвоенном пространстве или появляющиеся в нем периодически: леший, водяной, чёрт. Каждый мифологический персонаж имеет определенное место обитания, относящееся к «своему» или «чужому» пространству, или, как называет А.К. Байбурин, «освоенному» или «неосвоенному» пространству [Байбурин, 1983]. Такое деление происходит

по антропоморфному критерию, где определяющим фактором является приближенность к человеку.

Данные языковые единицы рассматриваются в следующих аспектах:

1) этимологический анализ, при помощи которого выявляется внутренняя форма языковой единицы; 2) содержательная сторона мифологических персонажей: портрет, в каких обликах персонаж является людям, жилище, сюжетные функции, что позволяет выявить семантические признаки, ассоциации и коннотации; 3) синтагматические связи языковой единицы в языке. Такой подход позволит глубже рассмотреть, как отражаются представления о жизни народа, проживаемого в одной местности в уникальных исторических условиях.

Одним из мифологических персонажей, характерных для мифов Красноярского края, является леший – от древнерусского «лесной, поросший лесом». Этимология названия указывает на место обитания данного духа. Деривационные связи данного слова включают названия женского варианта домашнего духа – «лешачиха». Старожилы Приангарья лешего называют «лешак», остальные жители – «леший». Характерной особенностью для Красноярского края является отсутствие названий, в который прослеживается связь с такими признаками лешего, как волосатость и привычка шуметь. В некоторых быличках лешего называют чертом или шуликуном, нечистой силой и даже ведьмой, в чем проявляется наложение представлений о нечистой силе. Такое наложение происходит из-за сходства обликов, в которых предстают леший и черт, например, иногда они являются людям в облике умершего близкого.

Содержательный минимум данной языковой единицы определяется как «дух – хозяин леса», однако иногда встречаются дополнительные элементы этого содержания, как «нечистая сила», «ходячий покойник», «помощник в охоте». Выделяются различные виды портретов лешего, такие как антропоморфный, зооморфный, синкретичный и фитоморфный, к тому же он обладает гиперболическими чертами. В портрете лешего, отмечает М.Н. Вла-

сова, всегда присутствуют «нечеловеческие» черты» даже если он в облике человека. Тем не менее описание внешнего вида наделено человеческими чертами: «высокий седой старик», «леший – это такой мужик с длинной бородой, с длинными волосами», «лешак он весь такой обросший, волосатый, страшный и очень злой». К нечеловеческим признакам лешего относится отсутствие бровей («а у него бровей совсем нету»), и изменение роста («издали он велик, а вблизи – мал»). Помимо типологических отличий, прослеживаются локальные отличия в портрете. Так, встречается такая черта портрета, как горящие глаза («глазищи огнем полыхают»), и то, что леший ходит в кожаных перчатках («Раньше говорили, что леший ходит в кожаных перчатках») [Власова, 1995: 120].

Леший может явиться людям в облике умершего родственника («Кто сильно тоскует по умершим родственникам, к тем он приходит в обличье умершего»), всадника на коне («К ним подъезжает человек на лошади и говорит: “Садитесь в телегу, подвезу”»). Явление в различных обликах несет определенную функцию: умерший родственник предстает своеобразным способом наставления, чтобы тот, кому является леший, долго не страдал по умершему близкому. Облик всадника на коне несет за собой оберегающий совет: не садись на коня к незнакомому человеку.

Леший появляется в облике не только человека, но и животных: жеребенка («Смотрю: бежит жеребенок стороной, и на голове у него блестит что-то, как веночек»), козленка, ягненка, овечки, барашка, а также коня, который превращается в обветшалое дерево («И только влезли на него, а конь вдруг исчез. Смотрят, а они на поваленной сосне сидят»). Животные в быличках наделены способностью говорить: «козленок человеческим голосом захохотал»; «а ягненок ему те же слова повторил»; «барашек спрыгнул с телеги и говорит: “Бе, замерз бедный барашек”»).

Признаками присутствия лешего, по свидетельству М.Н. Власовой, являются следующие: «он свищет, шелкает, кричит на разные голоса, визжит, дразнится, хлопает в ладоши, сродни эху и шумящему под ветром лесу»

[Власова, 1995: 120], а также раздаётся щелканье, гром, грохот и даже сверкает молния. Также появление лешего отражается на погоде: если появились тучи и поднялся ветер, значит будет встреча с лешим. О жилище лешего конкретных сведений в мифах не встречается, говорится только, что местом жительства является лес, без дальнейшего уточнения.

Сюжетными функциями лешего в текстах обычно являются следующие: леший водит людей по лесу, путает им дорогу, пугает. Обычно такие поступки ничем не мотивированы, он делает это ради своего развлечения.

Зачастую в мифологической прозе показывается, как леший наказывает за то, что люди не попросились ночевать в лесу, халатно относились к природе: «Ну если ночуешь в лесу, надо проситься у леса: “Матушка-деревинка, пусти ночевать, век вековать”. Как-то раз мужик ночевал в лесу, а у леса не попросился. Так его деревинкой и прибило». Также родители пугают лешим непослушных детей, говоря, что леший заберет их к себе: «Мать одна прокляла свою дочь. Она баловалась, а та возьми и скажи: «Чтоб тебя леший взял!» У жителей Красноярского края есть представление о лешем, как о предвестнике болезни или смерти. В ряде случаев люди, которым довелось повидать лешего, вскоре заболели или умирали: «Один парень пошел в лес и заблудился. Там ему повстречался леший... Парень после этого случая жил недолго. Скоро умер».

Из сюжетных функций лешего вытекают синтагматические связи единицы, такие сочетания как: «леший водит», «утащит лешак», «леший голову закрутил», «леший свистит», «леший ухнул», «леший попутал».

Таким образом, в народном сознании рассказы о лешем имеют своеобразную дидактическую функцию. Былички напоминают о правилах поведения и речевых табу, учат соблюдать меру при сборе «лесных даров», заставляют понять, что человек всего лишь гость в лесу, а не его хозяин. Леший является воплощением представления о силе, следящей за лесом. Также, леший может выполнять функцию помощника (например, в охоте).

Представителем неосвоенного водного пространства выступает водяной. Слово «водяной» происходит от существительного «вода», указывает на место обитания данного духа. В старожильческом Приангарье водяного называют «водяной чёрт» или просто «чёрт». Дух женского пола назывался «чертиха». Связи с чёртом в христианском представлении здесь нет. В данном случае выступают более древние языческие представления о живущем в воде чёрте.

Что касается содержательного минимума слова «водяной», им является сочетание «дух – хозяин воды». Дополнительными элементами выступают единицы «нечистая сила», «утопленник», «водяной черт». Портрет водяного в мифологической прозе различен. Типологической чертой являются длинные черные волосы, которые выступают маркером инфернального, «чужого» существа, так как черный цвет волос не характерен для русских. Внешний вид соединяет в себе зооморфные и антропоморфные черты. Жители описывают водяного следующим образом: «Черный, страшный, глаза большие»; «Смотрят: из воды вылез черный, волосатый, расчесанный и поет»; «Чёрт сидит и волосы длинные чешет. Сам в виде рыбины». Водяной иногда принимает облик знакомого человека или утопленника. Облик водяного не играет существенной роли для функции былички, он меняется от мифа к мифу и обладает лишь некоторыми постоянными чертами.

Водяной иногда принимает облик знакомого человека или утопленника. Конкретными чертами облик водяного не обладает, и его точных описаний нет. Неизвестно, какого пола дух воды, отмечают только то, что он в виде человека с длинными черными волосами, как уже говорилось выше. Люди видят водяного сидящим на помосте и чешущим свои волосы. Признаком присутствия является пение, хохот, плеск воды. Время наибольшей активности водяного длится от заката до рассвета, обычно в это время он и является людям. Как и в мифологической прозе о лешем, не описывается жилище водяного и единых представлений о нем нет, а также не упоминается взаимодействие водяного с другими персонажами, в том числе с лешим.

Как и у других духов природы, сюжетными функциями у водяного выступают помощь или, наоборот, издевательство над людьми: он может пугать людей, зазывать к себе в воду, требовать жертв и наказывать за нарушение запретов. Например, тех, кто нарушает запрет и купается после заката, водяной «забирает к себе». Более всех воды опасаются лошади, так как по поверьям считается, что лошади – лакомая пища для водяного: он может объесть им ноги или утащить под воду.

Синтагматическими связями выступают такие языковые единицы, как «черт бушевал», «черт утопил», «черт чешется», «водяной утащит», «черт утаскивает», «черт водится».

В мифах зачастую встречаются наставления, за невыполнение которых водяной утаскивает к себе под воду, также таким образом уберегали детей, чтобы те не купались по ночам. Например: «Детям рассказывали, что в реке живет чёрт и он за волосы в воду утянет»; «Ребятишек пугали: “Смотри, утащит”». Водяной в народном представлении является предвестником смерти: «Живет у нас в воде чертовка. Пришла как-то одна баба белье полоскать. Видит: на плоту сидит чертовка, женщина, и чешет чернючи волосы. Потом бултых в воду. А через неделю на том месте девочка утонула. Все эта женщина к несчастью являлась, чудилась».

Водяной так же, как и леший, выступает в своеобразной воспитательной функции: с его помощью уберегают детей и молодежь от утопления.

Еще одним жителем неосвоенного пространства является чёрт. Его отличие от лешего и водяного, во-первых, в том, что чёрт не принадлежит какому-либо определенному месту жительства, как, например, лес и вода, во-вторых, чёрт может появляться периодически в освоенном пространстве, когда приходит в деревню за людскими душами, или на границе между освоенным и чужим пространством, в качестве которой выступают обычно мосты. Происхождение слова не имеет закрепленной версии: по одной из версий, слово чёрт происходит из праславянского языка, что означает «проклятый». Чёрт выступает собирательным наименованием представлений народа о не-

чистой силе. Жители Красноярского края называют чёрта также «бесом», «дьяволом», «покойником» и чаще всего просто «нечистой силой».

Содержательная сторона языковой единицы «чёрт» включает в себя содержательный минимум «чёрт – нечистая сила», дополнительными элементами которого являются «бес», «дьявол». Описание внешнего вида чёрта всегда различно и зависит от облика, в котором чёрт предстает перед людьми. Еще одной характерной особенностью является то, что каждый видит чёрта по-своему: «На той мельнице всегда что-то там представлялось: то ба-рана кто видит, кто что». Тот же рассказчик описывает чёрта в том облике, в котором он привиделся ему: «Вышел старичок. Ну не знаю, с мельницы там или не с мельницы, ну, ростиком вот такой, борода ниже колена у него». Часто чёрт выбирает себе облик красивого мужчины, чтобы заходить в дом к женщинам: «Чёрт может предстать перед человеком в любом виде. Обычно приходят красивые, статные мужчины, кареглазые, вьющиеся волосы». В ряде случаев чёрт приходит в дом в облике умершего родственника, чтобы его напоили чаем: «Если часто думать о мертвых, то будет приходить нечистый дух, чёрт»: «У одной бабы мужик умер. Тосковала она по нему сильно, и “он” к ней каждый день ходил. Она ему чай грела». Тогда, по народному поверью, чтобы распознать в нем чёрта, необходимо «случайно» уронить на пол столовый предмет: «А потом она украдкой как-то за ложечкой потяну-лась и увидела у них хвосты, у этих, у парней у этих кудрявых». Помимо хвостов, часто описывают копыта: «У парней-то ноги бычачьи». В свой образ чёрт вбирает черты лешего, водяного, банника, домового и других представителей нечистой силы. Также чёрт может принимать облик животного. Так, в одной из быличек он предстает в облике черного кота: «Ну, я думаю: “Про-пал котище”. Подхожу ближе, смотрю. А он как вскочит! Гляжу, да это чёрт!»

Признаком появления чёрта является хохот. В целом присутствие чёр-та можно заметить, только увидев характерные признаки его внешности: че-ловеческий облик, хвост и копыта. Сюжетными функциями выступают такие

действия, как путать человека, зазывать его, подшучивать над ним, в ряде случаев доводить до самоубийства. Синтагматические связи прямым образом откликаются на функции и появляются следующие сочетания: «бес попутал», «чёрт опутал», «черти завели», «черти подшутили», «нечистая сила увела».

Сюжетными функциями выступают такие действия, как путать и зазывать человека («Мужик-то посидел-посидел, а потом видит, что он над кручей сидит. И как он еще вниз не свалился? Это его бес попутал»); подшучивать над ним («Это над тобой черти подшутили. Решили страх в тебя вселить»); в ряде случаев доводить до самоубийства («А вот с моей дочкой было. Вышла она замуж, да неудачно. Стала невеселая, чахнет и чахнет. Детей нет. Задумала травиться. Она думала, думала, и черти-то начали приставать к ней по ночам. Как ночь, они к ней приходят да и давай стаскивать с койки. А потом утром-то она и отравилась»).

Чёрт является либо предвестником смерти, либо несущим смерть, так как в народном сознании языковая единица «чёрт» имеет только отрицательные коннотации. Дидактическая сторона быличек о чёрте проявляется только в контроле за речевыми табу и действиями, находящимися под запретом.

В заключение подчеркнем важную для нас мысль. Этнолингвистический анализ описаний и функций позволяет раскрыть мифологических персонажей, что помогает изучить народное сознание и описать элементы языковой картины мира жителей Красноярского края. Так, анализ мифологических персонажей способствовал выявлению дидактического действия, которое оказывает мифологическая проза на народ. А также тот факт, что происходит насаивание понятий «леший», «водяной», «чёрт», часто называемых просто как «нечистая сила» или «чёрт» из-за схожести функции мифологических персонажей и неразличения нечистой силы вообще. В народном представлении любая нечистая сила может выступать предвестником смерти или непосредственно несущей смерть, из чего можно сделать вывод, что нечистая сила в народном сознании имеет только отрицательную коннотацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбурин А.К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л.: Наука, 1983. С. 78–82.
2. Власова М.Н. Новая Абевега русских суеверий: иллюстрированный словарь. СПб.: Северо-Запад, 1995. 221 с.
3. Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология: теория и практика. СПб.: МИРС, 2009. 291 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: Уч. пос. для студентов вузов. М.: Академия, 2001. 208 с.
5. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. В 2 т. Т.1 М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959. 716 с.
6. Хань Цзинхуэй. Мифологические персонажи в современной русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. СПб., 2012. 20 с.
7. Юдин А.В. Культурология. XX век. Энциклопедия. 1998. С. 407.
8. Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. М.: Гнозис, 1996. С. 47–56.

МАТЕРИАЛЫ

Мифологическая проза славянского населения Красноярского края: хрестоматия: в 2 т. Т.2. Рассказы о духах природы, нечистой силе, кладах, предсказаниях / сост. Н.А. Новосёлова, С.В. Калинина. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2017. 100 с.

Жавнер Т.В.*

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СДАЧИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКЗАМЕНА СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ В ВУЗЕ

Аннотация: В статье рассматривается опыт работы преподавателей кафедры иностранных языков для инженерных направлений в проекте по обучению английскому языку студентов инженерных специальностей и их подготовке к сдаче международного экзамена (FCE) в рамках программы повышения конкурентоспособности университета по отношению к ведущим зарубежным образовательным и научно-исследовательским организациям на примере Сибирского Федерального университета. Актуальность исследования объясняется интернационализацией высшего образования, которая диктует потребность в квалифицированных инженерах со знанием английского языка на рынке труда. В связи с этим, внедрение новых методов и приемов, способных ускорить и облегчить процесс обучения студентов в данной сфере на основе коммуникативного подхода, стало неотъемлемой частью для успешного развития профессиональной коммуникативной компетенции у студентов бакалавриата / специалитета.

Ключевые слова: коммуникативный подход, коммуникативная компетенция, международный экзамен, английский язык, программа повышения конкурентоспособности.

Abstract: The paper considers the experience of teachers of the department of foreign languages for engineering in the project of teaching English to the students of engineering specialties and their preparation for passing the international exam (FCE) in the framework of the Russian academic excellence program to improve the competitiveness of the university in relation to the leading foreign educational and research organizations on the example of Siberian Federal University. The relevance of the study is explained by the internationalization of higher education which dictates the need for qualified engineers with the knowledge of English in the labor market. In connection with this, introduction of new methods and approaches which can accelerate and facilitate the process of teaching students in this field through communicative approach has become an integral part for the successful development of professional communicative competence among the students of bachelor and specialty degrees.

Keywords: communicative approach, communicative competence, international examination, English language, Russian academic excellence program.

Современные тенденции развития профессионального образования определяются жесткими требованиями глобального рынка к качеству и способу оказываемых научно-образовательных услуг. Одним из ключевых факторов влияния на изменение системы образования является постоянно усили-

* Научный руководитель – д-р пед. наук, профессор В.А. Адольф.

вающаяся глобализация. Под ее влиянием происходит реструктуризация университетов, они становятся источниками новых знаний, технологий и компетенций, на их базе формируются глобально значимые центры превосходства (исследовательские центры), выделяется вторая категория университетов-лидеров как мирового, так и национального уровня.

Программа развития федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский федеральный университет» на 2011–2021 годы определяет меры по дальнейшему развитию и обеспечению конкурентоспособности университета по отношению к ведущим зарубежным образовательным и научно-исследовательским организациям. В результате реализации программы развития университет призван стать образовательной организацией высшего образования нового типа, способной эффективно решать задачи комплексного социально-экономического развития Сибирского федерального округа [О внесении изменений..., 2011:8].

Из плана мероприятий по реализации программы повышения конкурентоспособности («дорожная карта») федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский федеральный университет» на 2016–2020 годы (1 этап – 2016–2018 годы) можно наблюдать ряд мероприятий, осуществление которых направлено на создание двуязычной среды и организации обучения и обязательного тестирования, обучающихся на владение английским языком в соответствии с международно-признанной системой в рамках программы повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов (Russian academic excellence program) среди ведущих мировых научно-образовательных центров [План мероприятий..., 2016:7].

Дисциплина «Иностранный язык» на кафедре иностранных языков для инженерных направлений Инженерно-строительного института в СФУ в рамках бакалавриата / специалитета направлена на формирование у обучающихся иноязычной коммуникативной компетенции, а именно: лингвистической, социолингвистической, социокультурной, дискурсивной, социальной, а

также формирование компетенций, необходимых для использования английского языка в учебной, научной, и профессиональной деятельности, дальнейшем обучении в магистратуре и аспирантуре и проведения научных исследований в заданной области. В.В. Воног, Т.В. Жавнер, Е.А. Пономарева, Н.В. Батурина отмечают, что понятие иноязычная коммуникативная компетенция рассматривается не как абстрактная сумма знаний, умений и навыков, а как «совокупность личных качеств студентов (ценностно-смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков и способностей) и определяется как способность решать проблемы и самостоятельно находить ответы на вопросы, возникающие в процессе учебного, социально-культурного и профессионального или бытового общения на иностранном языке» [Воног и др., 2016: 2].

С 2016 года (в течение года) студенты бакалавриата / специалитета инженерных специальностей Сибирского федерального университета проходят обучение и готовятся к сдаче международных экзаменов на владение английским языком в соответствии с международно признанной системой. Языковой уровень студентов определяется входным тестированием на уровень «самостоятельного пользователя» (соответствует ли уровню B2 – Vantage Level / Independent User в единой общеевропейской системе оценки уровня владения английским языком). Студенты бакалавриата / специалитета, показавшие лучшие результаты, включаются в группы для подготовки к сдаче международного экзамена FCE (англ. *First Certificate in English*, известный как первый Кембриджский сертификат – экзамен по английскому языку, разрабатываемый и проводимый подразделением ESOL экзаменационного совета Кембриджского университета (UCLES)), который соответствует уровню B2 согласно шкале Общеевропейских компетенций владения иностранным языком (CEFR).

Студент должен уметь:

в области говорения

(Speaking):

- без подготовки достаточно свободно участвовать в диалогах с носителями изучаемого языка;
- принимать активное участие в дискуссии по знакомой ему проблеме, обосновывать и отстаивать свою точку зрения;
- аргументированно высказываться по широкому кругу интересующих вопросов, связанных с его академической и будущей профессиональной деятельностью.

в области письма

(Writing):

- писать эссе, письма, статьи или доклады, освещая вопросы или аргументируя точку зрения «за» или «против»;
- вести деловую корреспонденцию.

в области понимания:

(чтение и аудирование)

(Reading and Listening)

- понимать развернутые доклады и лекции и содержащуюся в них даже сложную аргументацию, если тематика этих выступлений ему достаточно знакома;
- уметь вести записи получаемой информации;
- понимать объемные сложные тексты на профессиональные темы;
- понимать статьи и сообщения по современной проблематике, авторы которых занимают особую позицию или высказывают особую точку зрения.

Основной целью преподаватели кафедры ИЯИН считают развитие личности обучающегося, способной и желающей участвовать в межкультурной коммуникации на изучаемом языке и самостоятельно совершенствоваться в овладеваемой им иноязычной речевой деятельности.

Преподаватели ставят перед собой следующие **задачи**:

- вооружить учащихся знаниями;

- сформировать навыки и умения использования английского языка как средства речевого общения в повседневной жизни и дальнейшей профессиональной деятельности;
- повысить компетентность учащихся по всем видам речевой деятельности, а также их лексическую и грамматическую компетентность с учётом профильной тематики;
- создание дискуссионных ситуаций и организация дискуссий;
- научить учащихся самостоятельно добывать знания, в том числе и профессионального характера, используя различные информационные источники;
- умение проблемно излагать учебный материал;
- развитие профессиональных личностных качеств студента.

Преподавателю необходимо уделять особое внимание целенаправленному формированию позитивного отношения студентов к освоению иностранного языка, поскольку тестирование студентов бакалавриата / специалитета на владение английским языком в соответствии с международно-признанной системой выступает как важное условие успешности и продуктивности процесса обучения иностранному языку в вузе.

Практические занятия, проводимые преподавателями для подготовки студентов к сдаче международного экзамена (FCE), различны по целям, задачам, типу, форме, применяемым технологиям. При этом Т.В. Жавнер, В.В. Воног, Н.В. Батурина утверждают, что главное в учебном процессе – это соответствие критериям занятий развивающего типа: по теме, по цели, по введению студентов в учебную деятельность, по организации учебной деятельности обучающихся, по методам, по форме учебного взаимодействия и отношений, по контролю и оценке, по позиции преподавателя [Жавнер и др., 2015: 6].

При организации учебно-воспитательного процесса всегда учитываются возрастные особенности учащихся, различный уровень владения языком, различные интересы учащихся и различный уровень их одарённости.

Огромную роль в обучении и воспитании обучающихся играет и организация внеклассной работы по предмету. При этом использование современных ИКТ предоставляет широкие возможности для интеграции в мировое образовательное сообщество. В.В. Воног, Ю.Н. Бойко, Т.В. Жавнер отмечают, что с помощью интернета можно не только совершать различные виртуальные путешествия и экскурсии, общаться с зарубежными сверстниками, представлять на должном уровне Россию, свой регион и город, но и принимать участие в Международных и Всероссийских олимпиадах и конференциях, языковых квестах, конкурсах и проектах [Воног и др., 2016: 1].

Основная задача коммуникативного подхода – помочь студенту избавиться от языкового барьера.

Коммуникативный подход появился в 1970-е гг. под влиянием глобализационных процессов. Развитие коммуникаций и транспорта сделало мир меньше, а английский язык занял место мирового языка. Его стали изучать не для того, чтобы читать в оригинале или сделать язык своей профессией.

Коммуникативный подход опирается на способ обучения языку маленьких детей. Так, детей не учат языку целенаправленно, но уже к пяти годам у них в основном оказываются сформированы все необходимые лингвистические навыки, в том числе и грамматические. Формальное обучение только оттачивает их.

Несмотря на то, что коммуникативный подход появился в 70-е гг XX в., о нем продолжают спорить.

Рассмотрим принципы коммуникативного подхода при подготовке студентов к сдаче международного экзамена FCE.

1. Активное вовлечение студента в языковую среду.

Главный принцип коммуникативного подхода – погружение студента в среду с первого дня изучения языка. Для этого используются аутентичные

материалы. Материалы можно использовать любые: от книг (Complete First Certificate Student's Book and Workbook) и фильмов до рекламы и ресторанных меню, а также участие студентов в выездных мероприятиях по языковому погружению.

2. Используется большое количество дополнительных материалов.

Преподаватель не должен ограничиваться только учебником. Учебники представляют язык так, как его удобно учить, а не так, как мы с ним сталкиваемся в повседневной жизни. Отличную возможность услышать язык таким, как он есть на самом деле, дают различные видеоресурсы.

Хороший преподаватель – прежде всего хороший психолог. Работа преподавателя вовсе не сводится к пересказыванию учебника. Преподаватель должен облегчать общение в группе (в данном случае мы говорим о групповом обучении), организовывать процесс, выступать наблюдателем (определять потребности и трудности студентов), направлять, давать обратную связь, поощрять и хвалить.

Ранее нами было установлено, что в коммуникативном подходе преподаватель гораздо больше ориентирован на студента. В центре внимания находится не учебник и не объяснения новой темы, а студент, его желания, трудности и потребности [Жавнер, 2016: 4].

Главное правило обучения при коммуникативном подходе: преподаватель не должен сообщать студенту то, до чего он может додуматься сам. Этот приём называется *eliciting*. Например, после разминки всегда необходимо повторить пройденный материал. Преподаватель не поясняет заново, а задаёт вопросы, чтобы студент сам проговорил то, что он помнит. Можно также задавать наводящие вопросы, чтобы объяснить грамматическую структуру или слово.

В практике обучения иностранному языку были разработаны принципы эффективного общения со студентом.

1. Проявляйте уважение к студентам.

Исследования показали, что эмпатия тесно связана с установлением контакта на уроке. Проявление уважения и создание позитивной атмосферы помогают преподавателю иностранного языка завоевать доверие студента, а это, в свою очередь, повышает мотивацию студента к обучению.

Пользуйтесь вербальными и невербальными способами демонстрации хорошего отношения к студентам.

Зрительный контакт, улыбка, кивки головой вовремя, обращение по имени и похвала – всё это помогает студенту расслабиться и чувствовать себя свободнее.

3. Будьте терпеливы и доброжелательны.

Не показывайте раздражения, даже если студент делает одну и ту же ошибку. Избегайте командного тона и выражений: «Я уже говорила», «Я уже несколько раз повторила», «Ну что ж вы никак не запомните». Не высказывайте никаких оценочных суждений.

4. Всегда интересуйтесь мнением студентов (рефлексия студентов).

Кристофер Сион в книге «Recipes for tired teachers» предлагают следующие методы: «Feedback bottle» и «Thinking and feeling» [Sion Christopher, 1985: 11]. Студенты представляют, что оказались на необитаемом острове, и единственный способ общаться – это записка в бутылке, которую они бросят в море. Они пишут свой отзыв об уроке на листе бумаги в форме бутылки и бросают его в переднюю часть класса. Во втором способе берут лист бумаги, на одной стороне которой изображено сердце и написан вопрос: «What do you feel of the lesson?». На обратной стороне листа – изображение головы и вопрос «What do you think of this lesson?»

5. Проявляйте энтузиазм к процессу обучения и к его содержанию.

Преподаватель, который любит свою профессию, мотивирован, полон энергии и желания воплощать свои творческие идеи. Этим позитивом он заряжает и студентов.

6. Попробуйте пробудить любопытство ученика.

Задавайте ему сложные вопросы (если ответ на вопрос можно найти в гугле, то он не считается сложным). Давайте задания, которые чуть сложнее, чем он может выполнить. Не упрощайте ему жизнь, дайте студенту пережить радость открытий. Человек учится только методом проб и ошибок. Разрешите своему ученику делать ошибки, и он будет учиться гораздо быстрее! Ошибки студента, изучающего иностранный язык, показывают какого уровня он достиг, и как преподавателю необходимо выстраивать учебный процесс. Прогресс без ошибок невозможен.

В традиционном грамматико-переводном методе слишком большое внимание уделялось коррекции ошибок. Это вызывало у студентов страх совершить ошибку. Они думали: «Лучше совсем ничего не сказать, чем сказать с ошибкой». Это убеждение противоречит принципам коммуникативного подхода.

Если вы преподаёте индивидуально, то спросите у студента, как он хочет работать: исправлять все ошибки без исключения, только самые важные или не исправлять совсем. Следует учитывать цели его обучения.

Если это подготовка к международному экзамену, то, конечно, правильность речи имеет большое значение, но если он просто хочет подтянуть разговорную речь, чтобы болтать с друзьями, то следует более спокойно относиться к ошибкам. Согласно алгоритму Джона Нориша, ошибкам, которые не препятствуют пониманию, отводится самый низкий приоритет.

В книге «Learning teaching» Джим Скривенер при работе с ошибками рекомендует преподавателям ответить на 5 вопросов, которые мы разберем чуть ниже.

Принципы исправления ошибок:

Прежде, чем исправлять ошибки студента, Джим Скривенер рекомендует ответить на следующие вопросы [Scrivener, 2011:11].

Какого типа ошибку допустил студент?

Ошибки могут быть глобальными и локальными. Рассмотрим ошибки в следующем высказывании: «*The men had been shooting when they are blindfolded*».

Ошибка «*had been shooting*» считается глобальной, потому что искажает смысл всего предложения (правильно: «*the man had been shot*»). А вот ошибка «*are blindfolded*» локальной, потому что не затрудняет смысл предложения.

Полезно ли исправить ошибку сейчас?

Допустим, студент совершил ошибку в той теме, которая ещё не изучалась, есть ли смысл его исправлять? Если задание на беглость речи и вы понимаете, что это оговорка, нужно ли об этом говорить студенту?

Когда исправлять ошибку: немедленно, в конце задания или позже?

Всё зависит от цели задания. Если цель – точность речи (например, студент употребляет в речи только что изученную грамматическую структуру), то тогда немедленное исправление или исправление в конце упражнения являются уместными. Если задание направлено на беглость, то немедленное исправление ошибок перебивает поток речи и может негативно повлиять на уверенность студента.

Кто будет исправлять ошибку: преподаватель, сам студент или другие студенты?

Исправление ошибок самим студентом или другими учащимися имеет ряд преимуществ:

- студенты учатся быть независимыми;
- студенты более вовлечены в учебный процесс;
- если студент исправит свою ошибку сам, он запомнит её лучше;
- время говорения преподавателя сокращается.

Какую технику использовать чтобы показать студенту что совершена ошибка?

- преподаватель может просто сказать: «*There's an error in this sentence*»;

- преподаватель может использовать звуки или односложные слова: «*Err-r-r, Good but.. Almost...*»;
- преподаватель показывает пальцами (finger correction);
- преподаватель повторяет предложение до слова, в котором сделана ошибка: «*They looked for a...?*»;
- преподаватель переспрашивает с измененной интонацией (*You went there IN Monday?*);
- преподаватель задаёт краткий вопрос (*Student: @I eat a cake yesterday» Teacher: «Tense? Past?»*);
- преподаватель пишет предложение с ошибкой на доске или в чате и предлагает студенту самому её исправить;
- преподаватель использует юмор (*Student: «The doctor gave her a recipe». Teacher: «So she made a nice cake?»*).

Авторы Бартрам Марк и Ричард Валтон в книге «Correction: A Positive Approach to Language Mistakes» делают акцент на психологических аспектах коррекции ошибок, а также на интересных техниках их исправления [Bartram Mark, Walton Richard, 1991: 9].

Впервые столкнувшись с коммуникативным подходом, многие думают, что он полностью отрицает грамматику. Это не так. Правильная и беглая речь невозможна без знания грамматических правил. Но в коммуникативном подходе очень важна связь грамматики с другими навыками. Многие правила, студенты вырабатывают сами, используя индуктивный подход. Основное внимание уделяется содержанию, а не форме грамматической структуры. Знание грамматики бесполезно, если студент не может им пользоваться.

Есть две модели изучения грамматики: *PPP (presentation-practice-production) model* и *TBLT (Task-based learning)*. В первой модели грамматика изучается небольшими порциями и постепенно. Беглость речи развивается после точности. На этой модели основано большинство современных учебников. Её главное преимущество в том, что она позволяет преподавателю контролировать контент занятия. Процесс представляет собой последова-

тельные чётко спланированные шаги: презентация грамматической структуры, её анализ студентами, контролируемая практика и свободное оперирование грамматическим явлением.

Во второй модели преподаватель не может заранее составить четкий план урока, так как после выполнения студентами коммуникативного задания, преподаватель оценивает языковые трудности учащихся и фокусируется на них. Это позволяет делать процесс обучения более индивидуальным и творческим. Однако у этой модели также есть недостатки: она очень зависит от квалификации преподавателя. Если преподаватель неправильно подобрал задания, то весь процесс обучения становится неэффективным.

Методисты сходятся в одном: грамматику лучше представлять студентам в контексте, не сообщать готовые правила, а помогать студентам, анализируя незнакомые им грамматические явления, самим делать выводы об их форме и употреблении.

Как эффективно работать с грамматикой?

Во-первых, следует разбирать грамматику на основе текстов. В книге «Functional Grammar in the ESL Classroom» Грэхэм Локоми и Родни Джонс предлагают несколько способов работы с грамматикой: *comparing, sequencing, gap filling, reconstructing, elaborating transforming*. Это не просто типы упражнений, а способы, сфокусированные на презентации грамматических структур в тексте. Например, при работе с *gap-filling* преподаватель выбирает текст и убирает из него некоторые случаи употребления ключевого грамматического явления, заменяя их пропусками или картинками. Студенты заполняют пропуски, как могут, сравнивают с оригинальным текстом и анализируют форму и значение грамматической структуры [Jones, Lock, 2011: 10].

Во-вторых, использовать иллюстрации и шуточные диалоги.

В-третьих, использовать новые структуры в речи. Т.В. Жавнер, В.В. Воног, В.А. Адольф пишут о том, что очень важно способствовать использованию новой грамматической темы в речи студента. Это может быть

персонализированное говорение: студент рассказывает о каком-то случае из своей жизни или описывает ситуацию, в которой он находится сейчас, закрепляя в речи грамматическую структуру [Жавнер, Воног, Адольф, 2016: 5].

Выполненный анализ подтвердил большую гибкость и доступность использования коммуникативных подходов при подготовке студентов к сдаче международного экзамена, которая способствует формированию не только коммуникативной, но и профессиональной компетенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воног В.В., Бойко Ю.Н., Жавнер Т.В. Применение электронных социальных сетей в современном процессе обучения иностранному языку студентов инженерных специальностей // Профессиональная подготовка студентов технического вуза на иностранном языке: методическая готовность преподавателей / под ред. Л.А. Свицкой. Томск: Изд-во ТПУ, 2016. С. 7–12.

2. Воног В.В. и др. Инновационные технологии в обучении иностранному языку студентов инженерных направлений // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2016. № 3 (37). С. 54–60.

3. Жавнер Т.В., Тахавеева Ю.В. Информатизация обучения иностранному языку с развитием межкультурной профессиональной коммуникативной компетенции у студентов бакалавриата инженерных специальностей // Вестник КемГУ. 2015. №2 (62) Т.3. С. 46–51.

4. Жавнер Т.В. Формирование профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции студентов инженерных направлений подготовки при смешанном обучении на базе электронной платформы // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2016. № 4 (38). С. 39–43.

5. Жавнер Т.В., Воног В.В., Адольф В.А. Использование инновационных технологий и методов обучения иностранному языку студентов технических специальностей // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 2 (28). С. 245–249.

6. Жавнер Т.В., Воног В.В., Батурина Н.В. Развитие межкультурной профессиональной коммуникативной компетенции у студентов инженерных специальностей в рамках смешанного образования // Профессиональная подготовка студентов технического вуза на иностранном языке: теория и практика. Томск: Изд-во ТПУ, 2015. С. 18–22.

7. План мероприятий по реализации программы повышения конкурентоспособности («дорожная карта») федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский федеральный университет» на 2016–2020 годы (1 этап – 2016–2018 годы). Режим доступа: <http://about.sfu-kras.ru/node/9719> (дата обращения: 03.03.2016).

8. Программа развития федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Сибирский федеральный университет» на 2011–2021 годы. Режим доступа: <http://about.sfu-kras.ru/docs/8232/pdf/29526> (дата обращения: 03.03.2016)

9. Bartram M., Walton R. Correction: A Positive Approach to Language Mistakes. Heinle & Heinle Publishers, Lewis Michael (edit.). 1991. 122 p.

10. Jones R., Lock G. Functional Grammar in the ESL Classroom. Palgrave Macmillan, a division of Macmillan Publishers Limited. 2011. 160 p.

11. Recipes for Tired Teachers. Well-Seasoned Activities for the ESOL Classroom / ed. by S. Christopher. Addison-Wesley Publishing Company, Inc., 1985. 115 p.

12. Scrivener J. Learning Teaching: The Essential Guide to English Language Teaching. 3rd edition. MacMillan, 2011. 432 p.

Иванова С.Н.*

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕКСТА МЕНЮ: НОМИНАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация: Данная статья посвящена особенностям глуттонической лексики в системе английского языка, выявлению связей между языковой картиной мира и гастрономическими объектами, прежде всего, на номинативном уровне языка, основываясь на языковом материале ресторанного меню. Объектом данной статьи являются названия блюд, предметом исследования является семантическая специфика иконической функции английской гастрономической лексики.

Ключевые слова: глуттоническая лексика, гастрономический дискурс, языковая картина мира, ресторанное меню, иконическая функция, английская лингвокультура.

Abstract: The article deals with the features of glutton lexis in the English language. The author examines the connection between linguistic view of the world and gastronomic objects primarily on the nominative level basing on the text of restaurant menu. The object of the article are the nominations of the meals, the subject is the semantic specificity of the iconic function of English gastronomic vocabulary.

Keywords: glutton lexis, gastronomic discourse, linguistic view of the world, restaurant menu, the iconic function, English linguistic culture.

Гастрономический дискурс является одним из ведущих типов потребностного дискурса. Однако несмотря на то, что питание и пища всегда были частью человеческой жизни, гастрономический дискурс стал предметом научного изучения совсем недавно, и к настоящему времени его специфика не получила достаточного освещения.

М.В. Капкан, описывая историю становления гастрономической культуры, отмечает, что пища как часть культуры народа стала объектом изучения в исторической и этнографической науке лишь во второй половине XIX в. и прослеживается только по отрывочным сведениям о пищевых привычках того или иного народа или сословия, которые встречаются в работах П. Гиро, И.Е. Забелина, Н.И. Костомарова, А.В. Терещенко и др. [Капкан, 2010: 4–5].

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Н.В. Немчинова.

Однако в последнее время можно наблюдать возросший интерес лингвистики к изучению различных типов потребностного дискурса и, в частности, к изучению англоязычного гастрономического дискурса, являющегося одним из важнейших типов потребностной коммуникации. А также появилась необходимость в описании номинативных процессов английской лингвокультуры, связанных с культурой потребления пищи и вербализацией стереотипов гастрономического поведения.

А.В. Олянич, под гастрономическим дискурсом понимает «особый вид коммуникации, связанный с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления» [Олянич, 2004: 126].

Гастрономический дискурс является достоянием целого народа, отражает национальную специфику языка и одновременно с этим формируется на основании предпочтений различных индивидов. Таким образом, гастрономический дискурс – это смешанный тип коммуникации, личностно ориентированный, проявляемый в бытовой сфере общения, и статусно ориентированный, носящий институциональный характер [Олянич, 2015: 156].

Участниками гастрономического дискурса являются коммуниканты, погруженные в гастрономическую среду. Хронотопом глоттонического дискурса выступает время, в течение которого осуществляется приготовление и потребление пищи. Цель глоттонического дискурса состоит в формировании предпочтений и культурных доминант, связанных с процессом приготовления и потребления пищи. Ценности гастрономического дискурса выражаются также в воспитании этических и эстетических норм поведения потребителей.

Процесс гастрономической коммуникации вбирает в себя обширную систему взаимосвязанных языковых знаков, имеющих гастрономическую направленность. К ним относятся и номинации блюд.

Теория номинации часто используется при исследовании семантики. Ономазиологические исследования отвечают на вопрос, каким образом в языке происходит обозначение вещей и явлений мира. Их предмет – выраженные идеи, принципы и закономерности номинации предметов и выражения

понятий [Ахманова, 1969: 288].

В качестве материала для анализа гастрономического дискурса английской лингвокультуры был использован текст меню как один из основных источников реализации гастрономического текста.

Меню является особым видом текста глуттонического дискурса, который обладает своими специфическими особенностями. В данном случае реципиентом, погруженным в гастрономический дискурс, выступает лицо, знакомящееся с меню, в то время как адресат – работник кафе, ресторана, бара. Хроносом в этом случае является момент, близкий к принятию пищи. Место осуществление дискурса – объекты общественного питания. Меню – это презентационный список предлагаемых блюд и напитков, который в большинстве случаев разделен на секции [Ундрицова, 2015: 123–124].

Говоря о корпусе номинаций блюд в английской лингвокультуре, можно отметить, что существует несколько видов номинаций, презентующих блюда в меню мест общественного питания.

1. Номинации, обусловленные составом и способом приготовления блюда (*Grilled rhubarb, Fillet of lamb, Pasta al dente*).

2. Номинации, связанные с локальной отнесенностью блюда:

- номинации, отражающие местность, которая исторически считается местом изобретения блюда (*California roll, Eton mess*);

- номинации, связанные с традициями национальной кухни (*Greek-style yogurt, Shanghai Angus steak*);

- номинации фирменных блюд, включающие в себя название ресторана (*Daniel's Restaurant lasagna, La Cocina cheese steak*).

3. Номинации, в основе которых лежит языковая игра:

- лексическая (*Toast of the town, Builders breakfast*);

- фонетическая (*Mumbo jumbo combo, Fiery piri piri wings*);

- словообразовательная (*Vincent man Gogh*);

4. Номинации, указывающие на время приема пищи:

- сезон года (*Summer pudding*);
- день недели (*Sunday roast*);
- часть дня (*Egg breakfast muffins*);

5. Номинации в честь личностей:

- создатель блюда (*Caesar salad*);
- известная личность (*Elvis cocktail*);

6. Номинации в честь праздников (*Easter cake, Christmas pudding*).

Учитывая, что основной целью меню является сбыт блюда, оно составляется таким образом, чтобы посетитель захотел приобрести предлагаемые в нем блюда, что сближает некоторые номинации блюд меню по многим критериям с рекламой. В данном случае тексты меню могут быть оценены как феномен «low text – high context». Рестораторы заинтересованы в творческих номинациях, поэтому ими, часто намеренно, создается коммуникативная ситуация, когда потребитель оказывается включенным в условия языковой игры.

Под языковой игрой, мы, вслед за Ю.О. Коноваловой будем понимать комплекс средств, формирующих особую сферу языка, который отличается специфическим функционированием в разговорной речи и свидетельствует о творческих способностях говорящего [Коновалова, 2008: 163].

Языковая игра в рамках номинации блюд проявляется на разных уровнях языка: фонетическом, лексическом и словообразовательном.

На лексическом уровне языковая игра может строиться на использовании идиоматического выражения в качестве названия, например, *Toast of the town* для тостов в утреннем меню, чье значение ‘человек, популярный в обществе’ переносится на обжаренный хлеб и создает ему соответствующий образ. При этом происходит снятие образности с выражения и возвращение к первичному, прямому значению слова *toast*. Для того, чтобы этот прием языковой игры сработал, реципиент должен обладать пресуппозицией в идиоматических выражениях.

Часто встречается лексическая игра, при которой создаются новые смысловые связи в языке. Создание имиджа блюда происходит при номинации с использованием языковых единиц, которые относят блюдо к какой-либо группе населения или общественному слою. Такие референции создают соответствующие образы в сознании посетителей.

Vegan billionaire – здоровое, вегетарианское блюдо из приготовленных на пару овощей, название которого намекает на статусность заказчика.

Builders breakfast – очевидно, представляет белковый завтрак, для тех, кто занимается тяжелым физическим трудом и кому требуется много сил и энергии.

Kings breakfast – другое название для *Full English breakfast*.

Farmers plate – название, упоминающее ферму, в той или иной степени заставляет потребителя поверить, что все продукты, использованные при приготовлении данного блюда, являются экологически чистыми и свежими.

Названия блюд часто бывают связаны с предметами и явлениями, вызывающими приятные ассоциации.

Porridge of the Gods – возможно, съев эту кашу, можно уподобиться древнегреческому богу.

Rainbow Maki – это не просто суши: они так же хороши, как яркий летний день, поднимающий настроение.

The lion power smoothie – это не просто смесь фруктов, а энергетический коктейль, который наделит потребителя силой.

На лексическом уровне также обыгрываются фразовые выражения, включающие в себя названия продуктов (*Go bananas* – десерт из банана и шоколада; *Oreo's go nuts* – десерт, в состав которого входит печенье *Oreo* и арахисовая паста) или фразовые выражения, семантически связанные с потреблением пищи («*Dig in*» *burger*, где название представляет собой глагольное выражение *dig in* без дополнения, однако поясняющая часть названия *burger* выступает в роли дополнения, образуя полноценную конструкцию).

Фонетическая игра может проявляться в рифмовке, ассонансе или аллитерации: *tumbo jumbo combo*, *Fiery piri piri wings* (*piri piri* вид перцев), *Messy Jessy BBQ chicken*, *Oscar wrap-a-doodle-doo*.

Названия блюд могут быть представлены в форме аббревиатуры. В одном случае аббревиатура специально создается для того или иного блюда, основывается на его составляющих и расшифровывается соответственно *BEC* – *Beacon, Egg, Cheddar, BLT* – *Beacon Lettuce Tomato*, следовательно, в таких названиях нет языковой игры. Однако иногда при использовании аббревиатур в номинации блюд можно встретить реализацию языковой игры на фонетическом уровне, например, *OMG chicken wrap*, где *OMG* из принятого *Oh My God* превращается в *Oh My Garlic* и сообщает о том, что в блюде содержится чеснок.

Наиболее интересны случаи языковой игры на грани фонетики и словообразования, например, такие собственно окказиональные образования как:

- *Vincent man Gogh* – десерт из манго, в названии которого используется имя художника с заменой буквы V на M, так чтобы вторая часть звучала схоже со словом манго;
- *Ham so eggsated* – в данном названии происходит замена словом *egg* первой части слова *excited*, при котором сохраняется фонетическая оболочка слова.

В рамках детского меню можно найти отдельный вид креативных названий. Чаще всего языковая игра в них основана на внешних характеристиках блюда, так как дети не могут в полной мере постичь ассоциативный потенциал слов.

Python Pasta Served with Marinara sauce – обычная паста превращается в змей, если смотреть на нее через призму детского воображения.

Egg pot with soldiers – типично взрослое блюдо, которое без хлебных солдатиков в его составе не привлекло бы внимания детей.

Dinosaur-shaped chicken nuggets – подается в ресторане, где главной тематикой всего оформления являются динозавры.

Shrimpkens – содержит в себе *Popcorn shrimp & Chicken Tidbits*, являющиеся самостоятельными отдельными блюдами.

Lava Mud – сливочный шоколадный пудинг с измельченным печеньем *Oreo* и мармеладными червями. В то время, как для взрослого человека это название может звучать неаппетитно и отталкивающе, ребенок воспримет все как шутку.

Happy chicken lollipops – кусочки куриного филе, представленные на палочке. Курица не может быть счастливой в таком виде, однако эта проблема далека для детей и слово *happy* просто задает атмосферу всему блюду.

В названиях блюд в пределах одного меню можно найти игру на контрастности. Сначала в перечне дается обычное название, а затем название, вызывающее более высокую степень аттракции, например, такие пары названий, как *The little boss – The boss*, *Boring fries – Cheesy fries*.

Таким образом, в рамках меню языковая игра проявляется на разных уровнях языка, что говорит о ее эффективности в применении по отношению к продвижению, рекламе и продаже блюд. Исследование показало, что фонетический и лексический уровни дают большие возможности для реализации творческого потенциала языка и позволяют осуществить авторскую задумку в процессе номинации блюд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М.: Советская Энциклопедия, 1969. 608 с.
2. Капкан М.В. Феномен гастрономической культуры: Специфика форм репрезентации: автореф. дис. канд. культурологии: 24.00.01. Екатеринбург, 2010. 22 с.
3. Коновалова Ю.О. Языковая игра в современной русской разговорной речи. Владивосток. 2008. 196 с.

4. Олянич А.В. Гастрономический дискурс // Дискурс-Пи. 2015. Т.12. Вып. 2. С. 157–161.

5. Олянич А.В. Потребности – дискурс – коммуникация // Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.

6. Ундрицова М.В. Феномен гастрономической культуры: Специфика форм репрезентации (на примере России XIX–XX веков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2015. 173 с.

Казакова Е.О.*

КОНЦЕПТ *UNDERSTATEMENT* В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА *DOWNTOWN ABBEY*)

Аннотация: Статья посвящена изучению концепта *UNDERSTATEMENT* в английской языковой картине мира. Обращение к данному концепту обусловлено его высокой значимостью в английской языковой картине мира. Данный концепт изучается с применением полевого подхода, а именно посредством выделения в его структуре ядра и периферии. Материалом исследования послужили тексты сериала «*Downtown Abbey*».

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, недосказанность.

Abstract: The article is devoted to the study of the *UNDERSTATEMENT* concept in the English linguistic picture of the world. This concept is chosen due to its high importance in the English cultural picture of the world. The study is conducted with implementing the field method of concept analysis, namely by finding the core and the periphery of the concept. The research is based on the material of the “*Downtown Abbey*” TV-series.

Keywords: concept, linguistic picture of the world, understatement

Каждая языковая общность, находясь в определенной среде, познает окружающий мир в присущих только ей культурных и социальных условиях. Все знания этноса о мире, его традиции и система ценностей образуют особую систему представлений об окружающей действительности, которая называется картиной мира.

Для человека реальный мир существует в виде: 1) самой реальной действительности; 2) первой сигнальной системы (чувственного восприятия); 3) второй (вербальной) сигнальной системы. Этим трем уровням восприятия соответствуют: 1) реальная картина мира; 2) субъективное представление о мире (концептуальная или культурная картина мира); 3) объективированная с помощью языка картина мира (языковая картина мира) [Уфимцева, 1988: 114].

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Е.С. Мучкина.

Реальная картина мира – это внечеловеческая действительность, окружающий человека мир, в котором существуют разнообразные предметы и явления, познаваемые человеком в течение жизни.

Концептуальная или культурная картина мира – это исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека [Постовалова, 1988: 21]. Картина мира включает в себя систему образов, представлений о мире, сведения о взаимоотношениях человека и действительности, о его ценностях и познаниях. Помимо этого, картина мира также содержит определенные стереотипы, сложившиеся в обществе в течение всего его существования. С помощью этих стереотипов картина мира упорядочивает опыт социума и помогает человеку воспринимать и анализировать действительность.

Картина мира отображается в языке через языковую картину мира – «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в языковых знаках и в их значениях» [Попова, Стернин; 2007: 38]. Несмотря на то, что языковая картина мира отражает большое количество явлений, представленных в концептуальной картине мира, концептуальная картина намного шире и богаче языковой. Это обусловлено тем, что многие единицы концептуальной картины мира не получают своего вербального выражения в языке.

Основными единицами, составляющими языковую картину мира, являются концепты. Так как концепт является сложным явлением, рассматриваемым целым рядом наук, существует довольно большое количество определений данного лингвистического термина. В.А. Маслова определяет концепты как обусловленные культурой основные элементы картины мира, которые обладают значимостью и для языковой личности, и для лингвокультурного сообщества [Маслова, 2001: 51].

В связи с тем, что каждый этнос познает мир в присущих только ему исторических географических и культурологических условиях, многие одинаковые на первый взгляд концепты будут обладать разными признаками в разных языках. Так, например, ни один из возможных вариантов перевода русского слова «пошлость» на английский язык не сможет передать весь набор признаков и оценок, которые содержит концепт, выражаемый этим словом. А. Вежбицкая считает, что наиболее сложно найти эквиваленты для абстрактных идей и утверждает, что «если из любопытства станут сравнивать такие слова с теми, которыми они переведены на другие языки, то найдут, что очень немногие из последних слов точно соответствуют им во всем объеме своего значения» [Вежбицкая, 1999: 268].

А. Вежбицкая также выделяет «ключевые слова» или концепты, которые являются особенно важными для определенного этноса (например, концепты «судьба», «душа» в русском языке). Именно совокупность таких лингвоспецифичных концептов наиболее ярко показывает особенности мышления народа и отличия его картины мира от картин мира представителей других этносов.

Для англосаксонского менталитета такими концептами являются «*privacy*», «*stiff upper lip*», «*fair play*», «*challenge*» и «*understatement*». Рассмотрению последнего и посвящена эта статья.

«*Understatement*» является неотъемлемой частью английского менталитета и пронизывает поступки и поведение британцев. В большинстве словарей «*understatement*» определяется как «прием намеренного занижения оценки или неполной подачи информации о предмете, создающий несоответствие правде и имеющий своей целью оказать определенное воздействие на собеседника» [Джигоева, 2009: 11]. Английское слово *understatement* на русский язык может передаваться как недооценка, преуменьшение, смягчение, недосказанность, умолчание и т. д.

Недосказанность проявляется как в языке англичан, так и в их поведении, демонстрируя их склонность к некатегоричности и вежливости. Англи-

чане не одобряют открытое проявление эмоций и хвастовство, ценя при этом сдержанность и самоконтроль. Все вышеуказанные черты английского менталитета указывают на их стремление сохранить дистанцию между собой и собеседником.

Understatement служит для выражения различных эмоций и состояний (например, смущения или волнения), а также позволяет избежать категоричных высказываний, оскорблений или излишней напыщенности, которые несвойственны английскому менталитету. К тому же данное явление часто придает высказыванию юмористический или ироничный оттенок. Таким образом, *understatement* – это способ дистанцирования, который является одним из основных признаков английского менталитета и направлен на сохранение бесконфликтного общения.

Концепт имеет сложную структуру и может быть представлен в виде круга с основным понятием – ядром концепта – в центре, а всем тем, что привнесено культурой, традициями и личным опытом на периферии. Ядро концепта составляют «словарные значения той или иной лексемы. Именно материалы толковых словарей предлагают исследователю большие возможности в плане раскрытия содержания концепта, в выявлении специфики его языкового выражения. Периферия же – субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации» [Маслова, 2004: 58].

Understatement имеет огромное количество как лексических, так и грамматических форм выражения. В данной статье мы подробнее остановимся на грамматических структурах, активизирующих концепт «*understatement*» в английском языке. Материалом для исследования послужил британский телесериал «*Downtown Abbey*». Всего на материале сериала было отобрано 42 примера репрезентации концепта UNDERSTATEMENT в языке.

Одним из распространенных способов выражения *understatement* являются наречия-минимизаторы (a bit, a little, a trifle, a shade, a tad, just, only, pretty, rather, quite, etc.). В речи они используются, чтобы уменьшить катего-

ричность высказывания, смягчить критику или же для выражения извинения.

Обратимся к примерам:

«I expect you saw worst things in South Africa, eh, Mr. Bates?»

*«Not worse... but **pretty bad**».*

В данном примере, Мистер Бейтс, описывая войну в Южной Африке, в ходе которой он получил серьезное ранение, использует наречие *pretty*, смягчая, таким образом, негативные воспоминания об этом периоде своей жизни. Это можно объяснить тем, что в Англии не принято жаловаться даже по поводу самых неприятных событий, произошедших в жизни человека.

*«Dear Mother. She does love **a bit of authority**. I suppose she's driving Cousin Cora mad?»*

В вышеприведенном примере герой использует наречие *a bit*, чтобы несколько сгладить склонность своей матери к чрезмерной опеке над жителями Даунтона, пытаясь оправдать ее поведение и извиниться за него.

В следующей ситуации героиня критикует отношения своей внучки с простым шофером, однако смягчает свое высказывание с помощью наречия *quite*:

*«You see, sometimes, in war, one can make friendships that are **not quite appropriate** and it can be awkward, you know, later on».*

Другим способом вербализации концепта «understatement» являются различные формы отрицаний. Так, например, в нижеуказанном высказывании герой вынужден сообщить своей кухарке плохие новости о ее племяннице. Чтобы преуменьшить масштаб трагедии он использует прямое отрицание, говоря *not good* вместо *bad*:

*«I do have some news of you nephew. I telephoned the War Office and they have just come back to me. But I'm afraid **it's not good news**».*

Также в качестве способа актуализации концепта «understatement» используется так называемое *transferred negation*, когда отрицание переносится на глагол мышления или намерения. Такой прием часто используется для снижения категоричности высказывания. Например:

«*Write to him. Tell him of your plans with Carlisle. You owe him that*»

«***I don't think I owe him anything, but I'll write to him if you like***»

(*I don't think I owe* вместо более прямого *I don't owe*).

Данный тип отрицания используется и для вежливого выражения субъективного мнения. Например:

«*The new valet has arrived, milord*»

«*Has he? Thank you, Carson*»

«*[clears throat]*»

«*What is it?*»

«***I'm not entirely sure that he will prove equal to the task, but your Lordship will be the judge of that***»

Данная конструкция также может использоваться для преуменьшения реальных эмоций говорящего. В этом примере герой пытается смягчить свои переживания о судьбе своего кузена на войне:

«*I tell myself it's too early to despair, but to be honest, Bates, **I don't think I can bear it***»

Другим видом отрицания, который используется для выражения данного концепта, является двойное отрицание, несвойственное английскому языку. Оно образуется при употреблении слова с негативным значением, образованного с помощью отрицательной приставки или предлога, в отрицательном предложении. Такие конструкции часто используются, если говорящий испытывает волнение или смущение, и помогают выразить свое отношение к ситуации или уйти от ответа. Так, например, в следующем примере героиня уходит от прямого и категоричного ответа на вопрос своей матери:

«*It's (a letter) from Evelyn Napier. You met him with the Delderfields last November at Doncaster Races*»

«*Is that Lord Branksome's boy?*»

«*It is*»

«*Do you like him?*»

«***I don't dislike him***»

Модальные глаголы также служат для передачи недосказанности в различных ситуациях. В большинстве случаев они используются для снижения категоричности высказывания и приданию ему вежливого тона. Так модальные глаголы часто употребляются в просьбах:

«*You **might tell** that footman...*»

«*Thomas?*»

«*Thomas... You **might tell** him I've gone up*»

В другом примере модальный глагол используется для выражения мягкого совета:

«*By the way, O'Brien says Bates is causing a lot of awkwardness downstairs. You **may have to do** something about it*»

Еще одним способом выражения недосказанности могут служить разные типы вопросов:

1) общие вопросы, которые могут использоваться для отдачи приказов, просьб, выражения недовольства, либо же для придания вежливости высказыванию путем избегания императивов:

«*I'm searching for Lady Mary. **Will you tell her** I'm in the library?*»

Такие же функции выполняют и why-вопросы:

«***Why don't you go home now**, Mr. Mason, and we'll see you tomorrow?*»

Такие вопросы могут также использоваться для ухода от ответа на деликатный или неприятный вопрос:

«*I've still got this funny thing with my legs. I can't seem to move them. Or feel them, now that I think about it. Did Clarkson mention what it might be?*»

«***Why don't we wait for Lavinia**, and then we can all talk about it?*»

2) отрицательные вопросы, которые используются для выражения просьб, намеков, смягчения критики, сдерживания раздражения или снижения драматичности ситуации. В нижеуказанном примере героиня выражает свое раздражение с помощью данной грамматической структуры:

«*You should never have told her Bates was here.*»

«***Don't I know it?***»

3) декларативные вопросы, используемые для запроса информации или намеков. Так, например, в нижеуказанном примере дворецкий осторожно спрашивает своего хозяина о том, сможет ли он найти какое-нибудь безопасное место службы для одного из лакеев, ушедшего на фронт:

«I don't suppose there's any way we can keep him from harm? Him being only child and all. We'd hate for anything to happen».

В другом примере кухарка пытается узнать, когда ее хозяйка вернется из Франции:

«You don't know when you'll be back?»

«I don't think one knows anything in wartime».

4) tag-questions. Выражают вежливый приказ, отказ или же используются для оправдания себя или других:

«Thomas, you can cover for nurse Crawley, can't you?»

«I can».

Зачастую в одном предложении могут присутствовать сразу несколько структур, активизирующих концепт «understatement». Так, в следующем примере одновременно используются двойное отрицание и наречие степени:

«I don't dislike Matthew. In fact, I rather admire him»

На данном этапе представляется возможным сконструировать полевою модель структуры концепта «understatement» и определить, какие из приведенных конструкций будут располагаться на ближней периферии концепта, а какие из них будут занимать дальнюю и крайнюю периферии. Принадлежность средства репрезентации концепта к тому или иному уровню определяется на основе частотности.

Всего нами было рассмотрено 42 примера употребления конструкций, репрезентирующих концепт «understatement». Первое место по частотности употребления занимают вопросы разных видов (38 % от общего количества отобранного материала), затем идут отрицания (31 %), наречия степени (24 %) и, наконец, модальные глаголы (7 %). Из этого следует, что ближняя периферия концепта представлена такими средствами репрезентации, как во-

просы и отрицания. Наречия степени и модальные глаголы в свою очередь образуют дальнюю периферию.

Таким образом, концепт «understatement» является неотъемлемой частью английской языковой картины мира. В данном концепте прослеживаются многие черты английского менталитета: сдержанность, вежливость, дистанцированность, самоконтроль, нежелание открыто проявлять свои эмоции и т. д. На основе рассмотренного нами материала, мы явили ряд грамматических структур, которые могут служить средствами репрезентации этого концепта в языке. К их числу относятся наречия степени, отрицания, модальные глаголы и разные формы вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
2. Джигоева А.А. Understatement как отражение англо-саксонского менталитета // Английский язык на гуманитарных факультетах. Теория и практика: Сб. науч. и метод. трудов. Вып. 3. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 5–29.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
4. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. 296 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
6. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8–69.
7. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 108–140.

Калиновская Е.К.*

ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО ЮМОРА В КОМЕДИЙНЫХ КИНОФИЛЬМАХ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: В статье анализируется национальный английский юмор в диахронии двух временных отрезков: 1970/80–2000/2010 годы. Целью работы является сопоставительный анализ объектов национального английского юмора, а также средств его вербализации. В рамках исследования будут рассмотрены лингвистическая сущность понятия «юмор», стилистические средства и приемы, используемые для достижения юмористического эффекта, а также характерные особенности национального английского юмора. В качестве практического материала были выбраны британские комедийные кинофильмы 1970/80–2000/2010 годов.

Ключевые слова: национальный английский юмор, диахрония, юмор, средства вербализации.

Abstract: the article deals with the problem of national English humor's diachrony of two periods: 1970/80-2000/2010. The purpose is to analyse the objects of the national English humor and means of its verbalization. Linguistic implication of humor, stylistic devices used to create humorous situations and national English humor's peculiarities are also studied in the article. As practical material British comedy films of 1970/80–2000/2010 years are chosen.

Keywords: national English humor, diachrony, humor, means of verbalization.

В статье поднимается вопрос об особенностях национального английского юмора в диахроническом аспекте на материале британских комедий. В частности, анализируются средства вербализации английского юмора в британских комедийных кинофильмах двух временных отрезков: 1970/80–2000/2010 гг. В докладе представлены языковые средства, используемые для достижения юмористического эффекта, характерные особенности национального английского юмора, а также объекты юмора.

В настоящее время изучение и понимание юмора как лингвистического явления приобретает особую важность с позиций лингвокультурологии; несмотря на неослабевающий интерес к изучению юмора в разных дискур-

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Е.А. Кругликова.

сах, лингвокультурные особенности и средства, приемы его вербализации в современной лингвистике изучены недостаточно полно.

Пристальное внимание к исследованию английского юмора обусловлено, прежде всего, большой популярностью английского языка как изучаемого. В процессе обучения иностранному языку студент погружается в данную лингвокультуру, возникает интерес к национальному юмору как к части национальной картины мира. Кроме того, английский юмор часто выступает объектом лингвистических исследований благодаря тонким языковым особенностям, способным вызывать трудности в понимании даже у носителей язык, но в то же время традиционно считающимся главной характеристикой английского юмора.

Итак, целью статьи является анализ особенностей английского юмора в диахроническом аспекте 1970/80–2000/2010 гг. Мы хотим установить, насколько английский юмор ретроспективен, в какой степени сохранились свойственные ему признаки.

Объектом исследования выступают национальный английский юмор в британских комедийных кинофильмах.

Предметом исследования являются вербальные языковые средства создания юмористического эффекта на английском языке в британских комедийных кинофильмах, а также объекты юмора.

Юмор как предмет изучения лингвокультурологии представляет собой многоаспектное, динамично развивающееся и национально-культурно обусловленное явление. Специфика этнического юмора определяется особенностями национального характера, общественного устройства и проявляется прежде всего в тематике юмористических текстов [Кулинич, 2000: 10]. Юмор отражает культурные ценности и, способствуя внутригрупповой сплоченности, сам представляет собой культурную ценность [Проскурина, 2004: 8]. Специфические особенности национального юмора кодируются в языке с помощью разнообразных языковых средств – знаков, репрезентирующих концепты комического лингвокультурного кода нации. Юмор, язык,

история и культура, таким образом, представляют собой комический лингвокультурный код нации [Вержинская, 2012: 10]. Чувство юмора представляет собой один из принципиальных компонентов национального характера, что позволяет идентифицировать человека как часть нации [Сычев, 2003: 10].

Английский юмор – часть национальной картины мира англичан. Он во многом зависит от свойственной англичанам ментальных характеристик, традиций и ценностных установок. Специфика английского юмора в значительной мере состоит в том, что продуцент не должен показывать своих коммуникативных намерений, это балансировка между серьезным и полусерьезным общением [Карасик, 2002: 165]. Симпатия к объекту осмеяния – еще одна характерная черта английского национального юмора, основу которого составляет английская тактичность. Национальный английский юмор отличается скрытностью и недосказанностью, из-за чего человеку, далекому от английской культуры, сложно понять многие тонкости юмора [Шабунина, 2012: 196]. Исходя из национально-специфических особенностей англичан, выделяют виды юмора, наиболее характерные для английской речевой культуры. К ним относятся: преуменьшение (*understatement*), преувеличение (*overstatement*), самоирония (*self-deprecation*), мрачный юмор (*grim humour*) [Королева, 2008: 9].

Анализ комедийных кинофильмов позволяет сделать вывод, что комедиям обоих временных периодов свойственно наличие всех наиболее распространенных лексических, морфологических, синтаксических и фонетических средств. Представляем наиболее показательные примеры.

1. Лексические средства

1.1. Метафора

– *Shall we call for back-up sir?*

– *What? And watch some **fat-bottomed bobby** make our arrest for us? I don't think so* (Johnny English. 2003).

*Michael, I don't know if anyone's ever told you this, but you happen to belong to a very rare group of **encephaloids*** (O Lucky Man! 1973).

1.2. Сравнение

*Try not to die **like a dog*** (O Lucky Man! 1973).

*Mother, I do not need a blind date. Particularly not with some verbally incontinent spinster **who drinks like a fish, smokes like a chimney, and dresses like her mother*** (Bridget Jones's Diary. 2001)

1.3. Гипербола

*But I **worship you, master! I love you so much! I can't bear displeasing you!** My whole **world collapses** when you're cross with me!* (Absolutely anything. 2015).

– *You're really sorry.*

– *I do, I offer a **complete and utter retraction**. The **imputation** was totally **without basis in fact, and was in no way fair comment, and was motivated purely by malice, and I deeply regret any distress that my comments may have caused you, or your family, and I hereby undertake not to repeat any such slander at any time in the future*** (A Fish Called Wanda. 1988).

1.4. Литота

– *As a matter of fact, Lestrade, **you can be some help**.*

– *Of course!*

– ***Hold my coat, it's hot in here*** (Without a Clue. 1988).

*A good agent doesn't need gadgets. The only gadgets I've ever needed are a **sharp eye, sensitive hearing and a whole bunch of bigger brains*** (Johnny English. 2003).

1.5. Эпитет

– *Sergeant Popwell was an exceptional officer, truly exceptional. And he had one thing you haven't got.*

– *What's that, sir?*

– *A **great big bushy beard!*** (Hot Fuzz. 2007)

– *Describe your thoughts. Get them out in the open. You'll feel much better.*

– *All right. See, it's always the same. Clouseau is sitting there, in a chair, just like you, with his back to me. Then suddenly, my hands go round his throat,*

and I begin to squeeze. It's wonderful. It's marvelous (The Return Of The Pink Panther. 1975).

1.6. Каламбур

– *Would you like some **soup**, sir?*

– *No thanks, son. I don't take **solids*** (O Lucky Man! 1973).

– *Thank you for such a «**happy**» meal* (after eating McDonald's food).

2. Морфологические средства создания юмористического эффекта представлены авторскими окказионализмами:

– *I am making you pump Chad. Go on, it'll be **easy-peasy-lemon-squeazy*** (Hot Fuzz. 2007).

– *I see you are familiar with the **falling-down-on-the-floor** ploy* (The Return Of The Pink Panther. 1975).

3. Синтаксические средства

3.1. Параллелизмы

– *Have you ever fired two guns whilst jumping through the air?*

– *No.*

– *Have you ever fired one gun whilst jumping through the air?*

– *No* (Monty Python and the Holy Grail. 1975).

– *Ask me the questions, bridgekeeper. I am not afraid.*

– ***What... is your name?***

– *My name is Sir Lancelot of Camelot.*

– ***What... is your quest?***

– *To seek the Holy Grail.*

– ***What... is your favourite colour?***

– *Blue* (Monty Python and the Holy Grail. 1975).

3.2. Прием нарастания

– *The only thing worse than smug married couple; lots of smug married couples. ...* (Bridget Jones' Diary. 2001).

– *I'm not a roman mum, I'm a kike, a yid, a heebie, a hook-nose, I'm kosher mum, I'm a Red Sea pedestrian, and proud of it!* (Monty Python's *Life of Brian*. 1979).

3.3. Повторы

– *I'm so sorry. I didn't **mean** it. Well, I **meant** it, but I was so stupid that I didn't **mean** what I **meant**...* (Bridget Jones' diary).

– *Withnail, you **bastard**, **wake up**. **Wake up** you bastard, or I burn this **bastard** bed down!* (Clockwise. 1986).

4. Фонетические средства

4.1. Эпративы

– *Does Lady Lytton have a **swimming pewl**?*

– *A **swimming pewl**?* (The Return of the Pink Panther. 1975)

– *Do I have any choice in this?*

– ***Neewww*** (Hot Fuzz. 2007).

4.5. Ономатопея

– *Have you ever seen Point Break?*

– *No.*

– *Patrick Swayze has just robbed this bank, and Keanu Reeves is chasin' him through peoples' gardens, and then he goes to shoot Swayze but he can't because he loves him so much and he's firin' his gun up in the air and he's like '**ahhh**!' Have you ever fired your gun up in the air and gone «**ahhh**»?*

– *No I have not ever fired my gun up in the air and gone «**ahhh**»!* (Hot Fuzz. 2007)

– *It reads, «Here may be found the last words of Joseph of Aramathia. He who is valiant and pure of spirit may find the Holy Grail in the **Castle of Aaaaauuggghhh...**»*

– *What?*

– *«**The Castle of Aaaaauuggghhhh**»*

– *What is that?* (Monty Python and the Holy Grail, 1975)

Анализ примеров употребления языковых средств позволил установить, что объекты английского юмора не изменились на протяжении указанных периодов. Англичане склонны шутить по любому поводу. Указать абсолютно все объекты юмора не предоставляется возможным, однако нам удалось выявить наиболее часто встречающиеся, а именно: характер, привычки и внешность человека, нелепые ситуации, актуальные мировые новости, отношения между мужчиной и женщиной, полиция, знаменитости, политика.

Однако не следует уподоблять традиционный английский комедийный юмор и юмор, продвигаемый группой комиков «Monty Python» в 1970–1980-х гг. В отличие от классического, скрытого английского юмора, шутки Monty Python отличаются открытым абсурдом и даже сатирой на тему церкви, политики или важных мировых событий.

Несмотря на сходство в употреблении языковых единиц и объектов юмора, в XXI веке английский комедийный юмор представляет собой более массовое явление, в котором преобладает ситуативный, нежели лингвистический юмор. Мы полагаем, что таким образом создатели британских кинокомедий предпринимают попытки сделать юмористические фильмы более понятными для иностранных зрителей. Кроме того, сказываются процессы глобализации, позволяющие более открытому черному американскому юмору оказывать влияние на английский юмор. Таким образом, вопрос о ретроспективности английского юмора остается открытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вержинская И.В. Лингвокультурологический анализ британской и американской юмористической фэнтези: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2012. 23 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Перемена, 2002. 477 с.

3. Королева Ю.П. Роль просодии в реализации юмора и иронии в британской публичной речи: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2008. 18 с.

4. Кулинич М.А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора: автореф. дис. ... канд. д-ра филол. наук: 24.00.04. Москва, 2000. 91 с.

5. Проскурина А.А. Прецедентные тексты в англоязычном юмористическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара, 2004. 18 с.

6. Сычев А.А. Природа смеха. М: Издательство Мордовского университета, 2003. 176 с.

7. Шабунина Э.В. Английский юмор как лингвокультурное явление (на материале творчества П. Г. Вудхауза) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т.1. Вып.1. С. 196–203.

Краус П.А.*

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ И АНАЛИЗА СТРУКТУРИРОВАННЫХ ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ ТИПИЧНОГО МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ, НАХОДЯЩИХСЯ В ЗОНЕ РИСКА ПО ИНСУЛЬТАМ

Аннотация: В статье рассматриваются правила составления структурированных интервью для дальнейшего выявления частотного вокабуляра разных групп здорового населения с целью облегчить реабилитацию пациентов-афатиков после инсульта. В ходе исследования были проведены опросы на основе составленной анкеты и получены предварительные результаты.

Ключевые слова: семантическая афазия, структурированное интервью, языковая личность, активный вокабуляр.

Abstract: The purpose of this paper is to analyse the rules for designing a researcher-administered survey questionnaire with a view to investigating the high-frequency vocabulary of different groups of people, which might facilitate rehabilitation for the patients, suffering from aphasia after a stroke. At this phase of the research, we conducted a number of surveys and collected preliminary results.

Keywords: semantic aphasia, researcher-administered survey, linguistic identity, active vocabulary.

Целью данного исследования является разработка структуры и принципов анализа структурированного интервью для дальнейшего выявления наиболее частотного вокабуляра, синтаксических конструкций и морфологических средств отдельных социальных групп здорового населения для последующего использования данных при работе с пациентами, проходящими реабилитацию после перенесенного инсульта.

Инсульт является патологией, возникающей из-за ослабления сосудов и увеличения артериального давления. Речь – один из психических процессов, страдающих при инсульте, соответственно афазия при данном заболевании встречается часто. В последние десятилетия заболеваемость инсультами увеличивается. На рис.1 и 2 представлены случаи инсультов среди мужчин

* Научный руководитель – д-р филол. наук, профессор А.В. Колмогорова.

(рис. 1) и среди женщин (рис. 2) за последние несколько лет в Красноярском крае.

Как видно из представленных диаграмм, возрастные категории, находящиеся в зоне риска по инсультам у мужчин и женщин, примерно одинаковы – у мужчин 50–70 лет, у женщин 50–80 лет.

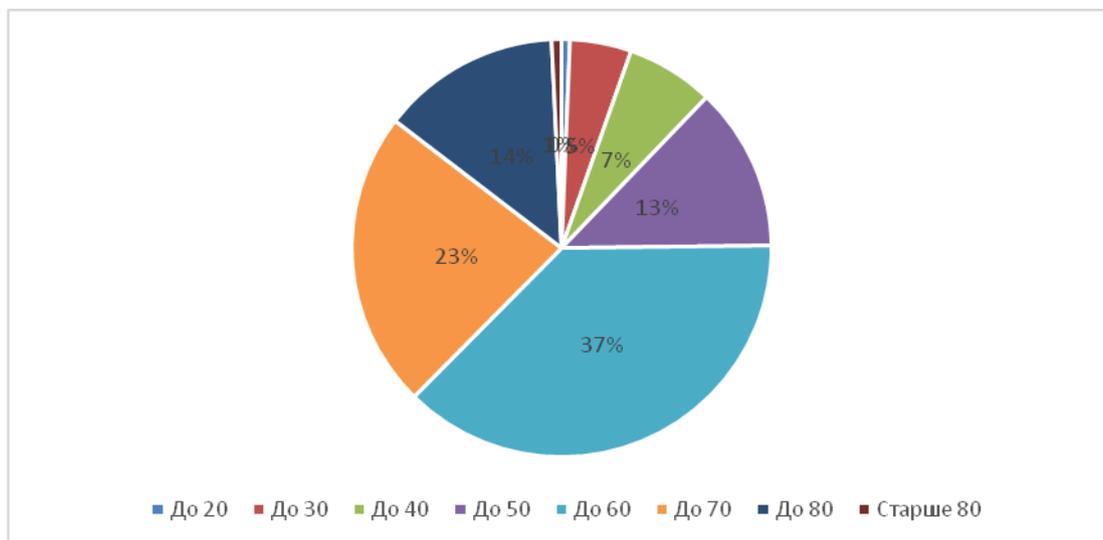

Рисунок 1. Случаи инсультов среди мужчин

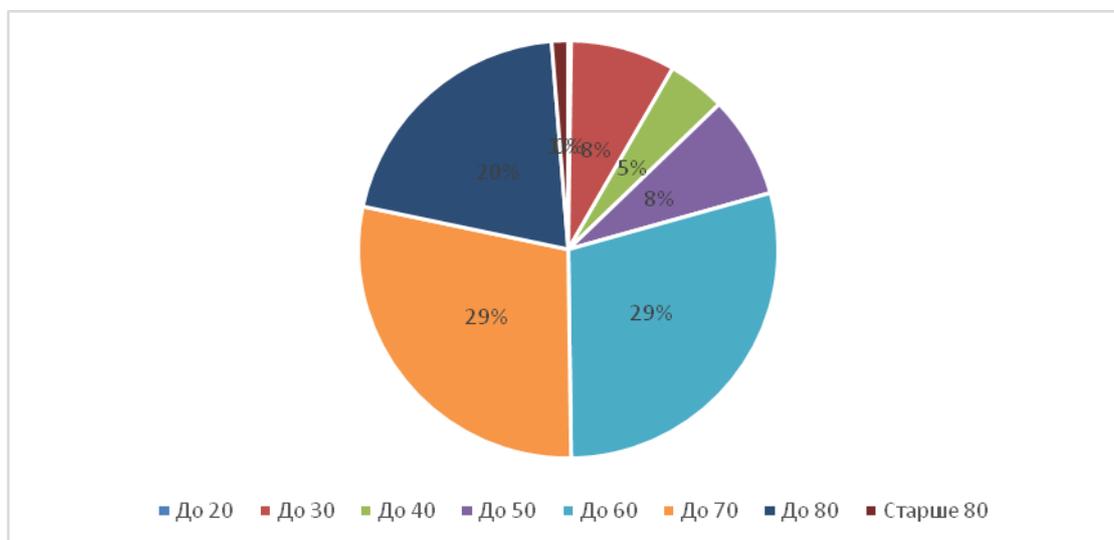

Рисунок 2. Случаи инсультов среди женщин

Процесс восстановления пациентов-афатиков обычно занимает много времени и сил, а создание частотного вокабуляра даёт возможность медикам и родным помочь пациентам с афазией быстрее начать вспоминать слова.

Средство, которое мы выбрали, для создания таких списков частотных слов – анкетирование.

Целью любого анкетирования является правильное измерение мнений, установок и поведения людей посредством задавания вопросов. Цель проводимого нами анкетирования – выявить наиболее употребляемые респондентами слова в профессиональной и личной сфере. Существуют различные типы анкетирования, но мы в нашей работе остановились на двух – историческое интервью, основанное на анализе конкретных жизненных ситуаций респондента, и фокусированное интервью, разработанное для получения эмоционального отклика на какую-либо ситуацию.

Залогом любого успешного анкетирования является правильная выборка респондентов. Первая группа, составленная по профессиональному и гендерно-возрастному признакам, которую мы выбрали для нашего исследования, – женщины 45–55 лет, имеющие высшее образование и работающие в высших учебных заведениях. Данная категория входит в зону риска по инсультам (см. рис. 2).

Для создания анкеты мы пользовались следующими правилами:

- 1) необходимо познакомить респондента с целями анкетирования и с тем, как полученные данные будут использованы (указать на конфиденциальность данных);
- 2) вопросы должны быть ясными, недвусмысленными, короткими и простыми;
- 3) в формулировке вопросов следует использовать только хорошо известные респондентам слова;
- 4) следует избегать предубежденности в формулировках;
- 5) вопросы должны идти в порядке возрастания сложности;
- 6) приветствуется наличие вопросов-фильтров.

Прежде чем приступать к созданию самих вопросов анкеты мы составили структуру нашей анкеты:

- 1) введение, в котором указывается цель опроса и говорится о конфиденциальности данных респондента;

2) информативная часть, содержащая вопросы, которые дают всю необходимую информацию об объекте исследования;

3) классификационная часть (паспортичка), содержащая социально-демографические и профессионально-квалификационные сведения о респондентах;

4) заключительная часть, содержащая благодарность респонденту за участие в анкетировании.

Ниже представим текст составленной нами по вышеприведённым правилам анкеты:

Здравствуйте, просим Вас принять участие в исследовании, посвященном выявлению наиболее частотных слов у людей разных социальных групп. Ваши продуманные и искренние ответы помогут восстановлению речи у людей, перенёсших инсульт. Вы можете быть уверены в полной конфиденциальности – все полученные данные будут рассмотрены только в качестве статистической выборки.

1. *Как Вы проводите свободной время? (Есть ли хобби?) Как это влияет на Ваше эмоциональное состояние?*

2. *Расскажите, какие события происходят в течение Вашего рабочего дня? С какими ситуациями Вам часто приходится сталкиваться?*

3. *Расскажите, пожалуйста, о Вашем первом рабочем дне? Какие эмоции Вы испытывали?*

4. *Что для Вас значит быть счастливым?*

Перейдем к статистической информации. Напоминаю, что данная информация будет использована только с целью определения Вашей социальной группы по гендерному и возрастному признаку.

1. *Укажите Ваш возраст. (с вариантами ответа – 20-30;30-40;40-50;50-60 и т. д.)*

2. *Какое у Вас образование?*

3. *Кем Вы работаете?*

4. *Место работы.*

5. Семейное положение (замужем\не замужем).

Спасибо за ваш вклад в наше исследование.

Мы предусмотрели также и некоторые проблемы, с которыми можем столкнуться во время интервьюирования – немногословность и отказ от ответа (чаще всего фразой «Я не помню»). Пути решения данных проблем – гибкость стратегии интервьюера, уточняющие и дополнительные вопросы.

На начальном этапе нашего интервьюирования мы опросили 9 человек, подходящих критериям нашего исследования и проанализировали около 2000 слов. После проведения устного интервьюирования были созданы скрипты и на их основе выявлены наиболее употребляемые взятой нами для исследования группой слова по трём категориям: самостоятельные части речи (без местоимений), служебные части речи и отдельно местоимения. Также мы сравнили полученные данные с частотным словарём русского языка О.Н.Ляшевской и С. Шарова [Ляшевская, Шаров, 2009]. Рассмотрим предварительные результаты.

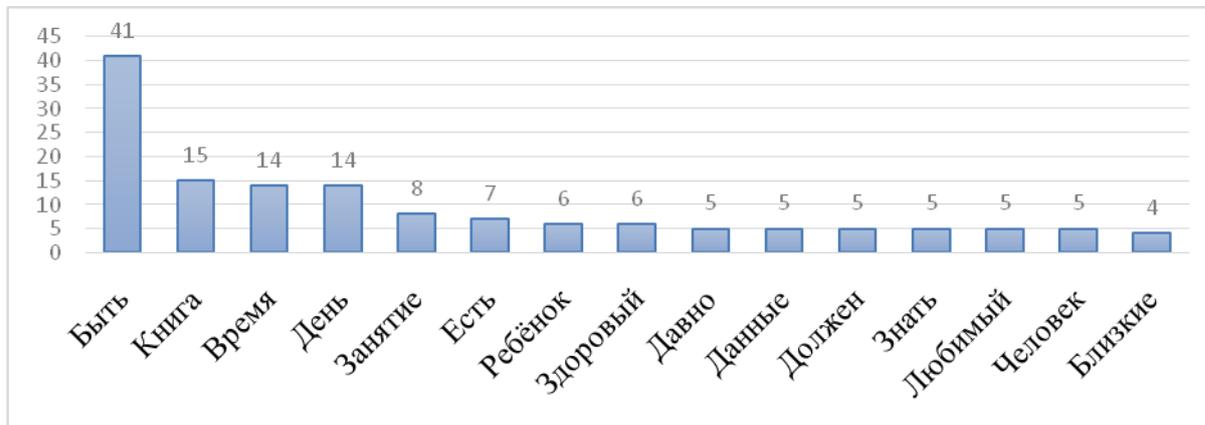

Рисунок 3. Список самых употребляемых респондентами самостоятельных частей речи

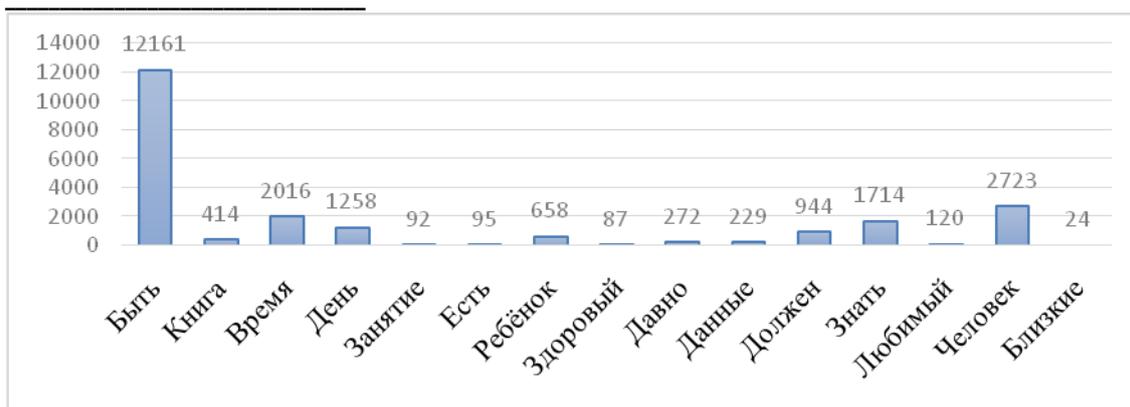

Рисунок 4. Данные об употреблении самостоятельных частей речи, полученных при анализе анкет, в частотном словаре

На основании данных рис. 3 и рис. 4 можно сделать вывод о том, что частота употребления одних и тех же самостоятельных частей речи респондентами и данные частотного словаря русского языка не одинаковы. Например, слово *занятие*, которое в частотном словаре имеет частоту всего 92 ipm, в анкетах респондентов является 5 по частоте употребления словом, тогда как лексема *человек*, стоящая в речи респондентов на предпоследнем месте, имеет частоту 2723 ipm в частотном словаре.

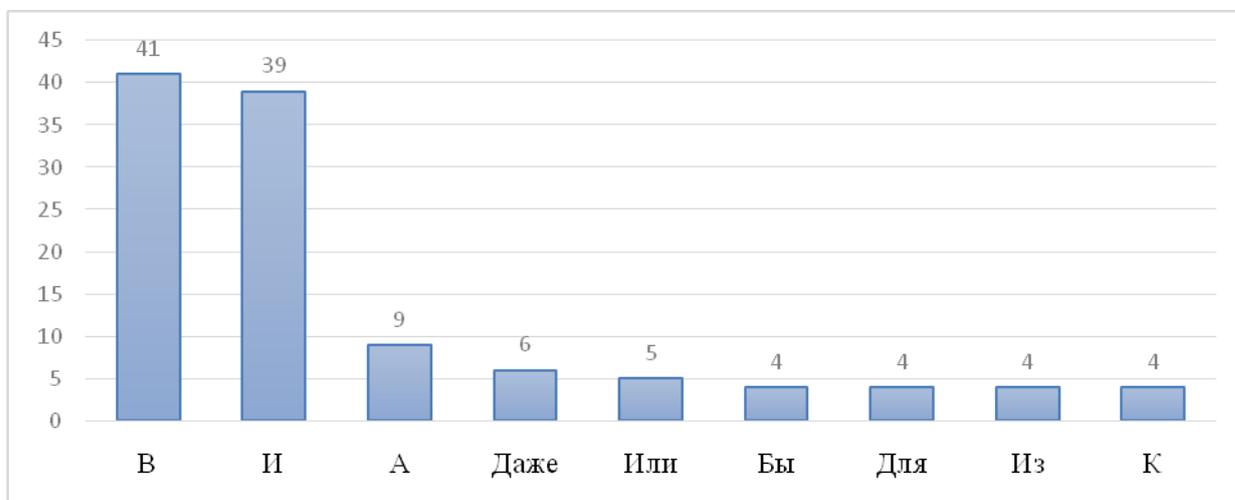

Рисунок 5. Список самых употребляемых респондентами несамостоятельных частей речи

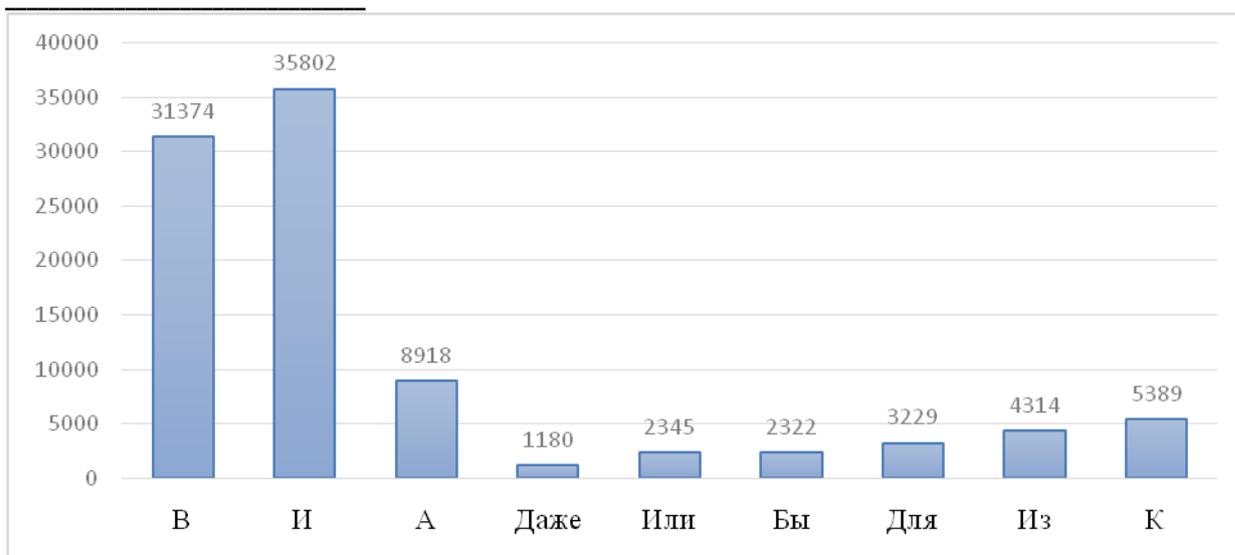

Рисунок 6. Данные об употреблении несамостоятельных частей речи, полученный при анализе анкет, в частотном словаре

По рис. 5 и рис. 6 также можно видеть разницу в употреблении несамостоятельных частей речи по анкетам и в словаре частотности. В частности, слова *бы*, *для*, *из*, *к*, имеющие в речи респондентов одинаковую частоту, в частотном словаре имеют заметную градацию.

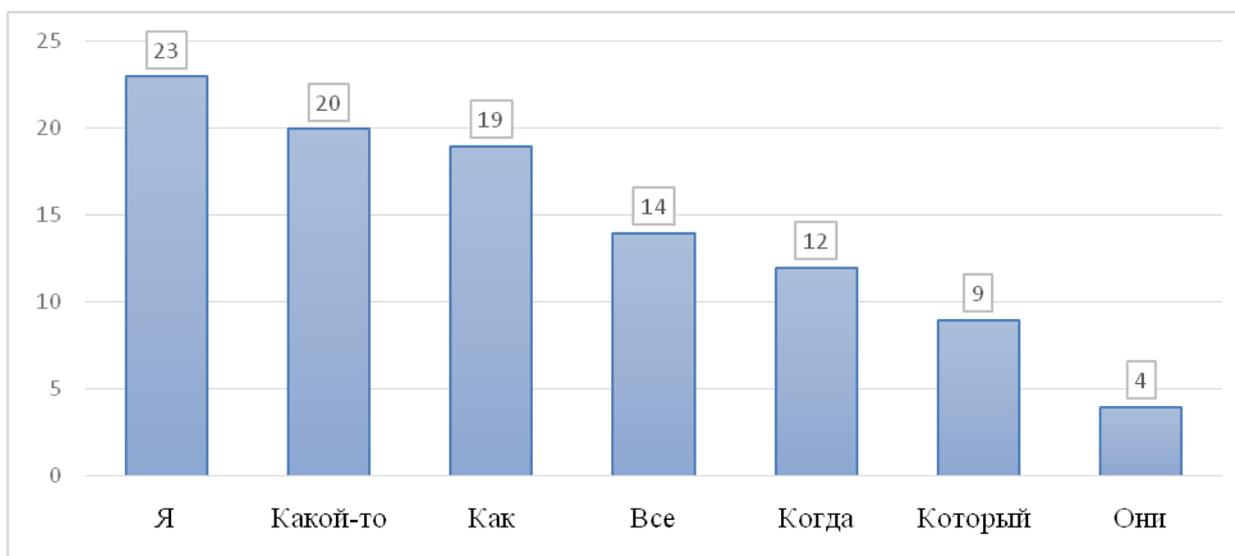

Рисунок 7. Список самых употребляемых респондентами местоимений

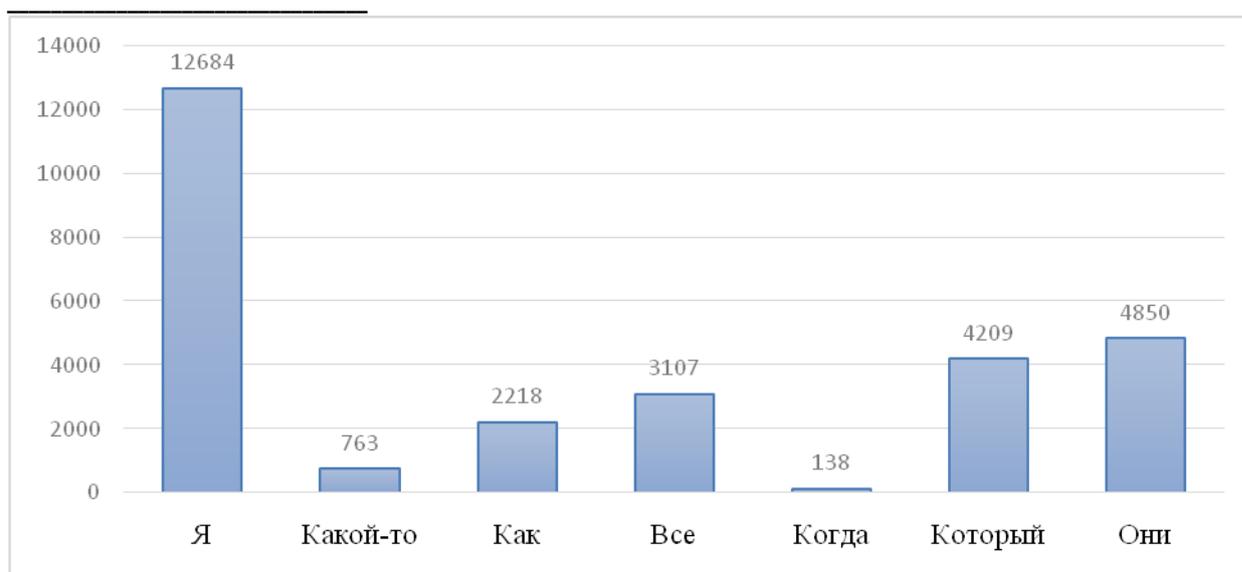

Рисунок 8. Данные об употреблении местоимений, полученных при анализе анкет, в частотном словаре

Из рис. 7 и рис. 8 можно сделать вывод о том, что частота употребления местоимений по словарю частотности и в речи респондентов также отличается. Неизменным остаётся высокая частота местоимения *я* в обоих списках.

Подведём итоги нашего исследования:

- 1) разработаны правила составления анкеты и вопросы, позволяющие получить нужные для исследования результаты;
- 2) рассмотрены возможные проблемы анкетирования и способы их решения;
- 3) составлены предварительные списки частотных слов среди значимых слов (кроме местоимений), местоимений и служебных частей речи;
- 4) при сопоставлении полученных списков со словарём частотности слов обнаружены серьёзные несоответствия, что доказывает актуальность исследования.

Мы планируем развивать наш проект дальше и работать над его улучшением. Ожидаемый нами результат в конце исследования – структурированный архив списков частотных слов разных социальных групп населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М.: РГГУ, 2001. 439 стр.
2. Белл Э., Браймен А. Методы социальных исследований. Группы, организации и бизнес. Харьков: Гуманитарный Центр, 2012. 776 стр.
3. Ляшевская О.Н., Шаров С. Частотный словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2009. 1112 стр.
4. Морозов Г.В., Ромасенко В.А. Нервные и психические болезни. М.: Медицина, 1987. 336 с.
5. Цветкова Л.С. Афазия и восстановительное обучение. М.: МПСИ, 2001. 256 с.

Крикливая П.В.*

ПРОЯВЛЕНИЕ ФУНКЦИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ДИСКУРСЕ АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Аннотация: В статье рассматриваются характерные для американской социальной рекламы факторы привлечения произвольного внимания. Особое внимание уделяется их систематизации и соотношению с культурной спецификой и ценностными ориентирами.

Ключевые слова: дискурс, социальная реклама, функция воздействия.

Abstract: The article deals with the specificity of American social advertising. It focuses on its commonly widespread factors of attracting audience attention.

Keywords: discourse, social advertising, impact function.

В последнее время изучение социальной рекламы становится популярным объектом исследования. Это во многом объясняется тем, что в современном мире данный вид рекламы используется в качестве нового способа воздействия на аудиторию в решении сложных социальных проблем.

Значительный рост социальной рекламы характерен для всех средств массового информирования (телевидение, рекламные щиты, Интернет). Ее изучением занимаются специалисты различных научных направлений: социологии, экономики, политологии, юриспруденции, лингвистики. Их интерес во многом обусловлен как предметом и целью социальной рекламы, так и ее динамичным развитием, что, в свою очередь, дает возможность изучения ментальности и системы ценностей отдельно взятой лингвокультуры.

В данной статье рассмотрена специфика американской социальной рекламы, а именно характерные факторы привлечения произвольного внимания, которыми пользуются американские рекламодатели с целью воздействия на аудиторию. К наиболее распространенным факторам относятся:

- 1) учет системы ценностей;

* Научный руководитель – д-р филол. наук, профессор О.В. Магировская.

- 2) новизна поднимаемой проблемы;
- 3) использование контрастных раздражителей.

Самым общепотребительным фактором влияния в американской социальной рекламе выступает *учет системы ценностей*. Это объясняется тем, что человек отбирает из информационного потока рекламных сообщений лишь то, что важно для его жизнедеятельности, и не воспринимает то, что субъективно не представляется ему необходимым. Если информация не соответствует запросам и интересам людей, противоречит их системе ценностей и предпочтений, то они стараются сознательно или бессознательно избегать ее. Как показывает проведенное исследование, важнейшей ценностью в американской культуре является здоровье. Обращение к вопросу о его важности и сохранении фигурирует в различных тематиках американской социальной рекламы.

Функция воздействия очень ярко проявляется в социальной рекламе о правилах безопасного движения, подсчитывающей дни, которые водитель может провести в больнице при намеренном превышении скорости на дороге (см. рис. 1).

Рисунок 1. 46 дней на больничной койке.

Данный пример социальной рекламы главным образом работает на аффективном уровне психологического воздействия, поскольку содержит в себе мощный эмоциональный аспект, способствующий формированию отношения аудитории к поднимаемой проблеме.

Кроме графического текста в рекламе используется выразительное языковое средство – пословица «Slower is better», которая призывает никуда не торопиться. Авторы рекламного текста используют данную пословицу как непреложную истину, народную мудрость, проверенную опытом поколений людей

и потому не подвергаемую критическому осмыслению. Пословицы имеют стереотипную, автоматическую реакцию одобрения, что обуславливает их потенциал воздействия в массовой коммуникации.

Не менее распространенным фактором привлечения внимания в американской социальной рекламе выступает *фактор новизны поднимаемой проблемы*. Принято считать, что гораздо проще подать информацию о совершенно новом явлении, неожиданном для аудитории, когда у человека еще не сложилось определенное отношение к нему или, наоборот, когда созрела готовность к изменению некоторой стереотипной модели поведения. Функции социальной рекламы многократно усложняются, когда ее объектом выступает хорошо известное явление. Добиться у аудитории радикального изменения отношения к этому явлению с помощью новых сведений трудно. Поэтому социальная реклама может только усилить имеющееся о нем мнение. Это во многом объясняет использование рекламными компаниями новых сведений и данных при решении традиционных проблем общества.

Примером использования новизны выступает социальная реклама американского национального фонда общественного здравоохранения American Legacy, которая в рамках проекта «Truth» с 2000 года проводит антитабачную борьбу. Данный проект наделяет рекламу новыми смыслами, используя статистические данные о количестве жертв курения. Таким образом, социальная реклама заставляет задуматься о масштабах проблемы и важности ее решения. Слоган социальной рекламы звучит следующим образом: «*1200 people die every day in the U.S.A. from tobacco related illnesses*». Как правило, люди доверяют числовой информации и, соответственно, тексту, который ее сопровождает. Числа в рекламе повышают точность информации и усиливают психологическое воздействие на потенциальную аудиторию. Более того, авторы данной социальной рекламы используют эмоционально окрашенный глагол *to die*, который употребляется в своем прямом денотативном значении и несет резко негативную коннотацию. Этот прием используется с целью потенциального воздействия на получателя. Стоит отметить, что в предложе-

нии также нарушен порядок слов с целью акцентирования (По правилам английской грамматики обстоятельство чаще всего употребляются в конце предложения, но в данной рекламе обстоятельство времени *every day* намеренно используется после подлежащего и сказуемого с целью драматизации и привлечения внимания к предоставляемым данным).

Таким образом, при помощи предоставления новых данных об объекте рекламы социальные институты добиваются внимания аудитории.

С не меньшей эффективностью работают *контрастные раздражители* (изображение беременной женщины с сигаретой на угнетающе черном фоне, ребенок с оружием в руках и др). Например, на плакате общества женщин, борющихся против жестокости и использования оружия на территории своей страны – *Moms demand action* – изображены два ребенка, один из которых держит шоколадное яйцо «Kinder», а другой – оружие (рис. 2).

Рисунок 2. Mom's Demand Action

Дистанция между детьми и потенциальной аудиторией играет большую роль в приведенной рекламе. На изображении, так же, как и в реальной жизни, маркируются межличностные отношения: мы держимся на расстоянии от незнакомцев и близки с родными. В данном случае дети, изображенные на дальнем плане, представлены незнакомцами, «чужими», что очень символично, поскольку подобная ситуация не является нормой для американского общества. Немаловажен взгляд детей. Глядя на эту социальную рекламу, общество становится активным зрителем и участником взаимодействия. Прямой взгляд детей говорит о побуждении к действиям, затрагивая суггестивный уровень психологического воздействия. Более того, реклама сопровождается текстом: «*One*

child is holding something that's been banned in America to protect them. Guess which one. We won't sell Kinder chocolate eggs in the interest of child safety. Why not assault weapons?» Сравнивая шоколадное яйцо, продажа которого вительно была прекращена в целях безопасности, с потенциальной угрозой жестокости и преступности, общество *Moms demand action* обнажает всю сурдность ситуации, играя на контрастах. Более того, в рекламе используется прагматически нагруженные конструкции – риторические обращения: «*Guess which one*»; «*Why not assault weapons?*». Данный прием создает эффект напряженности, способствует актуализации текстового смысла, повышению суггестивности и запоминаемости текста.

Статистический метод анализа позволяет указать на частотность использования наиболее распространенных факторов воздействия на аудиторию:

- учет системы ценностей – 49%;
- новизна поднимаемой проблемы – 27%;
- использование контрастных раздражителей – 24%.

Таким образом, понятия *реклама* и *воздействие* неразрывно связаны между собой. Функция воздействия усиливает действие социальной рекламы, которая направлена на изменение поведенческой модели людей и более активное и заинтересованное решение социальных проблем. Грамотное использование функции воздействия значительно усиливает необходимый прагматический потенциал рекламного сообщения и делает рекламу успешной.

РЕЧЕВОЙ ЖАНР «ЛИЧНОЕ ПИСЬМО» В МЕЖДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация: В статье рассматривается личное письмо как жанр естественной письменной речи и его реализация в художественном дискурсе. Специфика факторов адресанта и адресата определяется взаимосвязью и взаимодействием двух миров – реального и вымышленного, поэтому отправитель и реципиент подразделяются на реально-го/исторического и вымышленного, создавая систему: «автор произведения – повествователь – персонаж-адресант – текст письма – персонаж адресат – читатель произведения». Автор произведения отбирает подходящие элементы из письма естественной письменной речи, способствующие воплощению авторской идеи.

Ключевые слова: речевой жанр, естественная письменная речь, личное письмо, художественный дискурс.

Abstract: The article deals with the personal letter as the genre of written natural speech and focuses on its implementation in artistic discourse. The specificity factors of the addresser and the addressee are determined by the interrelation and interaction of epy two worlds –real and fictional, so the sender and the recipient are also distinguished as real and fictional creating a system: "author – narrator – character-sender – text of the letter – character-addressee – reader of the work". The author of the work selects suitable items from the letters of natural written speech to translate the author's ideas.

Keywords: speech genre, natural written speech, personal letter, artistic discourse.

Повышенный интерес современной лингвистики к исследованию речи обусловил рост популярности понятия «речевой жанр» (РЖ), которое все чаще начинает встречаться на страницах лингвистических изданий [Дементьев, 1997: 109–121]. Интерес современной лингвистики к письменной речи обычных носителей языка, имеющих свои нормы и закономерности письменноречевой деятельности, вылился в особое научное направление, нацеленное на исследование естественной письменной речи (далее ЕПР) как специфического объекта, и открыл тем самым новые горизонты в развитии исследований соотношения ЕПР с другими видами дискурса [Рабенко, Лебедева, 2016: 50–61].

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Т.Г. Рабенко.

В рамках сопоставительного исследования естественной и искусственной (художественной) письменной речи особо выделяется жанроведческое направление, вписывающееся в решение проблемы речезанровой первичности / вторичности, обозначенной в свое время М.М. Бахтиным и до сих пор не имеющей однозначного решения в современной лингвистике.

Цель исследования – рассмотреть особенности реализации РЖ «личное письмо» в естественном письменном и художественном дискурсах, выявить сущностные признаки РЖ в художественной актуализации и признаки, подвергающиеся трансформации при реализации РЖ в новых коммуникативных условиях.

Предметом проводимого исследования являются содержательные и структурные особенности личного (материнского) письма в разных видах дискурса.

Для исследования взяты 6 личных писем матерей, по три письма каждого дискурса. В ЕПР – письма, адресованные матерью ее дочери, студентке ТГУ(1). Тексты художественного дискурса – письма матерей в рассказах В.М. Шукшина: «Письмо» (1971 г.), «Сельские жители» (1963 г.), «Змеиный яд» (1964 г.) (2) [Шукшин, 1980: 256].

В «Словаре современного русского языка» письмо определяется как «бумага с написанным текстом, посылаемая кому-л. для сообщения чего-л., для общения с кем-л. на расстоянии, а также соответствующее почтовое отправление» [Словарь..., 1987: 127]. Личные письма, в свою очередь, представляют собой определенный тип эпистолярного текста, включающий в себя семейную, дружескую, любовную переписку. Создавая текст личного письма, автор (субъект речи) исходит из целеустановок, однотипных в обоих видах дискурса. Среди них стремление:

1) ответить на письмо (*«Здравствуй, Наташа! Вчера получили твое письмо. Спасибо. Оно получилось сразу после нашего возвращения»* (1));

2) донести информацию (*«Саша приехал, загорел, собирается работать»*, *«После двух дней пребывания в Семиполатинске выехали домой»*,

«Он уже сдал три экзамена: сочинение, письменно математику и английский. Все на 3» (1); «Сынок, хвораю» (2));

3) проявить заботу, выразить любовь («Пиши дорогая, будь бодрой, не падай духом желаю тебе счастье, удачи и успеха во всех задуманных делах! Целую Мама. До свидания родная!», «Мы уже решили, что у тебя какие-то неприятности на личном фронте», «У нас сейчас дни тревог и переживаний, в том числе и, пожалуй, в основном из-за Саши» (1); «Приезжайте, дорогие мои. Жду вас, как Христова дня. Жить мне осталось мало, я хоть порады-ваюсь на вас. Одной-то шибко плохо, время долго идет. Приезжайте. Целую вас всех» (2));

4) выговориться с целью объективировать пережитое или запланированное («Большое впечатление производят горы, к сожалению, мы там не были. На Капчагайском водохранилище жарились на солнце купались и спали в машине по йоговой системе», «Поделюсь впечатления», «В Алма-Ате это мы были недолго, папа болел, так ездили на автобусах не очень много посмотрели, ну очень зеленый город сплошь стоят пирамидами тополь маскируя старые домишки, которых много на окраине и встречаются в центре. Есть красиво оформлены здания ну – центр» (1); «Читай, зятек, почитай – я и тебе скажу: проугрюмися всю жизнь, глядь – помирать надо. Послушай меня, я век прожила с таким, как ты: нехорошо так, чижало. Я тут про тебя всякие слова написала, прости, еслив нечаянно задела, но все-таки образумься. Чижало так жить! Она мне дочь родная, у меня душа болит, мне тоже охота, чтоб она порадовалась на этом свете» (2)).

Через опознание цели коммуникативной ситуации происходит формирование коммуникативной пресуппозиции, на основе которой участники общения «строят свое коммуникативное поведение в соответствии с нормами и правилами поведения в данном типе коммуникативных событий» [Рабенко, 2016: 50–61], демонстрируя тем самым умение ориентироваться в коммуникативном пространстве: «Здравствуй, Наташа! Вчера получили твое письмо. Спасибо. Оно получилось сразу после нашего возвращения» (1); «Добрый

день, дочь Катя, а также зять Николай Васильич и ваши детки, Коля и Светычка, внучатычки мои ненаглядныи. Ну, када жа вы приедете, я уж все глазыньки проглядела – все гляжу на дорогу...» (2). Сообразуясь со статусом адресата, автор не только выражает коммуникативную цель в наиболее подходящей для ситуации форме («Пишу тебе письмо» (1)), но и выбирает уместную для этого случая номинацию адресата («Наташенька!» (1), «Катя» (2)).

Для личных писем характерно указание имен: *Наташа, Люба, Павел, Настя, Саша* (1), *Катя, Николай Васильич, Коля и Светычка* (2). Это говорит о том, что данные лица приближены к семейному кругу (члены семьи, близкие родственники, знакомые), дистанция между коммуникантами минимальна. Номенклатурная лексика в личных письмах естественно-письменного дискурса ориентирована на заранее известного автору адресата (дочь/сын), а личные письма художественного дискурса подразумевают неизвестного реципиента («авторский ориентир на обычного читателя»), так как в письме старухи присутствует пояснение близкородственных связей: *«Добрый день, дочь Катя, а также зять Николай Васильич и ваши детки, Коля и Светычка, внучатычки мои ненаглядныи»* (2).

Среди языковых средств, обусловленных жанровой природой письма, можно выделить ряд средств, отличающих данный РЖ от других: клишированные синтаксические конструкции (репрезентирующие структурные части письма: начало – приветствие, обращение – и конец – прощание, отсылка к пишущему («Мама» (1), «Баба Оля» (2)), присутствие средств, связанных с реализацией контактоподдерживающей функции («Пишите» (1 и 2)) и вводящих констатирующую информацию: *«Получили твое письмо...»* (1), *«Папа описал почти все»* (1), *«Катя, доченька, видела я этой ночий худой сон»* (2), вводные конструкции, передающие мыслительную деятельность, рассуждения (оценка): *«Дай Бог!»*.

В художественном дискурсе автор произведения, стремясь к стилизации непосредственного общения пишущего, использует в письмах следую-

щие стилистические средства, свойственные разговорной речи: на фонетическом уровне – написание слов в соответствии с произношением (в том числе диалектные и устаревшие слова), а также на лексико-грамматическом – предикативы, стилистически маркированные единицы в экспрессивной функции: *када жа, ненаглядныи, ихного, обижатца, Светычка, внучатычки, нету, поспрашай, разломило всю спинушку и ногу к затылку подводит – радикулит, гад такой, криком кричу больно*. На словообразовательном уровне – лексические единицы с разговорными, экспрессивными и субъективно-оценочными суффиксами: *спинушку, сынок, внучатычки, доченька, идрена мать, букой-то живешь*.

Желание субъекта речи передать непринужденность эпистолярного общения вызвано использованием ряда приемов языковой игры: нарушение фонетических и грамматических норм, употребление архаизмов, трансформация эпистолярных формул и стереотипов, сохранение внутренней структуры (этикетной рамки).

Одна из функций таких единиц состоит в том, что они имитируют особенности речи третьих лиц, чей «речевой портрет» автор хочет представить адресату. В данном случае автор показывает на старуху Кандаурову, которая является носителем диалекта на всех уровнях языка: *Ну, када жа вы приедете, я уж все глазыньки проглядела – все гляжу на дорогу: вот, может, покажутся, вот покажутся*.

Отражение особенностей произношения конкретного лица служит для создания «речевого колорита», т.е. для передачи чужой речи «в лицах». Чем выше степень демократизации художественной литературы, тем большее воздействие оказывает разговорная речь на язык художественной литературы».

Как следствие пространственно-временной разделенности участников коммуникации, монологическая по своей природе типовая ситуация «обращение автора личного письма к дочери» по формальным признакам приближается к диалогическому общению, устанавливается асинхронный диалог.

При этом выявляется ряд адресантных высказываний с личными местоимениями 1 лица и/или глаголами 1 лица настоящего / прошедшего времени и приложениями, а также высказываний с указанием близкородственных связей: *«Сынок, хвораю, Криком кричу больно»*.

В процессе межличностного общения автор способен вмешаться в процесс формирования своего образа у собеседника. Подобная самопрезентация предполагает представление субъекта речи в определенном свете, привлечение на свою сторону собеседника, манипулирование им, выражение своего отношения к окружающему миру с присущей субъекту речи системой ценностей: *«Чего ты думаешь-то? Ты живи да радуйся, да других радуй... Я вот жду вас, жду не дождусь, а если ты опять приедешь такой задумчивый, огрею шумовкой по голове, у тебя мысли-то перестроютца»* (2). Самопрезентация автора осуществляется на содержательном и формально-языковом уровнях. На содержательном уровне – это информирование о себе: *«Я сейчас читаю книгу косметика и там рекомендуют зубную пасту для больных десен»* (1).

Таким образом, являясь элементом фикционального мира художественного произведения, искусственно созданный эпистолярный текст способствует воссозданию образа персонажа. При моделировании личного письма в художественном тексте автор произведения отбирает подходящие элементы эпистолярной жанровой формы, которые способствуют воплощению определенной авторской идеи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике. М.: «Наука», 1997. 121с.
2. Лебедева Н.Б. Русская естественная письменная речь: проблемы и задачи лабораторного исследования // Актуальные проблемы русистики // Томск: Грамота, 2000. С. 18–25.

3. Рабенко Т.Г., Лебедева Н.Б. К соотношению жанров естественно-го и художественного дискурсов: постановка проблемы (на примере жанра «письмо в редакцию») // Вестник ТГУ. Серия: Филология. 2016. № 1 (39). С. 50–61.

4. Словарь современного русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: АН СССР Ин-т рус. яз. 1987. Т.3. С. 127.

5. Шукшин В.М. Рассказы. М.: Московский рабочий, 1980. 256 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Естественная письменная русская речь жителей Кузбасса» (№17-14-42001а).

Лукьянова Д.В.*

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ УРБОНИМИЯ В АСПЕКТЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КРАСНОЯРСКА И НОВОСИБИРСКА)

Аннотация: В статье рассматривается городской ономастикон двух городов – Красноярска и Новосибирска в сопоставительном аспекте. Проанализированы принципы и способы номинации неофициальных урбанонимов и астионимов. Выявлено, что при номинации городских объектов используются приемы речевой компрессии, метонимии, метафоры, языковой игры. Показано, что неофициальные урбанонимы Красноярска и Новосибирска формируют их культурный облик, уникальность и самобытность.

Ключевые слова: язык города, неофициальные урбанонимы, городской ономастикон, астионим, топоним, урбаноним.

Abstract: The article considers urban onomastics of two cities – Krasnoyarsk and Novosibirsk in a comparative aspect. The principles and methods of nominating unofficial urbanonyms and astionyms are analyzed. It was revealed that in the nomination of urban objects, the methods of speech compression, metonymy, metaphor, and language play are used. It is shown that the informal urbanonyms of Krasnoyarsk and Novosibirsk form their cultural appearance, uniqueness and originality.

Keywords: language of the city, informal urbanonyms, urban onomasticon, astionym, toponym, urbanonym.

Язык города – особый лингвистический феномен, который формирует статус города, его облик, городской фольклор, стереотипы, городскую мифологию, эмоциональную связь с городом, а также городскую символику [Абышева, 2005: 19]. Исследования по языку города лингвисты публиковали уже с 20-х годов XX века: работы Б.А. Ларина «О лингвистическом изучении города» [Ларин, 1977: 189], Л.В. Щербы «К вопросу о двуязычии» [Щерба, 1974: 318], Л.П. Якубинского «О диалогической речи» [Якубинский, 1986: 58]. Долгое время после этого периода работы по языку города не публиковались, а в 60-ые годы XX века данная тема возрождается в работах К.П. Михалап, Т.В. Шмелёвой «Словарь города» [Михалап, Шмелёва, 1987: 84], Л.А. Капандадзе, Л.В. Красильниковой «Лексика города (к постановке проблемы)» [Капандадзе, Красильникова, 1982: 294] и т. д. В настоящее время

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Л.З. Подберёзкина.

эти исследования ведутся в разных регионах России: М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова «Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект» [Китайгородская, Розанова, 1999: 396], А.А. Юнаковская «Разговорная речь носителей массовой городской культуры (на материале г. Омска)» [Юнаковская, 2007: 168], Л.З. Подберёзкина «Лингвистическое градоведение (о перспективах исследования языкового облика г. Красноярск)» [Подберёзкина, 1998: 24], В.В. Колесов «Язык города (на материале г. Санкт-Петербурга)» [Колесов, 1991: 121], Б.Я. Шарифуллин «Язык современного сибирского города» [Шарифуллин, 1997: 26], А.А. Трапезникова «Ономастическое сознание современного горожанина (на материале эргономии г. Красноярск)» [Трапезникова, 2010: 213] и др.

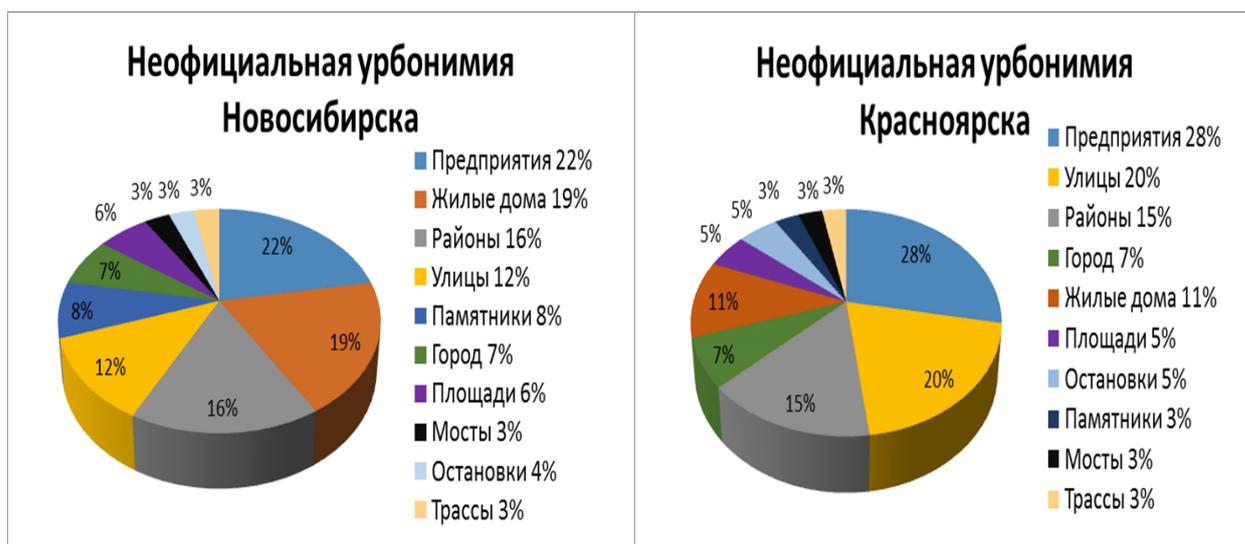
В лингвистическом изучении языка города традиционно выделяется две сферы: сфера речи горожан и сфера городских номинаций и текстов городской среды (вывесок, плакатов, наружной рекламы, афиш, граффити и др.), которые и являются объектом лингвистического градоведения. В языке города можно выделить особую ветвь – урбанонимию, которая объединяет названия основных внутригородских объектов. Урбанонимия существует в двух отраслях: официальной и неофициальной, которая отражена в узусе горожан [Подберёзкина, 1998: 22]. Для неофициальных номинаций характерна употребительность, стилистическая окрашенность и экспрессивность [Шмелёва, 2013: 99]. Причинами их возникновения являются: 1) отторжение нейтральных громоздких официальных наименований, желание их сократить; 2) необходимость различать объекты с одинаковым значением или одинаковыми функциями; 3) стремление к эмоциональной оценочности и экспрессивности [Клименко, 2011: 7].

В нашем исследовании в этом году мы сопоставили неофициальные наименования двух сибирских городов: Красноярск и Новосибирск. Исследование выполнено на материале более 350 лексических единиц, который постоянно пополняется. Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что в неофициальной урбанонимии отражен облик города, факты истории

и культуры народа, особенности мировоззрения и жизненного уклада горожан.

Для выявления специфики неофициальной урбонимии в Новосибирске и Красноярске следует обратиться к объектам неофициальной урбонимии (диаграмма 1).

Диаграмма 1. Объекты неофициальной урбонимии в Новосибирске и Красноярске

Несмотря на общность статистики, которую мы можем наблюдать на диаграмме, в Красноярске и Новосибирске можно выделить свою специфику. Например, Новосибирск – быстро растущий студенческий город (на его территории находится более 30 высших учебных заведений, а также колледжей и средне-специальных учреждений), что отражается на его неофициальной урбонимии: *Водник* – Сибирский государственный университет водного транспорта (*В Воднике много знакомых ребят учится / хороший инст //*), *Гайка* – университет геосистем и геотехнологий (*Гайка чисто пацанский вуз//*), *Гоблин-сити* – студенческий городок НГТУ (*Я живу в общежитии в Гоблин-сити //*), *Вобла* – Новосибирская государственная областная научная библиотека. В Новосибирске развитая система метро, что отразилось на лексике города: *Гагаринка* – станция метро «Гагаринская» (*Я выхожу на Гагаринке / хочу прошвырнуться по местным магазинам //*), *Золотушка* – станция метро «Золотая Нива» (*Тебе надо выходить на Золоткушке / если хочешь к*

Кристе попасть //). В Красноярске, в свою очередь, находится множество топонимических объектов, а также заповедник, фан-парк, которые получили свои неофициальные наименования: *Татка* – остров Татышев (*Давайте на Татке соберемся / в волейбол поиграем //*), *Протока* – место для купания Енисее (Мы с родителями в Протоке часто купались / прохладная там водичка //), *Бобрятник* – фан-парк «Бобровый Лог» (*В Бобрятнике такой крутой басик / мы каждое лето там //*), *Столбики* – заповедник «Столбы», *Лысогорье* – гора в Кировском районе, *Караулка* – Караульная гора. Нужно сказать, что в Красноярске распространение получили неофициальные номинации остановок, т. к. поездки на автобусе – основной вид передвижения в городе: *Больничка* – остановка «Детская поликлиника» (*Я каждый день от конечки до конечки / с Госа до Больнички //*), *Горькуша* – остановка ул. Горького (*Света почему-то сегодня с Горькуши ехала / переехала / что ли //*), *Сопка* – остановка «Сопка».

Обратимся к типологии неофициальных номинаций (табл. 1).

Таблица 1. Типы неофициальных урбанонимов

Типы	Новосибирск	Красноярск
Астионимы	<i>СибЧикаго, Новосёрск, НаноСибирск</i>	<i>Кырск, Крск, Красик, Крас, Край, Центр</i>
Годонимы	<i>Пироговка, Лесосечка, Станционка</i>	<i>Щорики, Высотка, Баррики</i>
Хоронимы	<i>Большие ипотеки, Долина нищих, ГЭС – страна чудес</i>	<i>Академ, Север, Роцца</i>
Эргонимы	<i>Звезда смерти, Кубик, Мохнатый</i>	<i>Шаурма Лэнд, Фрэнки, Слоны</i>
Эмпоронимы	<i>Печка, На заре, Парники</i>	<i>Больничка, Копыловский, Сопка</i>
Ойкодомонимы	<i>Красная шапочка, Глагол, Дом женихов</i>	<i>Бастилия, Шайба, Кода</i>

В астионимии города Новосибирска преобладает способ основосложения: *СибЧикаго* (*А почему СибЧикаго / потому что застраивался быстро*

как *Чикаго* //), *Новосёрск* (*Не хочу возвращаться в свой Новосёрск / желания нет* //), *НаноСибирск*. В Красноярске же наблюдается несколько иная ситуация: неофициальные наименования образуются здесь разными способами: аббревиацией – *Кырск* (*Давно я в Кырске не была / надо хоть за шмотом заехать* //), *Крск* (*В Крск дороги ужасные / кочки вечные* //); универбацией – *Красик*; усечением – *Крас*, *Яр*; а также семантической деривацией – *Край*, *Центр*. В годонимии мы можем наблюдать, что в обоих городах улицы образуются с помощью способа универбации: *Пироговка* – ул. Пирогова (*Таня с Димой квартиру купили на Пироговке / довольны как слоны* //), *Лесосечка* – ул. Лесосечная (*Хорошо бы на Лесосечку переехать / да возможности нет* //), *Щорики* – ул. Щорса. *Высотка* – ул. Высоцкого. В хоронимии Новосибирска преобладающим способом является семантическая деривация, выраженная метафорой и метонимией: *Большие ипотеки* – микрорайон «Березовый» (*Они взяли квартиру в Больших ипотеках / во дают* //), *Долина нищих* – коттеджный посёлок в Матвеевке (*Дом Эдика в Долине нищих / я не люблю туда ездить* //), *Гэс-Страна чудес* – жилой район у гидроэлектростанции. В Красноярске наблюдаются другая динамика: неофициальные хоронимы образуются, чаще всего, способом усечения: *Академ* – микрорайон «Академгородок» (*В Академе леса такие красивые / надо там фотосет организовать* //), *Север* – микрорайон Северный (*В Севере пробки из-за Планеты / я тебе говорю* //), *Роща* – микрорайон «Зелёная роща». Интересной отраслью для номинации являются ойкодомонимы. В Новосибирске и в Красноярске жилые дома номинируются способом семантической деривации: *Красная шапочка* – жилой дом на ул. Авиастроителей (*А где ты живешь-то / в Красной шапочке* //), *Бастилия* – дома на ул. 9 мая 14 и 16 (*Надо ехать к Ирке на др / Куда / В Бастилию* //). Но более пестрой является номинация студенческих общежитий в городе Новосибирске. Если в Красноярске чаще всего используется нумеративы: *Двадцатка* – двадцатое общежитие (*Наших девчонок почти всех в Двадцатку заселили* //), *Вторая* – общежитие № 2 (*Во второй общежитии вечно тараканов травят / а они не уходят* //), то в Новосибирске на-

звания общежитий образуются семантической деривацией: *Глагол* – общежитие на ул. Золотодолинской (*Как тебе в Глаголе? / Да норм / живем потихоньку //*), *Дом женихов* – общежитие Сибирского государственного университета водного транспорта (*А почему Дом женихов-то? / Дак в Воднике одни пацаны учатся //*).

Наконец, рассмотрим способы образования неофициальных урбанонимов (диаграмма 3).

Диаграмма 2. Способы образования неофициальной урбонимии

При анализе диаграмм можно наблюдать, что частотность способов образования неофициальных урбанонимов в Красноярске и Новосибирске практически не отличается, а лидирующими способами являются словообразование, семантическая деривация, составные наименования и игра слов.

Универбация – лидирующий способ словообразования как в Новосибирске (63%), так и в Красноярске (45 %). Данным способом горожане чаще всего номинируют названия улиц, предприятий: *Макаронка* – Новосибирская макаронная фабрика (*На Макаронке самые вкусные изделия / ты бы заценила //*), *Большевичка* – ул. Большевицкая (*Дом родителей на Большевичке / давно там не был //*), *Баганка* – ул. Баганская, *Быковка* – ул. Быковского (*На Быковке разборки вечно идут / жить спокойно не дают //*), *Вагонка* – Красноярский электровагоноремонтный завод, *Пивка* – заброшенное здание пивоваренного завода.

Семантическая деривация является интереснейшим способом образования. Номинации, образованные данным способом, яркие, эмоциональ-

ные, экспрессивные. Чаще всего способ семантической деривации выражен метафорой и метонимией. Большинство номинаций, образованных данным способом, являются ойкодомонимами, но встречаются также эргонимы: *Бабочка* – здание на ул. Яндринцева (*Бабочка так интересно выглядит / все бы дома так делали //*), *Аул* – частный сектор в районе ул. Красина (*В Ауле сложно русского встретить //*), *Броненосец* – ТЦ на ул. Ильича, *Хомяки* – бар на ул. Карла Марса (*А почему такое название странное? //* *Хомяки так называли / потому что в этом же помещении находится зоомагазин //*), *Шайба* – дом на ул. 9 мая.

Интересно, что **составные наименования** встречаются в Красноярске и Новосибирске в разной степени. В Красноярске такие номинации практически не встречаются (8 %), в Новосибирске же такие номинации являются достаточно распространенными (17 %). Приведем примеры: *Дом с мужиками* – жилой дом на ул. Петухова (*Дом этот с мужиками советское время напоминает //*), *Еврейский магазин* – здание по адресу ул. Станционная 8, *Пробковая гора* – проезд по ул. Шахтеров в Красноярске (*Гора именно Пробковая / потому что там вечно пробки //*), *Пьяный мужик* – скульптура «Дядя Вася».

В большинстве случаев **игра слов** в Красноярске и Новосибирске представлена в годонии и эргонимии. Рассмотрим некоторые примеры: *Кырлы Мырлы* – ул. Карла Маркса (*Сашка живет на Карле Мырле уже лет 10 //*), *Матери Зайки* – ул. Мате Залки (*До чего ж запутанная улица эта Матери Зайки //*), *Кудатотудадзе* – ул. Кутателадзе, *Бугаркова* – ул. Бориса Богаткова, *Вилы-весла* – сеть столовых «Вилка-ложка», *Двушка* – кафе «Ивушка».

Итак, специфика языкового облика Красноярска и Новосибирска зависит не столько от способов их образования, типологии общегородской жаргонной номинации, сколько от топографических данных, влияния городской инфраструктуры. В Новосибирске особый пласт лексики города составляют названия университетов, библиотек, станций метро, в Красноярске – топонимические объекты, названия остановок, а также названия предприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абышева Ю.Ю. Проблема формирования имиджа города: социально-управленческий аспект: дисс. канд. социал. наук: 22.00.08. Н. Новгород, 2005. 173 с.
2. Капанадзе Л.А., Красильникова Л.В. Лексика города (к постановке проблемы) // Способы номинации в современном русском языке. М.: Наука, 1982. 294 с.
3. Китайгородская Л.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М.: Русские словари, 1999. 396 с.
4. Клименко Е.Н. Неофициальная ономастика современного города (на примере города Екатеринбурга) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т.9. Вып. 6. С. 6–8.
5. Колесов В.В. Язык города (на материале г. Санкт-Петербурга). М.: Высшая школа, 1991. 192 с.
6. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. 224 с.
7. Михалап К.П., Шмелёва Т.В. Словарь города // Филологические науки. 1987. № 4. С. 81–84.
8. Подберёзкина Л.З. Лингвистическое градоведение (о перспективах исследования языкового облика г. Красноярска) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Красноярск, 1998. Вып. 6. С. 22–30.
9. Трапезникова А.А. Ономастическое сознание современного горожанина (на материале эргонимии г. Красноярска): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Красноярск, 2010. 213 с.
10. Шарифуллин Б.Я. Язык современного сибирского города // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 5. Красноярск, 1997. С. 8–26.

11. Шмелева Т.В. Ономастика: учеб. пособие для студ. вузов. Славянск-на-Кубани: КубГУ, 2013. 161 с.

12. Щерба Л.В. К вопросу о двуязычии // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 313–318.

13. Юнаковская А.А. Разговорная речь носителей массовой культуры (на материале г. Омска): Хрестоматия. М.: Языки славянских культур, 2007. 168 с.

14. Якубинский Л.П. О диалогической речи // Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 17–58.

Любителева В.Н.*

**СОЗДАНИЕ ПОДТЕКСТА В АМЕРИКАНСКОМ КИНОДИСКУРСЕ
НА КОМПОЗИЦИОННОМ УРОВНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТ-
ВЕННОГО КИНОФИЛЬМА ВУДИ АЛЛЕНА
«BLUE JASMINE»)**

Аннотация: В статье рассматриваются композиционные приёмы создания подтекста в кинодискурсе. К ним относятся типы нелинейного повествования, например, рамочная и кольцевая композиции. Рамочное построение заключает основную историю в некие рамки, создавая, таким образом, структуру «текст в тексте». Кольцевая композиция, в свою очередь, организует кинодискурс по модели «временного колеса» и возвращает зрителя к начальной точке. В качестве примера анализируется композиция американского женского фильма Вуди Аллена 2013 года «Blue Jasmine».

Ключевые слова: нелинейное повествование, феминное время, женский фильм, рамочная и кольцевая композиции.

Abstract: The article considers compositional methods of creating subtext in the film discourse. These include such types of nonlinear narrative as frame and ring compositions. The frame construction concludes the main story into a frame, thus, creating the «text within text» structure. The ring composition, in turn, organizes a film discourse using the «time wheel» model and returning the viewer to the starting point. As an example the composition of the American Woody Allen women's film «Blue Jasmine» of 2013 is analyzed.

Keywords: nonlinear narrative, feminine time, women's film, frame and ring compositions.

Композиция играет важную роль при создании кинофильма, так как непосредственно связана с авторской точкой зрения: она показывает отношение автора к той или иной проблеме в контексте фильма.

Композиции кинокартины воссоздают концепции художественного времени, которые, в свою очередь, отождествляются с временными концепциями, отражающимися в культуре. Наиболее известная концепция художественного времени – линейная, соответствующая восприятию времени человеком: в виде бесконечно продолжающейся прямой последовательности. По-

* Научный руководитель – канд. филол. наук Л.М. Штейнгарт.

давляющее большинство кинофильмов организуются согласно данной концепции, так как она является наиболее понятной и близкой для зрителя.

Тем не менее, существуют и другие, *нелинейные временные концепции*, воплотившиеся во многих художественных кинофильмах. К ним относятся, например, *рамочное построение*, которое включает основную историю в рамки, создавая, таким образом, структуру «текст в тексте». Рамка может реализоваться при помощи сквозной линии, то есть к рамке можно возвращаться множество раз [Коршунов, 2014: 24]. Рамочная композиция очень часто встречается в кино в виде воспоминаний какого-то персонажа.

Нелинейное повествование зачастую встречается в таком жанре, как *женский фильм*, и связано с присущим женщинам хаотичным переживанием времени. *Феминное время* – это время повторений, постоянного возвращения в предыдущие состояния; оно противопоставляется последовательному времени истории, присущему маскулинному мировоззрению и доминирующему в большинстве форм репрезентаций [Gledhill, 1987: 330].

Феминное переживание времени находит отражение в структуре кинофильма «Blue Jasmine»: вместо классического прямого сюжета, где бы действия сменяли друг друга, постепенно достигая развязки, фильм предлагает довольно сложный сюжет, полный ретроспективных кадров (флешбэков) [Ravis, 1999: 151], прерывающих естественный поток действий, и, таким образом, подтверждает свой жанр – женский фильм.

Рамочная композиция в данном фильме реализуется по принципу сквозного сюжета, где две параллельные линии действий, происходящие с главной героиней – Джасмин – в прошлом и настоящем, сосуществуют. Воспоминания героини помогают нам понять, что сделало её такой, какая она есть в настоящем, а также демонстрируют, как неустанно она пытается вернуться к прошлому, поэтому нас в одинаковой степени интересуют как ретроспектива, так и перспектива – обе линии находятся на равных.

Об этом можно заключить, рассмотрев переходы от основного сюжета к флешбэкам, происходящие посредством своего рода побуждающих лексем.

В одном из эпизодов Джасмин, удручённая и подавленная из-за своей тяжёлой жизненной ситуации, выбегает на улицу и говорит себе сделать глубокий вдох (36:58):

Jasmine: Deep breath. Breathe deeply. All right, deep breath.

(Джасмин: Глубокий вдох. Дыши глубоко. Вот так, глубокий вдох.)

И через мгновение мы наблюдаем ретроспективный эпизод, где Джасмин находится в саду некоего загородного дома, наливает себе прохладительный напиток после игры в конное поло и говорит со своей подругой о парфюме, которая начинает фразой «*если глубоко вдохнуть...*»:

Jane: If you take a deep breath, you can smell the honeysuckle.

Jasmine: Beautiful. Make a great perfume.

Jane: It would.

(Джейн: Если глубоко вдохнуть, можно почувствовать жимолость.

Джасмин: Превосходно. Вышел бы отличный парфюм.

Джейн: Точно'.)

Однако, это не является основной темой разговора в эпизоде: далее они говорят об успехах пасынка Джасмин в Гарварде. Из этого следует, что даже такие случайные и незначительные слова или фразы (как «*deep breath*») отсылают героиню в прошлое – во времена, когда она была богата и счастлива.

Рассмотрим ещё один переход. На этот раз Джасмин в настоящем говорит со своей сестрой о её новом аромате (01:16:13):

Ginger: ...a whiff of my new fragrance. It's French.

(Джинджер: запах моего нового аромата. Французского'.)

После того, как Джинджер произносит слово «*французский*», мы попадаем во флешбэк, где наблюдаем диалог Джасмин с другой её подругой:

Nora: You're late.

Jasmine: Oh, God. I'm still shaking.

Nora: What's the matter?

Jasmine: I think Hal is having an affair.

Nora: With Lisette Boudreau?

Jasmine: Who is she?

*Nora: That **French** girl. The Jordans' au pair.*

(Нора: Ты опоздала.

Джасмин: Боже, меня до сих пор трясёт.

Нора: Что случилось?

Джасмин: Мне кажется, Хэл мне изменяет.

Нора: С Лизетт Будро?

Джасмин: Кто это?

Нора: Та французженка. Гувернантка Джорданов'.)

На этот раз мы попадаем в более значительный для сюжета эпизод: Джасмин впервые узнаёт об изменах своего мужа, что навсегда меняет её жизнь.

Такие переходы из эпизодов настоящего в ретроспективные кадры, а также рамочная композиция в целом скрывают в себе подтекст: они демонстрируют неспособность главной героини отпустить прошлое.

Довольно часто в фильмах могут одновременно совмещаться несколько типов построения. Кинофильм «Blue Jasmine» также содержит элементы *кольцевой композиции*. Данная структура связана с одной из древнейших концепций физического времени – кольцевой – и предлагает рассматривать время в виде колеса: время неизменно возвращается к одной и той же точке [McKee, 2005: 295]. Кольцевая композиция в кино зачастую воплощается посредством закольцованной сцены: один из начальных эпизодов, в котором зарождается основная сюжетная линия фильма, повторяется, но на новом этапе.

Отчасти закольцованная сцена в сильных позициях текста (начале и конце) присутствует в кинокартине. Фильм начинается с того, что зритель видит, как Джасмин летит в самолёте и разговаривает со своей соседкой по месту (01:30).

Jasmine: There was no one like Hal. He met me at a party and swept me off my feet. «Blue Moon» was playing.

(*Джасмин: Я не встречала таких, как Хэл. Он подошёл ко мне на вечеринке и закружил меня в танце. «Печальная Луна» играла.*)

Заканчивается же фильм сценой (01:33:33), где абсолютно опустошённая и душевно нездоровая Джасмин подсаживается на лавку к незнакомке и говорит сама с собой:

Jasmine: It's fraught with peril. They gossip, you know, they talk. I saw Danny. Yes, did I tell you? He's getting married. A weekend in Palm Beach means I can wear... what could I wear? I can wear the Dior dress I bought in Paris. Yes, my black dress. Well, Hal always used to surprise me with jewelry. Extravagant pieces. I think he used to buy them at auction. It's so obvious what you're doing. You think I don't know? French au pair. This was playing on the Vineyard. «Blue Moon». I used to know the words. I knew the words. Now they're all a jumble.

(*Джасмин: Это чревато опасностью. Они сплетничают, знаешь, говорят. Я видела Дэнни. Да, я тебе говорила? Он женится. На выходные в Палм Бич я могла бы надеть... что мне надеть? Я надену платье от Диор, которое купила в Париже. Да, моё чёрное платье. Хэл всегда баловал меня драгоценностями. Экстравагантными штучками. Кажется, он покупал их на аукционах. Это же очевидно, чего ты добиваешься. Думаешь, я не знаю? Французская гувернантка. Это играло в Виньярде. «Печальная Луна». Раньше я знала слова. Я знала слова. Теперь они все смешались.*)

Пересечение сцен подтверждается на вербальном уровне лексическим повтором: Джасмин кажется, что она слышит музыку, уже упомянутую *«Печальную Луну»*, которая играла, когда они с мужем познакомились.

На визуальном уровне это также находит подтверждение. На финальном кадре героиня находится в более подавленном психическом состоянии, но тем не менее контекст повторяется: Джасмин сидит рядом с незнакомым человеком, на ней одна и та же одежда в обоих эпизодах.

Пересечение начальной и финальной сцен играет важную роль для понимания замысла режиссёра: героиня оказывается в том же затруднительном положении, в котором она находилась в начале фильма, ведь она не извлекла урок из прошлого и не пожелала изменить свою жизнь.

Итак, в исследуемой картине присутствуют элементы рамочной и кольцевой композиций, с помощью которых автор, повторяя или заново возвращаясь к определённым сценам, помогает зрителю сосредоточить внимание на основных моментах фильма и обнаружить в них подтекст.

Таким образом, композиционное построение кинофильма не является некой холодной техникой: оно может нагружаться дополнительной информацией и, таким образом, является существенным фактором для понимания содержания произведения и авторской интенции реципиентом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коршунов В.В. Неклассические способы композиционного построения современного киносценария: дис. ... канд. иск.: 17.00.03. М., 2014. 158 с.
2. Gledhill C. Home Is Where the Heart Is: Studies in Melodrama and the Woman's Film. London: British Film Institute, 1987. 365 p.
3. McKee R. Story: Style, Structure, Substance, and the Principles of Screenwriting. London: Methuen Publishing, 2005. 466 p.
4. Pavis P. Dictionary of the Theatre: Terms, Concepts and Analysis. Toronto: University of Toronto Press, 1999. 672 p.

Максимова Д.В.*

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВ СВОБОДА, ВОЛЯ И ИХ ДЕРИВАТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА», В.Т. ШАЛАМОВА «КОЛЫМСКИЕ РАССКАЗЫ», З. ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ»

Аннотация: В статье рассматриваются особенности семантики и функционирования лексем «свобода», «воля» в творчестве А.И. Солженицына и В.Т. Шаламова – писателей, отбывавших срок в исправительно-трудовых лагерях, и современного автора З. Прилепина. Рассмотрена и соотнесена семантика слов, представленных в толковых словарях русского языка, с функционированием лексем в произведениях писателей. Охарактеризованы основные синтаксические позиции, в которых актуализируются те или иные значения данных лексем.

Ключевые слова: семантика, функционирование, дериват, синтаксическая позиция.

Abstract: The article deals with the features of semantics and functioning of the lexemes “svoboda”, “volya” in the works by A.I. Solzhenitsyn and V.T. Shalamov – writers serving time in forced labor camps – and the modern author Z. Prilepin. Semantics of the words represented in the explanatory dictionaries of the Russian language and the functioning of lexemes in the writers' works are considered and correlated. The author characterizes the main syntactic positions in which certain values of these lexemes are actualized.

Keywords: semantics, functioning, derivative, syntactic position.

Наше обращение к проблемам семантики и функционирования ведущих слов обусловлено, прежде всего, интересом современной лингвистики к языковой картине мира писателей, раскрывающейся в их произведениях. В связи с этим актуальны работы, связанные с изучением ключевых слов в художественном тексте. За пониманием термина *ключевые слова* обратимся к словарю русского языка под редакцией М.Н. Кожиной: это «слова, выражающие главную идею целого художественного текста». [Стилистический..., 2003. Режим доступа: URL: goo.gl/mHS0oX].

То, что слово *свобода* является ключевым и несет особую смысловую нагрузку в произведениях А.И. Солженицына, подтверждается разными ис-

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент А.Н. Сперанская.

следователями, к примеру Л.Г. Хижняком [Хижняк 1999]. Представляет интерес изучение функционирования данного слова и его производных в текстах и других авторов, писавших о лагерях, – Варлама Тихоновича Шаламова, чей срок отбывания заключения составлял почти 20 лет, и современного писателя Захара Прилепина.

Также для анализа было выбрано слово *воля*. Некоторые лингвисты отрицают синонимичность понятий *свободы* и *воли*. Например, А.Д. Шмелев полагает, что *воля* в русском сознании ассоциируется с простором или широким пространством больше, чем *свобода* [Шмелев, 2002: 70–72].

Актуальность семантического анализа языка произведений А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова и З. Прилепина состоит в том, что данное исследование позволит получить новые факты, расширяющие наши представления о картине мира данных писателей, их отношении к жизни в условиях безволия и несвободы. Данная проблематика является актуальной на сегодняшний день, когда фокус внимания в области гуманитарного знания обращен к антропоцентрической парадигме.

Анализ семантики слов *свобода* и *воля* и их дериватов в исследуемых текстах представлен в табл. 1.

Таблица 1. Семантика слов *свобода* и *воля* и их дериватов в произведениях А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова и З. Прилепина

Значение слова <i>свобода</i> в толковых словарях русского языка (Ушаков, Ожегов)	«Один день Ивана Денисовича»	«Колымские рассказы»	«Обитель»
Возможность беспрепятственно, без стеснения и принуждения действовать в какой-н. области общественной жизни	И еще он успел вернуться к столу, и еще успел сочинить, что все на месте, соседи спереть ничего не успели, а свободно могли (2 примера).	...они говорили свободно , о чем хотели... не боясь ни шпионов, ни надзирателей (1 пример).	Деньги теперь он носил при себе: это как-то придавало ему сил – возникало обманчивое ощущение свободы и весомости (1 пример).
Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе.	Список освобожденных уже в ППЧ (1 пример).	После войны Шухаева освобождают (9 примеров).	...досрочно освобожденных в этом году не будет (8 примеров)
В философии: возможность проявления субъектом своей воли на основе осоз-	Дума арестантская – и та несвободная ... (3 примера)	Он понял, что, как ни мизерны возможности выбора, свободной воли	– Вы свободно себя ведёте и на всех них не похожи, – быстро прошептал Моисей Соло-

нания законов развития природы и общества.		арестанта, они все же есть (2 примера)	монович, указав глазами по сторонам. (7 примеров)
Располагающий временем, досугом, освобожденный или освободившийся от каких-н. обязанностей, занятий.	Испыток не убыток, не попробовать ли в санчасти косануть, от работы на денек освободиться ? (9 примеров)	Он был освобожден от работы и лежал на нарах (8 примеров).	– Я освободила вас от карцера (5 примеров).
Свобода = место (син. воля, раздолье, простор).	– Ну как тебя на свободу отпускать? Без тебя ж тюрьма плакать будет! (1 пример)	Думал ли он тогда о семье? Нет. О свободе ? Нет (1 пример).	... часть обвиняемых во главе с Гашидзе находилась на свободе (6 примеров).
Порожний, не занятый, могущий быть использованным.	Бригады сидели за столами или толкались в проходах, ждали, когда места освободятся (9 примеров).	Свободных мест на нарах не было (5 примеров).	Освобождается место в бригаде? (12 примеров)

Значение слова <i>воля</i> в толковых словарях русского языка (Ушаков, Ожегов)	«Один день Ивана Денисовича»	«Колымские рассказы»	«Обитель»
Сознательное стремление к осуществлению какой-нибудь цели.		Вся его арестантская, отчаянная воля была сосредоточена давно на одном: не разогнуться. И он не разгибался (5 примеров).	
Состояние человека человека, находящегося на свободе, не в заключении, не в тюрьме	Только этого Шухов и ждал! Теперь-то он, как птица вольная , выпорхнул из-под тамбурной крыши – и по зоне, и по зоне! (1 пример)	Без этих блатных словечек не остался ни один человек мужского или женского пола, заключенный или вольный , побывавший на Колыме (5 примеров).	– Заключённый Осип Троянский, – объявил Ногтев, – был направлен в бесконвойную, вольную командировку как учёный специалист (1 пример).
Желание, требование. Власть, возможность распоряжаться.		Чужая воля всегда была на страже нашего душевного спокойствия (13 примеров).	– Согрешил гордостью, в том числе: несмиренностью духа, нежеланием жить по воле Божией, самоволием, самочинием, самомнением, – выкрикивал батюшка Зиновий (2 примера).
Полная, ничем не сдерживаемая свобода в проявлении чувств, в действиях или поступках <i>Воля</i>	– Ведь вот, Иван Денисович, душа-то ваша просится Богу молиться. Почему ж вы ей воли не даете, а?		...бешеная улыбка на лице, страсть остервенения и вседозволенности – со всем этим не стоило связываться. Ка-

<i>ваша, твоя или твоя, ваша добрая воля (разг.) – как хотите, хочешь, в твоей, вашей власти.</i>	(1 пример)		ждого за ночь подъела собственная неугомонная лихорадка (2 примера).
Свободное состояние, не в тюрьме, не взаперти. Выпустить на волю (воля =место).	А как на волю ступишь?... (7 примеров)	Возвращаясь на волю , он видит, что он не только не вырос за время лагеря, но что интересы его сузились, стали бедными и грубыми (5 примеров).	Мы в тюрьме – они на воле (9 примеров)

Из толковых словарей русского языка было выделено шесть значений слова *свобода* и пять значений слова *воля*.

У А.И. Солженицына слово *свобода* и его дериваты наиболее часто реализуются в значении «располагающий временем, досугом, освобожденный или освободившийся от каких-н. обязанностей, занятий», в основном это описание заключенных, освободившихся от работы. Либо говорится о предмете или части тела: «порожний, не занятый, могущий быть использованным», например, *освободилось место, освобождая дорогу, свободной рукой*. Менее характерно для А.И. Солженицына описание состояния человека, не находящегося в заключении, и свободы, как места (син. *воля*) (1 пример).

Воля, как место (син. *свобода*), упоминается в тексте 7 раз: *на волю, ступишь на волю, своими ногами на волю*. В произведении не встречается слов и дериватов слова *воля* в значении «желание, требование, власть, возможность распоряжаться».

Актуализация названных значений в «Одном дне...» обусловлена тем, что писатель нацелен на предельно точное описание распорядка лагерного дня. Данные значения указывают на то, что ценностью для заключенного, по мнению автора, являлась возможность освободиться от работы на какое-то время. Также герой «Одного дня...» не склонен рассуждать о свободе и не-свободе личности и действовать по своей воле. Тем самым А.И. Солженицын создает нейтральный тон повествования, который способствует выражению

главного замысла, как комментирует он сам: «...и даже не надо нагнетать каких-то ужасов, не надо, чтоб это был какой-то особенный день, а – рядовой, вот тот самый день, из которого складываются годы» [Солженицын 1995: 3]. Н.Л. Лейдерман по данному поводу добавляет, что «такие нейтральные и констатирующие фразы служат писателю для выражения абсурдности всего происходящего» [Лейдерман, 2003: 265].

В «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова, напротив, дериваты слова *свобода* в преобладающем количестве реализуются в значении «состояние того, кто не находится в заключении, в неволе» (9 примеров). Так же, как и у предыдущего писателя, в «Колымских рассказах» дериваты *свободы* задействованы в описании предметов (5 примеров) и при упоминании заключенного, «освободившегося от каких-н. обязанностей, занятий» (8 примеров).

В отличие от текста А.И. Солженицына, здесь дериваты слова *воля* чаще всего употребляются в значении: «желание, требование, власть, возможность распоряжаться», автор характеризует чужую волю как подавляющую: *они в чужой воле, власть чужой воли, чужая воля на страже, навязывание воли* – говорится о начальстве лагеря. Говоря о воле заключенных, В.Т. Шаламов использует словосочетания: *воли к ответу не было, отчаянная воля, напряжение воли*. Герои рассказов склонны к рассуждению и сопротивлению, в пяти примерах *воля* представлена в «*сознательном стремлении к осуществлению какой-нибудь цели*». Также пять примеров характеризуют *волю*, как место (син. *свобода*).

Исходя из вышеописанного, делаем вывод, что для В.Т. Шаламова важна была тема свободы и несвободы личности. Его персонажи склонны думать и анализировать. Как отмечают исследователи, на самом деле шаламовского героя отличает поиск истины, желание узнать, «почему» это происходит с ним, и что происходит в стране [Лейдерман, 2003: 319]. Также автор детально запечатлевает быт заключенных и выражает свою точку зрения на все происходящее, так как сам являлся участником описываемых событий, и,

по его мнению, «писатель должен быть участником жизненной драмы», то есть пережить то, о чем пишет. [цит. по: Тун-Хоэнштайн, 2007: 35].

В «Обители» З. Прилепина дериваты слова *свобода* реализуются в большем количестве, чем в текстах предшественников, в значении *места* (син. *воля*) (6 примеров). *Воля*, как *место*, реализуется в девяти значениях. Но, как указывает лингвист А.Д. Шмелев, «свобода и воля – разные понятия в русском языке», и слово *воля* лучше характеризует мир за пределами лагерей. Ученый отмечает и то, что употребление данного слова более характерно для самих заключенных или людей, принимающих «их точку зрения» [Шмелев, 2002: 70–75].

При этом для автора, в сравнении с вышеназванными писателями, менее характерно описание заключенного как «освобожденного или освободившегося от каких-н. обязанностей» (5 примеров). Наиболее часто слово *свобода* и его дериваты встречаются в значении «не занятый, могущий быть использованным», например, «*освобождается место*», «*свободных коек нет*».

Использование слов *свобода* и *воля* и их дериватов в различных синтаксических функциях показано в табл. 2.

Таблица 2. Употребление слов *свобода*, *воля* и их дериватов в различных синтаксических позициях.

Синтаксические позиции	«Один день Ивана Денисовича»	«Колымские рассказы»	«Обитель»
Подлежащее			Внутри сердца была неслыханная свобода (4 примера).
Сказуемое	Но право ему было дано освободить утром только двух человек... (9 примеров)	Все скоро выяснится, и Серафима освободят и вернут ему деньги (10 примеров).	– Я освободила вас от карцера (13 примеров).
Дополнение	Приказом тем хотел начальник еще последнюю свободу отнять, но и у него не вышло, пузатого (3 примера).	Душевное спокойствие, достигнутое притупленностью наших чувств, напоминало о « высшей свободе казармы »... (13 примеров)	Деньги теперь он носил при себе: это как-то придавало ему сил – возникало обманчивое ощущение свободы и весомости (6 примеров).
Определение	Дума арестантская – и та несвободная ...	Следственная тюрьма казалась им свободнее и	...мало того, он имел право свободного вы-

	(6 примеров)	родней родного дома (2 примера)	хода на берег... (13 примеров)
Обстоятельство	– Ну как тебя на свободу отпускать? (3 примера)	... вот здесь, рядом, за двойными железными воротами, как они говорили свободно , о чем хотели... (1 пример)	... часть обвиняемых во главе с Гашидзе находилась на свободе (4 примера).

Синтаксические позиции	«Один день Ивана Денисовича»	«Колымские рассказы»	«Обитель»
Подлежащее		Чужая воля всегда была на страже нашего душевного спокойствия (5 примеров).	– Этот монах ругался, что их воля всегда была как ваша тюрьма, – сказал Артём (3 примера).
Сказуемое			
Дополнение	Этот черпак для него сейчас дороже воли , дороже жизни всей прежней и всей будущей жизни (4 примера).	Уж сам он не знал, хотел он воли или нет (10 примеров).	
Определение	Теперь-то он, как птица вольная , выпорхнул изпод тамбурной крыши – и по зоне, и по зоне! (1 пример)	Федя восхищался привольной жизнью блатарей на прииске, но было в его натуре такое, что мешало ему сблизиться с ворами (9 примеров).	... это очень страшно – когда твоя конечность вдруг становится чужой и безвольной ... (6 примеров)
Обстоятельство	А как на волю ступишь?... (2 примера)	Возвращаясь на волю , он видит, что он не только не вырос за время лагеря, но что интересы его сузились, стали бедными и грубыми (9 примеров).	Мы в тюрьме – они на воле (10 примеров).

Проследим, за какими синтаксическими позициями в предложении закреплено анализируемое слово или его дериват.

Подлежащее – «один из главных членов предложения, указывающий на объект, к которому относится сообщаемое» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 379]. В позиции подлежащего слово *свобода* встречается в «Обители» 4 раза в паре со сказуемыми: *была, приснилась, здравствует*.

В «Колымских рассказах» слово *воля* встречается 5 раз в значении «желание, требование, власть, возможность распоряжаться». Ему сопутствуют определения: *чужая, отчаянная, могучая*.

В «Обители» З слова *воля* в позиции подлежащего реализуются в значении «полная, ничем не сдерживаемая свобода в проявлении чувств, в действиях или поступках», сопровождается сказуемыми: *была, будет, здравствует*.

«Сказуемое – главный член предложения, в котором выражается сообщаемое» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 455]. Дериваты слова *свобода*, в функции сказуемого, встречаются часто во всех трех произведениях: у В.Т. Шаламова 9 раз, у А.И. Солженицына – 10, у З. Прилепина – 13. У всех названных авторов они выступают в большинстве случаев в значении «незанятого, могущего быть использованным предмета», либо в значении «человека, освободившегося от работы на какое-то время и располагающего досугом».

Определение – «это словоформа с признаковым значением. Выделяются такие функции определения по отношению к определяемому слову: индивидуализация предмета, выделение его из ряда однородных и описательно-распространительная (например, оценочная характеристика). [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 348–349]. Больше всего лексем *свобода* в позиции определения насчитывает текст З. Прилепина (13 примеров), при этом чаще всего *свобода* обозначает предмет, часть тела, либо ощущения заключенного.

У В.Т. Шаламова встречается 6 примеров употребления лексемы *свобода* в функции определения, эти словом также обозначается предмет или состояние героя. Лексема *Воля* у писателя в позиции определения обозначает чаще всего человека, находящегося не в заключении.

«Дополнение – член предложения, выражаемый именем существительным и обозначающий предмет, отражающий на себе действие глагольного признака или служащий его орудием» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 138]. В рассматриваемых текстах лексема *свобода* в качестве дополнения в большинстве случаев выражает «возможность беспрепятственно, без стеснения и принуждения действовать». У А.И. Солженицына

этой лексеме сопутствует глагол *отнять*. У В.Т. Шаламова о *свободе мечтают, ходатайствуют*, к ней *предоставляют*, на нее *имеют право*, на ней *настаивают* и в нее *верят*. У З. Прилепина *свободу дают, воруют*, про нее *знают*, она *возникает* как ощущение. Лексема *воля* в функции дополнения появляется У В.Т. Шаламова в значении «*место* (син. *свобода*)», либо в значении «*желание, власть*» и сопровождается словосочетаниями: *не было, помогла бы, требовалась, жить во власти*.

«Обстоятельство – это зависимая синтаксическая позиция в составе словосочетания или предложения, словоформа с признаковым значением, занимающая данную позицию. Оно характеризует действие или состояние со стороны условий осуществления, а также определяет активный или пассивный признак в качественном или количественном отношении» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 341]. В позиции обстоятельства у А.И. Солженицына *свобода* фигурирует 3 раза, обозначая в первом случае *незанятый предмет*, во втором *возможность беспрепятственно действовать* и в третьем *место* (син. *воля*).

У В.Т. Шаламова обстоятельство встречается в одном случае, в значении «*беспрепятственно действовать*».

З. Прилепин использует в данной позиции лексему «*свобода*» 4 раза, в одном случае это *возможность проявления субъектом своей воли* и в трех остальных *свобода* – это *место* (син. *воля*). Также в позиции обстоятельства наибольшее число значений лексемы «*воля*» употребляется З. Прилепиным, как *место* (син. *свобода*). *Воля* как *место* (син. *свобода*) в позиции обстоятельства задействована и у В.Т. Шаламова в большинстве случаев.

Итак, можно утверждать, что лексемы «*свобода*», «*воля*» и их производные функционируют в произведениях таким образом, как показано в табл. 3.

Таблица 3. Использование слов «*свобода*», «*воля*» и их дериватов в произведениях А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова и З. Прилепина.

Названия произведе-	Всего слов и их про-	Самые часто встре-	Самые распростра-
---------------------	----------------------	--------------------	-------------------

дений	изводных	чаемые контексты	ненные синтаксиче-ские конструкции
«Один день Ивана Денисовича»	<i>Свобода – 26</i>	Располагающий временем, досугом, освобожденный или освободившийся от каких-н. обязанностей, занятий	Сказуемое
	<i>Воля – 10</i>	Не в тюрьме, не заперти. Выпустить на волю (воля=место).	Дополнение
«Колымские рассказы»	<i>Свобода – 27</i>	Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе.	Дополнение
	<i>Воля – 33</i>	Желание, требование. Власть, возможность распоряжаться.	Дополнение
«Обитель»	<i>Свобода – 45</i>	Порожний, не занятый, могущий быть использованным. Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе.	Сказуемое, определение
	<i>Воля – 25</i>	Не в тюрьме, не заперти. Выпустить на волю (воля=место)	Обстоятельство

Проведенное исследование позволяет свидетельствовать о том, что для В.Т. Шаламова в «Колымских рассказах» важна была проблема своей / чужой воли: возможности беспрепятственно действовать по своей воле, ее подавление, угнетение и навязывание чужой. А слово *свобода* и его производные чаще служат для описания состояния человека, находящегося в не-свободе. Анализируемые слова и их дериваты находятся в основном в позиции дополнения.

Для А.И. Солженицына в повести «Один день Ивана Денисовича» характерно описание заключенных, освободившихся от работы, каких-либо обязанностей, при этом чаще всего слово *свобода* и его производные находятся позиции сказуемого. *Воля* в произведении изображается, как место, где человек находится не в тюрьме, не в заключении. Синтаксическая роль лексемы *воля*, как правило, – дополнение.

У З. Прилепина в «Обители» в большинстве случаев слово *свобода* и его дериваты описывают какой-либо незанятый предмет либо состояние че-

ловека в несвободе. Используются дериваты – глаголы и прилагательные. Основная синтаксическая функция лексемы *воля* и ее дериватов – обстоятельство; лексическое значение – «место, где человек свободен от заключения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
2. Злобин А.А. Семантика и функционирование слова «свобода» в произведениях А.И. Солженицына: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Киров, 2007. 165 с.
3. Злобин А.А. Отражение семантики глагола «освободить» в произведениях А.И. Солженицына // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2007. № 39. С. 106–109.
4. Злобин А.А. Ключевое слово А.И.Солженицына: смысловый потенциал и его реализация // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2013. № 3. С. 155–169.
5. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. Т.2. 1968. М.: Академия, 2003. 688 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 688 с.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь 1949 – 1992. [Электронный ресурс] // URL: goo.gl/YofUuk (дата обращения: 23.04.2017).
8. Прилепин З. Обитель. М.: АСТ, 2014. 746 с.
9. Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича. 1968. [Электронный ресурс] // URL: goo.gl/LVo30p (дата обращения: 23.04.2017).
10. Солженицын А.И. Радиоинтервью к 20-летию выхода «Одного дня Ивана Денисовича» для Би-би-си // Звезда. 1995. № 11. С. 3–7.

11. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. 2003. [Электронный ресурс] // URL: goo.gl/mHS0oX (дата обращения: 22.04.2017).
12. Тун-Хоэнштайн Ф. Поэтика неумолимости. Варлам Шаламов: жизнь и творчество // Восточная Европа. 2007. Вып. 6. С. 35–52.
13. Ушаков Д.Н. Толковый словарь 1935– 1940. [Электронный ресурс] // URL: goo.gl/PkzDe5 (дата обращения: 23.04.2017).
14. Шаламов В.Т. Колымские рассказы 1966–1967. [Электронный ресурс] // URL: goo.gl/7zvhOn (дата обращения: 23.04.2017).
15. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
16. Хижняк Л.Г. Ключевые слова в прозе А.И. Солженицына // Филология: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1999. С. 63–67.

Михайлова А.И.*

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: Современный песенный дискурс представляет собой синтетическое культурное поле, включающее креолизованный текст, и находится в постоянной взаимосвязи с медиадискурсом. Таким образом, он сочетает в себе формы интертекстуальности, характерные как для лирики, так и для медиатекста. Тексты рок- и поп-музыки, являющихся сходными направлениями современной массовой культуры, тем не менее различаются с точки зрения прецедентности, отражения архетипических образов, прецедентных имен, благодаря анализу аллюзий в таких текстах, можно представить истинную неоднородную картину песенного дискурса.

Ключевые слова: песенный дискурс, медиадискурс, интертекст, рок-музыка, поп-музыка, прецедентное имя.

Abstract: Modern song discourse is a synthetic cultural field which includes a creolized text and is in constant relationship with media discourse. So, it combines forms of intertextuality characteristic of both lyrics and media texts. The texts of rock and pop music (which are similar directions of modern mass culture) nevertheless differ in terms of precedence, reflection of archetypal images, precedent names. Due to the analysis of allusions in such texts, one can imagine a true heterogeneous picture of song discourse.

Keywords: song discourse, media discourse, intertext, rock music, pop music, precedent name.

Песенный дискурс представляет собой «синтез вербального и музыкального компонентов» и выступает «как продукт и медиатор социально и культурно обусловленной коммуникации» [Потапчук, 2013: 10]. Порождаемый в его рамках современный песенный текст обладает «качествами и свойствами как художественного текста, так и медийного, что вполне соответствует его двойственной природе – наличию некоего творческого начала, индивидуально-стилевой маркированности и экономическим условиям бытования в контексте массовой культуры и массовой коммуникации» [Михайлова, 2015: 6]. Будучи отнесенным к данной сфере, песенный дискурс может рассматриваться в качестве составляющей медиадискурса, широко понимаемого

* Научный руководитель – д-р филол. наук, профессор Н.Д. Федеяева.

как тематически сфокусированная, социокультурно обусловленная речемыслительная деятельность в массмедийном пространстве, при которой у коммуниканта так или иначе есть представления об ожиданиях аудитории и обусловленные разными факторами установки на трансляцию определенных «смыслов» [Кожемякин, 2010: 2]. Медиадискурс распространяется на все сферы массовой культуры, исследователями отмечена его способность создавать «информационный континуум, в котором может быть развернут дискурс любой социально обусловленной тематизации» [Коновалова, 2015: 3].

Рассматривая песенный дискурс в рамках медиадискурса, можно ожидать обнаружения свойств целого в его части. Предметом рассмотрения данной статьи являются способы реализации в песенном тексте такой базовой когнитивной категории медиадискурса, как интертекстуальность.

Н.А. Кузьмина объясняет особенности интертекстуальности медиадискурса всеобщим оскудением индивидуальной когнитивной базы коммуниканта, а также преобладанием прецедентности над собственно интертекстуальностью в классическом понимании. Первая отсылает нас к актуальному, но неустойчивому культурному, чаще именно не к литературному, а какому-то иному контексту и контенту в связи с фрагментарностью восприятия типичного реципиента и возобладанием клипового мышления у потребителей массовой культуры; еще один фактор – доминирующее положение рекламной функции текста над всеми остальными [Кузьмина. Режим доступа: <http://qoo.by/1ekE>]. Все это соотносится с нелинейностью мозаичной культуры, основанной на глобальной коммуникации, в рамках которой «понимание единичного текста становится практически невозможно без привлечения других текстов» [Морозов, Меньшова, 2013: 8].

В медиапространстве с целью увеличения экспрессивности и в определенной мере доли игрового, иногда иронического начала используются стандартные формы интертекстуальности: «аллюзии, реминисценции, намек, перифраз, цитата и др.» [Махтина, 2012: 5].

Рассмотрим на конкретных примерах особенности указанных разновидностей «межтекстовых связей» в рамках песенных текстов популярных стилей – рока и поп-музыки, а также оценим уровень культурного контекста, используемого для их создания.

Исследованию реминисценции и аллюзии – в некоторых случаях вторая может мыслиться как разновидность первой и наоборот – в песенном тексте уделялось немалое внимание, правда, в поле зрения все же попадал чаще рок-текст, причем как образец рок-поэзии, а значит, стандартное лирическое произведение. Можно предположить, что такой подход не лишен оснований, потому что именно отечественные рок-музыканты по большей части продолжают поддерживать традиции авторской песни, имеющей смысловую ценность и изобилующей средствами художественной выразительности. И хотя на этапе смешения жанров и стилей популярной музыки трудно говорить о явном различии принципов подхода к организации текста в поп-музыке и роке, последний продолжает рождать «литературные гипертексты, пропитанные философской концепцией автора и того, что его вдохновляет, в роке мы можем видеть как явные, так и имплицитные связи. Есть в рок-текстах и очевидные отсылки к каким-либо образам, личностям, принадлежащим сфере как отечественного, так и зарубежного искусства и мотивам поликультурного мирового пространства» [Михайлова, 2016: 7].

Русский рок-текст, особенно принадлежащий периоду расцвета рок-культуры (80–90-е гг. XX в.), демонстрирует нам немалое количество реминисценций и отсылок. Обратимся к примерам.

*Когда я на почте служил ямщиком,
Ко мне постучался косматый геолог,
И, глядя на карту на белой стене,
Он усмехнулся мне.
Он рассказал, как плачет тайга,
Без мужика она одинока,
Нет у на почте у них ямщика,*

*Значит нам туда дорога,
Значит нам туда дорога.*

Перед нами текст группы «Агата Кристи» (альбом «Опиум», 1995 г.), в котором есть классические аллюзии, представляющие собой цитаты. Во-первых, из стихотворения «Ямщик» Л.Н. Трифолова, вероятно, являющегося переводом текста польского автора В. Сырокомли, впоследствии он лег в основу песни, исполняемой Л. Утесовым: *«Когда я на почте служил ямщиком, / Был молод, водилась силенка. / И был я с трудом подневольным знаком, / Замучила страшная гонка»*. Во-вторых, также из текста песни, исполняемой Л. Утесовым, «Дорога на Берлин» (автор – Е. Долматовский): *«Брестская улица по городу идет, / Значит нам туда дорога, значит нам туда дорога, / Брестская улица на запад нас ведёт»*. Кроме того, в тексте есть отсылки к христианскому и иудаистскому образу Сатаны: *«А ночью по лесу идет Сатана / И собирает свежие души»*.

Религиозные мотивы и аллюзии вообще занимают важное место в классическом рок-тексте, в какой-то степени еще раз подтверждая его поэтическую значимость. Например, песня «Прогулки по воде» (1992) группы «Nautilus Pompilius»:

*С причала рыбачил апостол Андрей,
А Спаситель ходил по воде.
И Андрей доставал из воды пескаррей,
А Спаситель — погибших людей.*

Или песня «Маленький Иисус» (текст создан немногим позднее предшествующих примеров, в 2002 г.) Найка Борзова:

*Маленький Иисус посмотрел наверх,
Кровь течет из ран, по щеке – слеза,
А в глазах не видно, как
За спиной два крыла навсегда, навсегда.*

Примерами в данном случае послужили композиции разных лет, и это демонстрирует то, что с течением времени пристрастие рок-поэтов к использованию библейских образов не исчезает, их также можно обнаружить в текстах последнего десятилетия. Аллюзии могут быть связаны не только с образами христианской веры, но и с античными божеествами: (Сплин «Герпсихора», альбом Б. Гребенщикова «Сестра Хаос» и т.д.). Так, М.А. Янушкевич приводит обширный иллюстративный материал и классификацию античных реминисценций в русском роке, обосновывая такое богатство тем, что «именно в рок-поэзии и рок-музыке сейчас наиболее ярким и явным образом проявляется архаическая природа искусства как разновидности ритуала, как некоего сакрально-магического действия, ориентированного на изменение реальности (правда, если для античности ритуал был средством преобразования хаоса в космос, современной рок-культуре присущи как конструктивные, так и деструктивные тенденции). И, как следствие этого тезиса, очевидно, что картина мира рока абсолютно мифологична, принципиально направлена на создание мифа, его парадигмозирование и приспособление действительности к этой схеме» [Янушкевич, 2004: 14].

Примерами литературных реминисценций могут служить песни группы ДДТ – «Ларек» с аллюзией к лермонтовскому «Бородино», «Последняя осень»: *«Ах, Александр Сергеевич, милый, / Ну что же вы нам ничего не сказали, / О том, как держали, искали, любили, / О том, что в последнюю осень вы знали»*. Можно также отметить трансформированные устойчивые выражения: *«Это горе без ума, / Эти праздники до слёз»* («Несчастный случай») – отсылка к комедии А.С. Грибоедова и стихотворению В.Г. Харитонова, более известного как текст песни в исполнении Л. Лещенко.

Из этих примеров видно также, что песенный текст насыщен «прецедентными именами» (индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией [Прецедентное имя..., 1997: 11]); Э.И. Сулейменова в контексте изучения нарративного текста называет их квазиименами – интертексту-

альными знаками, основанными на социальных стереотипах [Сулейманова, 2002: 13], и если обращать внимание на набор самых распространенных значимых имен собственных, то можно в очередной раз увидеть противопоставление рок- и поп-текста. Обратим внимание: в текстах рок-песен присутствуют А.С. Пушкин (и другие литераторы), библейские персонажи (Иисус, Апостол Андрей), музыканты (например, в песне группы «Слот»: «*Кому-то надо верить, Сальери для примера. / Первой каплей вина раздавлена вера, / Не дописан Реквием, не важно – премьера...*»); в текстах популярной музыки – совсем иные персонажи: В.В. Путин, Dolce & Gabbana, иначе говоря, представители политики и моды, а также собственно поп-индустрии.

*Мой парень снова влип в дурные дела,
Подрался, наглотался какой-то муты,
Он так меня достал, и я его прогнала,
И я хочу теперь такого, как **Путин**.*

(«Поющие вместе»)

*А в чистом поле система «Град»,
За нами **Путин** и Сталинград.*

(«Белый орел»)

*Но если ты, как **Путин**, — весы, то всё
будет нормально, не ссы! («Уматурман»)*

*А я иду такая вся в **Дольче & Габана**,*

Я иду такая вся, на сердце рана.

(Верка Сердючка)

*Чуваки попадают на **Дольче Габбана***

Дольче Габбана, на Дольче Габбана.

Поиграл – отпустил, а «капусты»

не стало,

«Капусты» не стало, «капусты» не стало!

(Сергей Зверев)

А. Рондарев высказал весьма любопытный тезис о всеобщей ироничной коммуникации, которая возникла в интернете и постепенно переходит на все дискурсы, в том числе и на песенный [Рондарев, 2017: 11]; современный рок и поп подхватывают эту тенденцию и порождают целый пласт ироничных интертекстов. Так создается особая ниша песенного дискурса – это песни группы «Ленинград», некоторые композиции «Несчастливого случая», первые альбомы группы «Валентин Стрыкало», тексты украинского проекта «Пающие трусы» и многие другие. Не давая оценок культурному уровню данного контента, мы, тем не менее, можем говорить о значимой роли интертекстуальности для явления стёба, когда культурные отсылки включаются в

несоответствующий контекст, таким образом снижая аксиологической уровень, например, тех же прецедентных имен: «*Против нас орда и тьма, / С нами Путин и Христос!*» («Несчастный случай»); «*Святой Никола, спаси нас от рок-н-ролла, / Вся Святая Свита, спаси нас от брейкбита*» («Ленинград»). И если классический рок-текст, неактуальный для современного дискурса, использовал сатиру, что объясняется, прежде всего, первичным пониманием рока как контркультуры, то сегодня это часто ирония ради иронии или уже упомянутого стеба – «разновидности публичного интеллектуального эпатажа, который состоит в провокационном и агрессивном, на грани скандала, снижении любых символов других групп» [Дубин, 2001: 1].

Так, для жанра поп-музыки характерны тексты, в которых используются максимально известные прецедентные имена, а рок, наоборот, формирует искусственное ограничение целевой аудитории, часто включая отсылки к личностям и феноменам, значимым для определенной субкультуры: «*Ты красива, словно **Кирк Хэммет**¹ в лучшие годы, / Мы с тобой друг другу идеально подходим*»; «*И плачу вечерами под баллады «**Judas Priest**»², / Ведь я несчастный металлист («Наив»)*. Искусственным оно является потому, что современный потребитель культуры, живущий в постоянном потоке информационного шума, не всегда осуществляет осознанное слушание и воспринимает музыку как фоновый контент. В.А. Нуриев указывает на проблему «непрозрачности» аллюзий в современном культурном продукте, в том числе это касается песенного дискурса. «Приращения смыслов на основе воспринимаемого произведения не возникает... Происходит “демонтаж” ассоциативных связей, лежащих в основе аллюзии, ее десемантизация, и она утрачивает свой функционально-эстетический потенциал текстообразующего средства, оставляя за собой лишь мотивационную задачу – провоцировать виток авторского вдохновения на начальном этапе создания текста» [Нуриев, 2012: 9]. Так, в современном песенном дискурсе может теряться истинная

¹ Кирк Ли Хэмметт (англ. Kirk Lee Hammett) – американский гитарист, автор песен. Наиболее известен как участник группы «Metallica».

² «Judas Priest» – британская хэви-метал группа; определила звучание хэви-метала 1970-х гг.

сущность интертекстуальности. Как мы и предположили в начале статьи, песенный дискурс уподобляется медиадискурсу, формализуя сам феномен прецедентности и сужая базу прецедентных текстов. Как справедливо отметила Н.А. Кузьмина, масскульт упрощает все прецедентные феномены, искажая их или делая невозможной адекватную интерпретацию, например: *«Где ты был, когда на Земле любовь жила? / Где ты был, когда я одного тебя ждала? / Когда деревья были большими»³, / Когда все мальчики становятся мужчинами»* («Винтаж»); *«Я хочу бежать по первому снегу, / Сколько хватит сил подальше от Москвы, / Также, как и я, Евгений Онегин / Ненавидел книжки о любви»* (Антон Зацепин); *«Девочка на шаре»⁴, великой руки творенье, / И меня сжимают в пружину твои движения»* (Стас Пьеха); *«Хочется писать и не хочется, / В руках опять «Сто лет одиночества»⁵, / И что такое, ёлки, со мной? / Сказал бы что ли доктор какой»* («Градусы»).

При анализе большей части материала нельзя не заметить в песенном дискурсе стремления к некоей аутоинтертекстуальности, источником становятся преимущественно первые строки узнаваемых советских шлягеров: *«Любовь нечаянно нагрянет, / Когда тебе совсем ***ец. / Не ждешь её ты и не знаешь, / Какой ты все же молодец»* («Наив»); *«Миллион алых роз он мне вчера принес, / Миллион нежных слов – все они про любовь. / Миллион есть причин, миллион есть мужчин, / Ну, почему о нем бьется сердце мое?»* («Афродита»). Аналогичный эффект может создаваться за счет привлечения сквозных образов, приближающихся по свойствам к условному архетипу, например характерного для русского рока «последнего героя» (Виктор Цой, затем «Би-2», «Ногу свело», «7Б», далее – исполнители в стиле хип-хоп), или формирования внутренней базы прецедентных феноменов: *«Ниже ростом только Губин, / Только дело не в размере, / Я целую тебя в губы, / Лишь од-*

³ «Когда деревья были большими» – советский художественный фильм 1961 г., драма режиссёра Льва Кулиджанова.

⁴ «Девочка на шаре» – картина Пабло Пикассо, написанная в 1905 г.; советский детский фильм 1966 г. по сценарию Виктора Драгунского на основе его рассказов о Денисе Кораблёве. Режиссёры Леван Шенгелия и Глеб Комаровский.

⁵ «Сто лет одиночества» (исп. *Cien años de soledad*) – роман колумбийского писателя Габриэля Гарсиа Маркеса.

ной тебе я верю» (Антон Зацепин); «Стас Михайлов, Жанна Фриске, / Из бетона обелиски, / К манной каше две сосиски любит наш народ» («Ленинград»); «В сумочке Стивен Кинг, / В плеере плачет Sting, / На губах лёгкий дым / И огоньки в очках» (Александр Иванов).

Подведем итоги. По принципу организации интертекстуальности песенный дискурс гораздо ближе к медиадискурсу, нежели к лирике; при этом нельзя отрицать, что и в этом случае прослеживается расщепление его на популярную музыку и рок, притом рок ассимилирует с гомогенной жанрово-стилевой средой массовой культуры и включает способы интертекстуальности и другие черты поп-песни, однако сохраняет и свои традиционные особенности. Смысловая и культурная ценность прецедентности в песенном дискурсе снижается, значимыми становятся ирония и стёб, накладывая на песенный дискурс также и отпечаток современной речевой киберкультуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубин Б.В. Кружковый стеб и массовые коммуникации: к социологии культурного // Слово – письмо – литература: очерки по социологии современной культуры. М.: НЛЮ, 2001. С. 163–174.
2. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 6, вып. 12 (83). С. 13–21.
3. Коновалова М.В. Медиадискурс и подходы к его изучению // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 27 (382). С. 101–108.
4. Кузьмина Н.А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // Медиаскоп: электронный научный журнал. URL: <http://qoo.by/1ekE> (дата обращения: 17.04.2017).

5. Махтина Г.И. Интертекстуальность как стилеобразующая черта современных СМИ // Вопросы теории и практики журналистики. 2012. № 1. С. 60–64.

6. Михайлова А.И. К вопросу о сущности музыкально-поэтического текста в контексте массовой культуры // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2015. № 1 (13). С. 91–96.

7. Михайлова А.И. Лингвистические и экстралингвистические черты рок-текста // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 1 (10). С.48–52.

8. Морозов И.Ю., Меньшова Д.С. Современные тенденции развития текстуальности // Филологические и культурологические дисциплины в рамках реализации ФГОС в школе и в вузе: материалы Первой научно-практической конференции для учителей и работников образования (Омск, 28 марта 2013 г.). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2013. С. 177–181.

9. Нуриев В.А. Непрозрачность аллюзии как проблема современного читателя // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 24 (143). Вып. 16. С. 88–94.

10. Потапчук М.А. Песенный дискурс как коммуникативный процесс // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. Вып. 2. С. 140–143.

11. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко [и др.] // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология. 1997. Вып. 1. С. 82–103.

12. Рондарев А. О чем сейчас поют: [видеозапись] // Сюртук. URL: <http://srtkmag.ru/o-chyom-sejchas-royut/> (дата обращения: 20.03.2017).

13. Сулейманова Э.И. Интеграция элементов чужого высказывания в нарративный текст: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2002. 18 с.

14. Янушкевич М.А. Проблема изучения античных реминисценций в русской бард-рок-поэзии // Классическая филология в Сибири: материалы регионального научно-методического совета по классической филологии (Томск, 17–19 сентября 2002 г.). Томск, 2004. С. 138–145.

Николаева Г.Р.*

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИИ ГРУСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

Аннотация: В статье рассматриваются языковые средства, с помощью которых выражается эмоция грусти в художественных дискурсах. Выявляются сходства и различия между языковыми средствами, использованными для вербализации эмоции грусти для взрослых читателей и детей на материале произведений авторов-франкофонов. Анализируются наиболее частотные языковые средства для обеих групп читателей, обсуждаются перспективы дальнейшего исследования данной проблематики.

Ключевые слова: вербализация, дискурс, концептуализация, лингвистика, французский язык, художественный дискурс, эмоция грусти.

Abstract: The article describes the language means, which help to express sadness in imaginative discourse. It reveals the similarities and differences between language means used for verbalization of sadness for adult readers and children on the material of French fiction. In addition, we identified the most frequent language means for both groups of readers. Some perspectives of further research are also drawn.

Keywords: verbalization, discourse, conceptualization, linguistics, the French language, imaginative discourse, the emotion of sadness.

Данное исследование посвящено изучению средств вербализации эмоции грусти в литературе для взрослых и детей на материале художественных произведений авторов-франкофонов, в связи с тем, что в настоящий момент изучение концептуализации эмоций является важной и актуальной задачей, так как играет важную роль в концептуальной и языковой картине мира человека, эмоции составляют мотивационную основу сознания и социального поведения. Исследование лексической репрезентации эмоций имеет особую ценность, так как способствует пониманию возрастных особенностей реципиента.

Стоит отметить, что концептуализация эмоций является довольно частым объектом исследований, но в ходе анализа актуальной лингвистической

* Научный руководитель – д-р филол. наук, профессор А.В. Колмогорова.

литературы работ, где исследовались бы особенности способов вербализации отдельной эмоции для взрослого реципиента и ребёнка, обнаружено не было.

Целью данного исследования было выявление сходств и различий между способами вербализации эмоции грусти во французском художественном дискурсе для взрослых и детей.

Для реализации цели были сформулированы следующие задачи:

- 1) сформировать теоретическую и понятийную базу исследования;
- 2) сформировать авторский исследовательский корпус, предварительно сформулировав критерии выборки материала;
- 3) провести компонентный анализ лексем *tristesse* и *triste* как ключевого репрезентанта одноимённой эмоции по словарям французского языка;
- 4) провести анализ художественных произведений и классифицировать использованные для передачи эмоции грусти языковые средства;
- 5) выявить сходства и различия между использованными языковыми средствами в корпусе, сформированном из художественных дискурсов для детей, и в корпусе, сформированном из художественных дискурсов для взрослых;
- б) выявить, какие из языковых средств являются ведущими для двух сравниваемых типов выборки.

В ходе исследования были задействованы такие методы, как семантический анализ, общенаучный метод классификации, качественно-количественный анализ, дефиниционный анализ.

Одним из ключевых понятий в данной работе является понятие эмоции. Эмоция – это нечто, что переживается как чувство, которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и деятельность [Изард, 1999: 33]. Существует ряд классификаций основных эмоций человека (У. Джемс, Р. Плутчик, К. Изард, С.Л. Рубинштейн). Например, К. Изард выделяет следующие базовые эмоции человека: интерес/волнение, радость, удивление, грусть, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вину [Изард, 1980: 45]. В настоящей работе мы акцентируем своё внимание на эмоции грусти, так как

грусть является базовой эмоцией человека, согласно ряду классификаций, а также имеет естественные основания. Причины возникновения грусти являются общими для всех людей, на них не влияют национальность, уровень образования, культура человека.

В качестве рабочего определения концептуализации мы используем определение В.З. Демьянкова: «концептуализация – это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определённых представлений о мире в виде концептов, (т. е. фиксированных в сознании человека смыслов)» [Демьянков, 1995: 305].

Если сравнивать концептуализацию и вербализацию, то можно сказать, что концептуализация – переработка мозгом элементов окружения и внешнего мира в целом. Вербализация же – манифестация в речи результатов переработки.

В качестве материала для реализации настоящей статьи был выбран художественный дискурс, так как именно в художественном произведении наибольшее внимание уделяют описанию эмоций персонажей, человеческих чувств и переживаний.

Дискурс – это «язык в языке», представленный в виде особой социальной данности, существующий в текстах, которые характеризует особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика – фактически – особый «возможный (альтернативный) мир» [Степанов, 1995: 140]. По мнению П. Шародо, текст в дискурсе, так же как предложение, актуализируется в высказывании. При этом один и тот же текст может реализоваться в разных способах организации дискурса [Charaudeau, 1992: 87].

Под художественным дискурсом мы понимаем, вслед за Н.С. Олизько [Олизько, 2011: 164], совокупность художественных текстов.

Изучением концептуализации эмоций на материале художественных

текстов занимались многие учёные-лингвисты (Е.С. Кубрякова, Т.И. Краснова, И.Н. Яковлева, С.Е. Халитова), но проблема до сих пор не теряет своей актуальности, так как единая теория концепта ещё не оформилась окончательно. Также стоит отметить, что данная тема является довольно актуальной не только среди отечественных лингвистов. Во французском научном сообществе данной темой занимаются такие учёные, как D. Bottineau, P. Léon, R. Micheli и т. д.

Авторский исследовательский корпус отбирался по определённым критериям:

- 1) популярность художественного произведения;
- 2) известность автора;
- 3) степень присутствия эмоции грусти в сюжетной и эмоциональной канве произведений (рассматривались комментарии пользователей французских интернет-порталов, посвящённых обсуждению литературных произведений, например, Critiques libres, Booknode, Babelio).

Для проведения исследовательской работы было выбрано 6 художественных произведений писателей-франкофонов: 3 для взрослой аудитории (Frédéric Beigbeder «Vacances dans le coma», Françoise Sagan «Bonjour tristesse», Catherine Lovey «Cinq vivants pour un seul mort»), 3 для детей (René Goscinny, Jean-Jacques Sempé «Le petit Nicolas a des ennuis», Anna Gavalda «35 kilos d'espoir», Daniel Pennac «L'Oeil du loup»).

Далее был проведён компонентный анализ лексем *tristesse* и *triste* по нескольким словарям французского языка (Dictionnaire des synonymes, analogies, antonymes, Nouveau dictionnaire des synonymes, Dictionnaire des associations verbales du français). С использованием словарей синонимов был составлен список синонимов и синонимических выражений для данной лексемы и каждого её семантического компонента. Лексемы из данного списка считались а priori лексическими средствами вербализации грусти. Однако дальнейший анализ привёл к необходимости выделения лексических средств второго порядка, вербализующих причины грусти, физиологические реакции,

сопровождаящие эмоцию грусти, психологические реакции, сопровождающие эмоцию грусти (депрессия, неконтролируемые жесты и движения, желания и состояния, спровоцированные грустью), ментальное состояние человека, переживающего грусть (мысли о суициде даже в отрицательной форме), а также стилистические средства (использование стилистических фигур для передачи эмоции грусти), графические средства (использование специфичных шрифтов, нестандартное использование знаков препинания) и морфологические средства (использование той или иной формы глагола для передачи эмоции грусти).

В общей сложности при анализе литературы для взрослого читателя было выделено 327 лексических единиц, вербализующих эмоцию грусти. Предварительный лингвистический анализ выявил преобладание лексических средств первого порядка, имеющих сему, общую с лексемами *triste* ('грустный'), *tristesse* ('грусть') – 66 единицы и 21 % соответственно (например, *chagrin* ('горе', 'печаль'), *dépressif* ('депрессивный'), *deuil* ('траур')), лексических средств второго порядка, вербализующих психологические причины грусти – 79 единиц и 25 % (например, *moi qui ai perdu un ami* ('я потерял друга'), *il est mort* ('он умер'), *nous étions seuls* ('мы были одиноки')), лексических средств второго порядка, вербализующих физиологические реакции, сопровождающие грусть 49 единиц и 15 % (например, *envie de pleurer* ('желание заплакать'), *il sanglotait* ('он рыдал'), *Andreas avait commencé à sangloter* ('Андре начал рыдать')), стилистических средств передачи экспрессии, а именно 46 единиц или 14 % от всех найденных средств вербализации грусти в литературе для взрослых (например, *qui m'aimera ici?* ('кто меня здесь полюбит?' – риторический вопрос), *je me sentais complètement vidée* ('я чувствовала себя полностью опустошённой' – метафора). При создании диаграммы (рис. 1) были использованы средства вербализации эмоции грусти в художественных произведениях для взрослых на материале французского языка в количественном соотношении.

Рисунок 9. Средства вербализации эмоции грусти в худ. произведениях для взрослых.

В произведениях для детей было выявлено всего 154 единицы, вербализующие эмоцию грусти. Наиболее частотными в литературе для детей являются лексические средства первого порядка – 30 и 20 % (например, *triste* ('грустный'), *chagrin* ('горе'), *cauchemar* ('кошмар')), лексические средства второго порядка, вербализующие психологические причины грусти – 34 единицы и 22 % (например, *la louve est morte* ('волчица мертва'), *c'était tout ce qui lui restait de sa jeunesse* ('это всё, что осталось от её молодости'), *ta vie ne vaut rien* ('твоя жизнь ничего не значит')), лексические средства второго порядка, вербализующие физиологические реакции, сопровождающие грусть – 38 и 25 % (например, *pleurer* ('плакать'), *je me suis mis à pleurer* ('я заплакал'), *il pleurait du matin au soir* ('он плакал с утра до вечера')). Стоит отметить, что в литературе для детей довольно часто использовались стилистические средства передачи экспрессии – 23 и 15 % (например, *poids énorme sur le cœur* ('огромный груз на сердце' – метафора).

Примеры:

(1) *Ne meurs pas. Reste là. J'ai besoin de toi.* ('Не умирай. Остайся здесь. Ты мне нужен' – риторическое обращение).

Мальчик обращается к умирающему дедушке, хотя находится далеко от него.

(2) *Une nuit terrible. Une nuit d'Afrique sans lune* ('Ужасная ночь. Безлунная ночь в Африке' – повтор). При создании диаграммы (рис. 2) были рассмотрены средства вербализации эмоции грусти в художественных произведениях для детей на материале французского языка в количественном соотношении.

Рисунок 10. Средства вербализации эмоции грусти в художественных произведениях для детей.

Стоит отметить, что в детской литературе, несмотря на присутствие в эмоциональной канве произведения эмоции грусти, количество использованных лексических единиц, вербализующих грусть, почти в два раза меньше, чем в литературе для взрослого читателя. Также стоит обратить внимание на то, что объем произведений был приблизительно одинаковый.

Наиболее частотными для обеих групп читателей стали лексические средства первого порядка, имеющие сему, общую с лексемами *triste*, *tristesse*, лексические средства второго порядка, вербализующие психологические причины грусти (смерть, горе, потери, одиночество), лексические средства

второго порядка, вербализующие физиологические реакции, сопровождающие грусть и стилистические средства передачи экспрессии.

Произведения для взрослого читателя тяготеют к использованию лексических средств второго порядка, вербализующих психологические реакции, сопровождающие грусть – 38 единиц и 12 % (например, *la dépression s'était installée dans la vie d'Edna* ('депрессия закрепилась в жизни Эдны'); *je demandé à Marion de me laisser* ('я попросил Марион оставить меня').

Персонаж скорбит по лучшему другу, который покончил жизнь самоубийством, на фоне этого эмоционального потрясения он отказывается контактировать с окружающими:

(1) *j'ignorais* ('я игнорировал').

Персонаж игнорировал всех окружающих его людей, так как находился в трауре по умершему другу).

В литературе для детей наблюдается всего 12 единиц и 8 % (например:

(2) *je me mordais les lèvres jusqu'au sang* ('я кусал себе губы до крови').

Герой, пытаясь не заплакать, начал кусать себе губы.

(3) *ça me rendait fou* (это сводило меня с ума).

Неудачи в школе, ссоры с родителями, болезнь дедушки и постоянные депрессии начали сводить героя с ума).

Стоит упомянуть, что литература для детей по сравнению с произведениями для взрослой аудитории тяготеет к использованию графических средств, передающих эмоциональное состояние – 9 единиц и 6 %:

(1) *les hommes... L'Homme...*

Волк думал о людях, когда вспоминал смерть своих друзей и собственное заточение в клетку,

(2) *je... Oh non.*

Герой узнаёт, что его дедушка находится в больнице в тяжёлом состоянии.

В литературе для взрослого читателя наблюдается 8 единиц и 3 % графических средств, изобразяющих состояние героя (например, *ALOOONE! SEULE! SEUUULE!, PERSONNE...*). Также в детской литературе чаще встречается использование морфологических средств передачи эмоции грусти:

(1) *j'ai été heureux* ('я был счастлив')/

Герой комментирует своё эмоциональное состояние, используя *passé composé* – законченное прошедшее время, предполагающее результат, с прилагательным *heureux*.

(2) *elle était gaie* ('она была весела')/

Герой пережил смерть близких людей, поэтому с прилагательным *gaie* используется *imparfait* – прошедшее продолженное время во французском языке.

В литературе для взрослого читателя было использовано 4 единицы морфологических средств и 1 % соответственно:

(1) *Markus était mon meilleur ami* ('Маркус был моим лучшим другом').

Маркус, лучший друг главного героя, покончил жизнь самоубийством. Так как его больше нет в живых используется *imparfait* – прошедшее продолженное время во французском языке.

(2) *nous étions si heureux...* ('мы были так счастливы...')

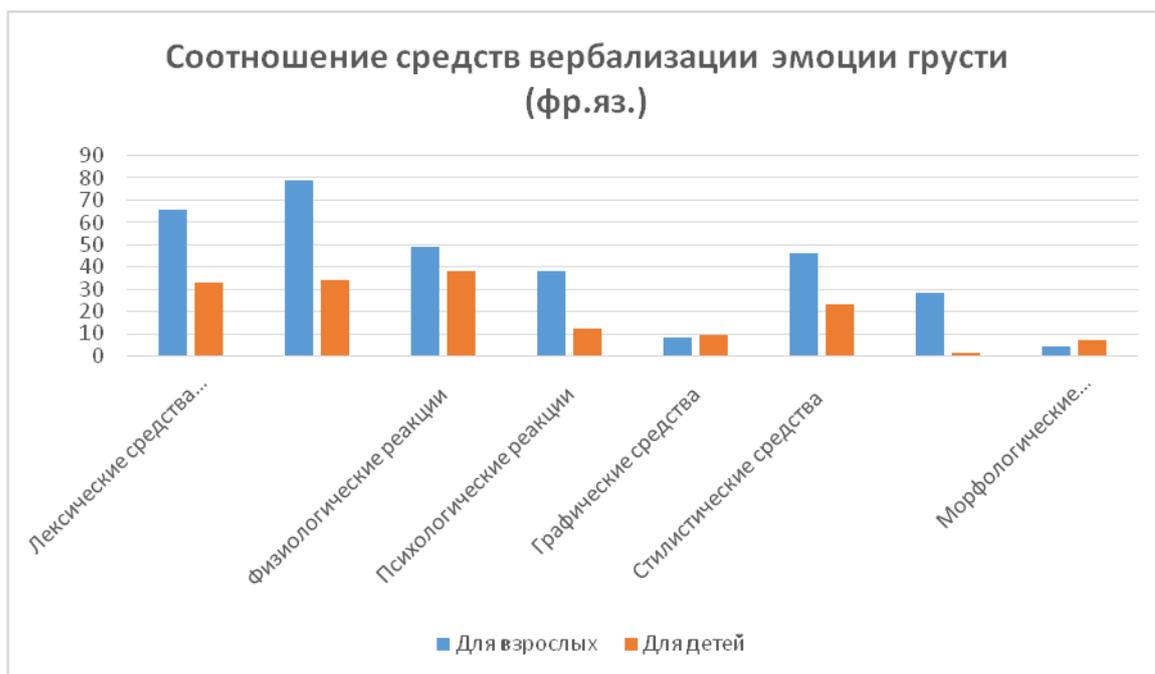
Прошедшее продолженное время во французском языке означает длительный период, который уже прошёл. Используя данное время с прилагательным *heureux*, герой выражает своё эмоциональное состояние на данный момент. Герой вспоминает отношения, которые уже закончились, и он чувствует себя несчастным.

Интересным является тот факт, что литература для взрослого читателя тяготеет к использованию ментальных маркеров грусти (мысли о суициде) – 28 единиц и 9 % (например, *se tuer en public* – 'убить себя на публике', *se jeter par une fenêtre* – 'выпрыгнуть из окна'), в то время как в детской литера-

туре этот способ вербализации грусти практически не используется. Был найден только 1 случай использования: *je me tuerais* ('я бы убил себя').

При создании диаграммы (рис. 3) рассматривались средства вербализации эмоции грусти, которые были использованы в литературе для обеих групп читателей.

Рисунок 11. Соотношение средств вербализации эмоции грусти в литературе для обеих групп читателей.

Результаты, полученные в ходе сравнения, средств вербализации эмоции грусти в художественном дискурсе для детей, с одной стороны, и для взрослых – с другой, дают нам основания предположить, что произведения для детей менее депрессивны, однако эмоция грусти в том или ином виде присутствует в эмоциональной канве детских произведений. Анализируя наиболее частотные группы средств, можно говорить о том, что авторы используют в основном одни и те же средства вербализации грусти в произведениях для аудиторий любого возраста. Существенные количественные различия наблюдались при анализе ментальных маркеров и психологических причин в произведениях для взрослых читателей, что даёт нам право предположить, что для взрослого сознания и когнитивного опыта активаторами концепта ГРУСТЬ выступают «внутренние» маркеры переживания эмоции

(психологические причины, ментальное состояние) либо её лексико-семантические репрезентанты собственно в языке (лексемы с семой 'грусть').

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 304–307.
2. Изард К.Э. Психология эмоций / пер с англ. СПб.: Издательство «Питер», 1999. 464 с.
3. Олизько Н.С. Художественный дискурс как полилог автора, читателя и текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Серия: Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 164–166.
4. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности // Язык и наука конца XX века: сб. статей. М.: РГГУ. 1995. 432 с.
5. Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression. Paris: Hachette, 1992. 635 p.

Плехова Н.А.*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СТИЛЬ И ПРОБЛЕМА ЕГО ПЕРЕВОДА: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКИ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА ДЖ.К. РОУЛИНГ «HARRY POTTER AND THE CHAMBER OF SECRETS»)

Аннотация: Статья посвящена вопросам сохранения авторского стиля Дж.К. Роулинг при переводе романа «Harry Potter and the Chamber of Secrets». В ходе исследования был проведен лингвостилистический анализ нескольких лексем главы «The Deathday Party» и их переводов, выполненных М.Д. Литвиновой и М.В. Спивак; рассмотрены некоторые художественные средства, использованные в данной главе, а также возможные приемы их перевода на русский язык.

Ключевые слова: перевод, текст, авторский стиль, художественные средства, каламбур.

Abstract: The article focuses on the issue of preserving J.K. Rowling's writing style in translation of the novel "Harry Potter and the Chamber of Secrets" from English into Russian by M.D. Litvinova and M.V. Spivak. Specifically, this research examined the vocabulary of the chapter "The Deathday Party", various stylistic devices used in this chapter and the ways of their translation from English into Russian.

Keywords: translation, text, writing style, stylistic devices, word play.

Специфика художественного текста состоит в том, что его автор ставит перед собой задачу оказать на читателя эстетическое воздействие. Задача переводчика – выделить в тексте оригинала те свойства, которые обеспечивают возможность определенного коммуникативного эффекта, и затем сохранить эти свойства в переводе так, чтобы текст перевода мог производить аналогичный эффект [Сдобников, Петрова, 2007].

Выбор лексики художественного произведения зависит от той цели, которую ставит перед собой его создатель. Мотив, побудивший автора высказать эту идею, становится причиной обращения к особой форме. Стиль – это «не только свойство произведения данного автора, но и средство выражения его позиции, его главной мысли» [Валгина, 2003: 176–177]. Поэтому

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент А.Н. Сперанская.

можно говорить о том, что проблема сохранения индивидуального стиля автора является одной из важнейших проблем художественного перевода.

Материалом данного исследования послужила лексика двух переводов «Harry Potter and the Chamber of Secrets»: М. Д. Литвиновой, сотрудничавшей с издательством «Росмэн», и М. В. Спивак, предоставившей перевод издательству «Махаон». В России существует весьма напряженная конкуренция между переводами этих двух издательств, что повышает актуальность их сравнительного анализа.

В ходе исследования был проведен сравнительный анализ взятой выборочно лексики этих двух переводов и поставлен вопрос о сохранении в переводе авторского стиля. В ходе работы было выявлено, что для текстов Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере важными являются три основных категории текста, в которых, по нашему мнению, особенно важно сохранить авторский стиль: языковая игра (каламбур), средства художественной выразительности и речевые портреты персонажей. Продемонстрируем возможность сохранения стиля автора на наиболее наглядных примерах.

Пожалуй, самым показательным примером возможностей перевода каламбура в восьмой главе книги является перевод ее названия, «The Death-day Party», которое мы сейчас рассмотрим более подробно.

В главе описывается празднество, которое устраивает один из призраков по случаю пятисотлетия со дня своей смерти.

Роулинг употребляет выражение *a deathday party*, скорее всего, по аналогии с устойчивым сочетанием *a birthday party*, используя игру слов на фонетико-морфемном уровне. Тем самым автор даёт понять, что призраки вместо дня рождения празднуют день смерти. Название главы представляет собой каламбур со скрытой иронией, в котором выражено противопоставление мира живых и мира мертвых, мира людей и мира привидений.

В переводе М.Д. Литвиновой глава получила название «Юбилей смерти». Хотя в выражении *a deathday party* не содержится значения празднования круглой даты, призрак все же отмечает именно пятисотлетие со дня

смерти, что позволяет переводчику несколько отступить от оригинала и использовать слово «юбилей». Поэтому можно сказать, что в целом такой перевод передает основное содержание исходного текста. Однако игра слов при этом теряется: в русском языке нет устойчивых сочетаний типа «юбилей рождения». Получается, что данный перевод лишен скрытой антитезы, которая придавала бы тексту художественную выразительность. Более того, отсутствие в русском языке лексической единицы, подобной англ. *a birthday party*, лишают русский перевод лёгкости, ироничности. Мир привидений у Дж.К. Роулинг – это мир людей, вывернутый наизнанку; в переводе М.Д. Литвиновой исчезает подчеркнутая схожесть этих миров.

Способ передачи этого каламбура на русский язык, использованный М.В. Спивак, представляется более близким к поэтике оригинала. В ее переводе глава называется «Смертенины». Игра слов как художественный прием в таком варианте соблюден: русский окказионализм «смертенины» образован при помощи контаминации слов «смерть» и «именины». Перевод М.В. Спивак передает и семантику исходного текста, и художественный стиль автора.

Далее рассмотрим способы передачи лексических средств художественной выразительности. Для этого подробно рассмотрим предложение, которое у Дж.К. Роулинг звучит следующим образом: «*Raindrops the size of bullets thundered on the castle windows for days on end; the lake rose, the flower beds turned into muddy streams, and Hagrid's pumpkins swelled to the size of garden sheds*».

Начало предложения *Raindrops the size of bullets* дословно можно перевести как «Дождевые капли размером с пули». Очевидно, что в данном случае автор использует не только сравнение, но и гиперболу, поскольку размеры у настоящей пули больше, чем у дождевой капли, и скорость полета пули быстрее. Глагол *thunder* на русский язык может быть передан как «греметь, грохотать, колотить, барабанить» [Abbyu Lingvo-Online]. Приведем также основное значение существительного *thunder*: «the sound that follows a

flash of lightning and is caused by sudden expansion of the air in the path of the electrical discharge», то есть *thunder* – это звук грома, сопровождающий молнию во время грозы [Merriam-Webster: Dictionary and Thesaurus]. В кембриджском онлайн-словаре находим следующий пример использования этого слова: «We could hear the thundering of the guns all night» [Cambridge Dictionary – Cambridge University Press]. Следовательно, данная лексическая единица может быть использована не только для обозначения раскатов грома, но и для описания других громких и резких звуков, например, звука стрельбы.

В переводе М.Д. Литвиновой художественные приемы сравнения и гиперболы отсутствуют, переводчик ограничивается тем, что вводит эпитет «тяжелые»: «Тяжелые капли дождя». Слово «стучать» в русском языке не имеет ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окраски; стук может быть как громким, так и тихим, и никак не ассоциируется со звуком, издаваемым во время грозы или же во время выстрела. Такой выбор лексических средств приводит к тому, что картина сильного погодного ненастья, близкого к буре или урагану, которую создает автор, сменяется унылой картиной монотонного осеннего дождя. Кроме того, в данном переводе содержится словарная ошибка: М.Д. Литвинова пишет, что дождь шел «неделю без перерыва», тогда как в исходном тексте точный временной отрезок не указан.

М.В. Спивак также заменяет сравнительный оборот эпитетом: «Крупнокалиберные капли дождя лупили в окна днями и ночами». Однако переводчику удастся сохранить и сравнение, и гиперболу, поскольку прилагательное «крупнокалиберный» очевидно описывает именно пули большого размера. Очевидно, что такое непривычное сочетание лексем придает всей фразе оттенок окказиональности, и, на наш взгляд, резко выделяется на фоне остального текста, и потому перевод кажется не совсем удачным.

Глагол «лупить» имеет ярко выраженную экспрессивную окраску и подчеркивает, насколько сильным был стук дождевых капель. Таким обра-

зом, в целом можно сказать, что перевод М.В. Спивак передает и семантику, и поэтику исходного текста.

В заключительной части этого же предложения «*and Hagrid's pumpkins swelled to the size of garden sheds*» Дж.К. Роулинг вновь использует прием гиперболы, сравнивая тыквы с садовыми сараями.

В переводе М.Д. Литвиновой прием гиперболы сохранен, однако семантика создаваемого текста несколько отличается от оригинала: «...тыквы Хагрида раздулись до размеров кареты». Лексическая единица *shed*, в Кембриджском словаре определенная как «a small building, usually made of wood, used for storing things», заменена на слово «карета», что создает несуществующую в исходном тексте аллюзию на сказку «Золушка» в редакции Шарля Перро, где тыква превратилась в карету. Перевод М.В. Спивак «...а Огридовы тыквы размерами уже напоминали сараи» в этом отношении является более точным и близким к авторскому замыслу.

Рассмотрим далее лексику переводов, относящихся к речевому портрету героев романа. Особенно важно сохранить стилистику исходного текста при переводе реплик персонажей, поскольку даже незначительные изменения могут существенно изменить образ героя. В этом смысле показательным является пример перевода слов Гарри, когда школьный смотритель Филч отчитывает его за грязную обувь: «*"It was only a bit of mud!" said Harry*». Единственное, что придает этому предложению экспрессивность – это восклицательный знак; лексика в данном случае является стилистически нейтральной и не передает конкретных эмоций героя.

Сравним переводы этого отрывка. Пер. М.Д. Литвиновой: «Я совсем немного принес грязи! – оправдывался Гарри». Пер. М.В. Спивак: «Подумаешь, грязью накапал! – сказал Гарри».

Как видим, перед нами два совершенно разных персонажа: в первом случае он оправдывается перед школьным смотрителем и проявляет некоторую робость, во втором – дерзит Филчу, ведет себя бойко и даже немного нахально.

Рассмотрим также речевой портрет Рона Уизли. Когда он узнает от Гарри о приглашении на праздник к Почти Безголовому Нику, то произносит следующее: «*Why would anyone want to celebrate the day they died? <...> Sounds dead depressing to me...*»

Этот персонаж отличается своим жизнелюбием, несерьезностью и чувством юмора, и, в очередной раз это подчеркивая, Дж.К. Роулинг разбавляет его речь каламбуром. Ирония здесь достигается при помощи весьма характерного для английского языка совпадения форм прилагательного и наречия. Прилагательное *dead* имеет несколько значений, основное из которых – «мертвый, неживой, погибший», что отсылает нас к празднованию дня смерти. Наречие *dead* используется в разговорном английском в основном для обозначения образа степени и на русский язык буквально переводится как «совершенно, очень». Примеры из Оксфордского онлайн-словаря («*You are dead right!*», «*You were dead lucky to get that job*», «*He is dead against the idea*» и т.д.) доказывают, что наречие *dead* может быть использовано практически в любом контексте и иметь как положительные, так и отрицательные коннотации [Oxford Learner's Dictionaries].

В русском языке ни одна лексическая единица, близкая по смыслу к прилагательному *dead*, не обладает подобной многофункциональностью.

М.В. Спивак пытается достичь того же эффекта при помощи наречия «смертельно»: «Кому нужно праздновать день собственной смерти? <...> Смертельно угнетает, по-моему...» Однако в русском языке данная лексическая единица ведет себя как наречие степени только в некоторых устойчивых сочетаниях («смертельно устал», «смертельно скучно» и т. д.). Поэтому в данном случае перевод Спивак не создает нужного эффекта.

В переводе М.Д. Литвиновой этот отрывок звучит следующим образом: «И придет же в голову отмечать годовщину собственной смерти! <...> По-моему, тоска будет смертная...» В данном случае переводчик подбирает устойчивое сочетание из русского языка, которое помогает сохранить иронию и живость речи персонажа.

Подводя итоги, можно сказать, что при работе с текстом Дж.К. Роулинг у переводчика есть два пути: либо как можно точнее передать семантику оригинала, как это часто делает М.Д. Литвинова, либо сохранить художественный прием, как это делает М.В. Спивак. В первом случае текст становится более привычным и легким для восприятия, однако утрачивается художественная выразительность, а значит, и индивидуальность автора. Во втором случае нужно соблюдать некоторую осторожность, поскольку окказионализмы, созданные переводчиком, не всегда согласуются с другими лексемами в повествовании и могут резко выделяться в тексте. В обоих переводах можно найти и удачные, и неудачные примеры передачи авторского стиля, и нам представляется, что лучший результат дает совмещение этих двух техник.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cambridge Dictionary – Cambridge University Press [Электронный ресурс] // URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 11.02.17).
2. Merriam-Webster: Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс] // URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 05.03.17).
3. Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс] // URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 03.03.17).
4. Rowling J.K. Harry Potter and the Chamber of Secrets. New York: Arthur A Livine – Scholastic, 1999. 352 p.
5. Англо-русский словарь ABBYY Lingvo-Online [Электронный ресурс] // URL: <http://www.lingvo.ua/ru/translate/en-ru> (дата обращения: 02.02.17).
6. Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие. М.: Логос, 2003. 173 с.

7. Роулинг Дж.К. Гарри Поттер и тайная комната. М.: Махаон, 2015. 480 с.
8. Роулинг Дж.К. Гарри Поттер и тайная комната. М.: Росмэн, 2007. 480 с.
9. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 448 с.

Попова Я.Л.*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА КИТАЯ В ЗАГОЛОВКАХ БРИТАНСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛА ГАЗЕТЫ *BBC NEWS*)

Аннотация: Статья посвящена исследованию тенденций в репрезентации образа Китая через заголовки британских печатных СМИ. Основной акцент делается на раскрытие образа Китая через тематические предпочтения и лексические средства. На основе эмпирического материала демонстрируется репрезентация таких особенностей образа Китая, как конкурентоспособность, стремление к лидерству и установлению порядков внутри страны.

Ключевые слова: новостной текст, заголовок, британские СМИ, репрезентация образа, тематические предпочтения, лексические средства.

Abstract: This article is devoted to the study of the tendencies in representation of China through the headlines of the British media. The emphasis is made on the disclosure of China's image through theme preferences and lexical means. The features of China's representation such as competitiveness, aspiration for leadership and order establishment are demonstrated on the basis of empirical evidence.

Keywords: news story, headline, British media, image representation, theme preferences, lexical means.

Роль СМИ возрастает с каждым днем, поскольку они являются самым действенным каналом коммуникации, а тексты массовой информации, или медиатексты, являются сегодня одной из самых распространенных форм бытования языка [Добросклонская, 2014: 3]. Репрезентация образа – это представительство облика, подобия, материального или идеального объекта [Репрезентация. Режим доступа: <http://terme.ru/termin/reprezentacija.html>]. Образная репрезентация (imaginal representation) – мысленный образ, сформированный человеком из ранее наблюдаемых событий или моделируемой деятельности [Образная репрезентация. Режим доступа: <https://goo.gl/jdR1ZA>].

В данной работе мы рассмотрим заголовки, отталкиваясь от того, что заголовок является целесообразным сигналом к предположениям читателя о

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Ю.И. Детинко.

самой важной информации, представленной в тексте, имеет устойчивую форму и четкую позицию в новостном тексте, а также выполняет специфичную тематическую функцию: выражает предмет обсуждения текста [Ван Дейк, 2000: 229]. Стоит также отметить, что именно в газетных заголовках используется «способность культуроспецифичных единиц метафорического уровня передавать основную идею, главный смысл в яркой запоминающейся форме» [Добросклонская, 2014: 180]. На сегодняшний день многие лингвисты (Т. ван Дейк, Т.Г. Добросклонская, В.А. Лукин, Э.И. Турчинская, М.А. Шамелашвили, Э.А. Лазарева и др.) придерживаются мнения, что заголовок занимает сильную позицию по отношению к тексту и выполняет ряд функций. Основными характеристиками заголовка являются: сжатость, тесная связь с текстом, а также выполняемые заглавием функции – номинативная, информативная и экспрессивная. Номинативная функция состоит в том, что заголовки называют текст. В рамках этой функции важен, прежде всего, точный выбор слова, которое не должно противоречить содержанию текста. Информативная функция заключается в том, что заголовок уже содержит часть информации и привлекает читателей. Экспрессивная функция связана с эмоциональным воздействием газетного заголовка и нередко осуществляется за счет средств языковой игры. Заголовок может создавать стилистические текстовые эффекты, что позволяет читателю акцентировать внимание на отдельных оценочных или смысловых частях текста [Заголовок и заголовочный комплекс, 2015. Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/3125063/>].

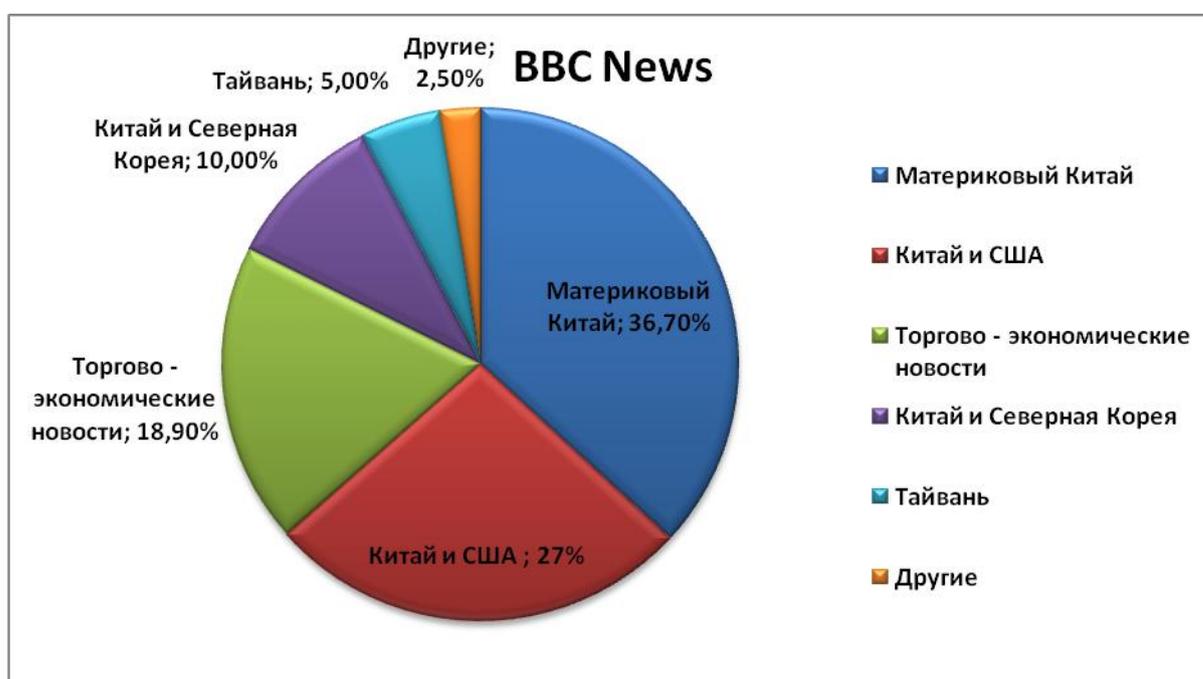
Цель данного исследования – проанализировать и выявить тематические преференции и лингвистические средства репрезентации образа Китая в заголовках британских печатных СМИ. Проведенный анализ основан на материале британской газеты «BBC News» (с декабря 2016 года по март 2017 года). Всего проанализировано 65 заголовков.

При анализе учитывался ряд аспектов.

Представляют интерес тематические предпочтения (Т.А. ван Дейк придает особое значение изучению тем (*topics/themes*), поскольку они передают основной (глобальный) смысл дискурса; темы чаще всего имеют сознательно контролируруемую интенцию; актуализируют (субъективно) наиболее важную информацию дискурса; выражают общее содержание ментальных репрезентаций событий; и наконец, они представляют ту идею или информацию, которую читатели (слушатели) запомнят лучше и дольше всего [Ван Дейк, 2000].

Мы классифицировали заголовки по тематике и получили следующие результаты (рис. 1):

Рисунок 1. Тематика заголовков в издании «BBC News».

I. Новостной блок «Материковый Китай» посвящен текущим событиям внутри страны, таким как: борьба с разного рода нелегальностью (борьба с коррупцией, подделками, воровством, незаконной торговлей детьми и органами), решение вопроса загрязненного воздуха. Примерами заголовков из данного блока могут служить следующие:

1) *People Fixing the World: How China is Cleaning its Air (4 Mar 2017);*

2) *China launches app to aid reporting of child trafficking (16 Feb 2017);*

3) *China police destroy 'fake' terracotta warriors (12 Jan 2017);*

4) *China combats corruption within anti-corruption agency (9 Jan 2017);*

5) *China court jails 16 for black market kidney trading (31 Dec 2016).*

II. В разделе «Китай и США» говорится об отношениях между двумя державами, существующих разногласиях и вытекающих из этих последствий. Примерами заголовков из данного блока могут служить следующие:

1) *Be prepared: Asia braces for impact of more US rate rises (16 Mar 2017);*

2) *China's gamble for global supremacy in era of Trump (27 Jan 2017);*

3) *South China Sea: China media warn US over 'confrontation' (13 Jan 2017);*

4) *Chinese human rights report attacks US 'hypocrisy' (10 Mar 2017);*

5) *China hits back at US over South China Sea claims (24 Jan 2017).*

III. Торгово-экономические новости сообщают о конъюнктуре рынка и рыночных отношениях между Китаем и США, Китаем и Великобританией, Китаем и Европой. Примерами заголовков из данного блока могут служить следующие:

1) *China has launched a direct rail freight service to London, as part of its drive to develop trade and investment ties with Europe (18 Jan 2017);*

2) *'Silk Road' freight train from China arrives in Barking (18 Jan 2017);*

3) *China announces ban on ivory trade by end of 2017 (30 Dec 2016).*

IV. Новостной блок «Китай и Северная Корея» посвящен последним событиям в этих странах, изменениям в их отношениях. Например:

1) *China fuels anger over Seoul's missile move (13 Mar 2017);*

2) *China calls on North Korea to suspend missile and nuclear tests (8 Mar 2017);*

3) *China piles pressure on North Korea by banning coal imports (18 Mar 2017).*

V. В небольшом разделе новостей речь идет об отношениях между Китаем, США и Тайванем:

- 1) *China warns US on Taiwan leader's stopover (9 Jan 2017);*
- 2) *China media: Trump 'playing with fire' on Taiwan (16 Jan 2017);*
- 3) *China is watching Taiwan leader's foreign tour (6 Jan 2017).*

Анализ лексических средств в заголовках британской газеты *BBC News* позволил выявить ряд закономерностей репрезентации Китая в британских СМИ (рис. 2).

Рисунок 2. Лексическая классификация заголовков.

I. Образ сильного Китая, стремящегося к лидерству, выявлен за счет использования в заголовках ряда лексических средств.

Глаголы *increase(2)*, *retaliate against*, *protest(2)*, *hit back*, *watch*, *threaten*, *call on*, *urge(3)*, *snap up*, *attack (2)*, *warn(8)*, *dominate* создают сильный образ Китая, подтверждающего свои лидерские позиции агрессивными (активными и резкими) действиями, направленными на оппозицию и атаку.

Ряд словосочетаний (*fuels anger, pile pressure, global supremacy, global dominance, brace for impact, step up to lead, set growth target, play into China's hands, in show of force, take by force, put squeeze on, face tougher China, risk wrath of China, face increased risk from Beijing, grit teeth, flex muscles beat expectations, break record*) подтверждает сложившийся образ Китая как одного из лидера.

Предметность образа достигается за счет существительных и словосочетаний *military spending, military bases, booming factories, room for growth, supremacy, the world's strongest cyber power, superpower, US 'hypocrisy', scandal, anger, protest, action, attacks, 'space capsule' experiment, 'anti-terror' rallies*, которые демонстрируют конкретные тенденции в позициях Китая. Например:

- 1) *South China Sea: China media warn US over 'confrontation' (13 Jan 2017);*
- 2) *Trump could face tougher China, media warn (19 Dec 2016);*
- 3) *China Announces Increase in Defence Spending (4 Mar 2017).*

II. Образ Китая, стремящегося к сотрудничеству и партнерству. Участниками дискурса являются Китай, США, Великобритания. Речь в данных заголовках идет о заключении сотрудничества и улучшения отношений между странами, что демонстрируется рядом лексических средств. Лексические средства, представленные рядом глаголов с положительным оценочным значением (*don't want to see, approve, is investing, develop, arrive, launch, tie up, meet, look forward to visiting, unite*), сообщают о том, что между перечисленными странами происходят активные действия, направленные на партнерство и сотрудничество. Ряд существительных (*trademarks, trade, investment, travelling, freight train, no winners, trade war, silk road, US, Trump, China, China's Xi, Xi, London, Barking, Europe*) выражает целенаправленность этих действий, т.е. стремление сгладить назревающую торговую войну (*trade war, no winners in trade war, trademarks*) и укрепить торгово-экономические отношения между странами (*investment, travelling,*

freight train, silk road, partnership). Примерами из данного блока могут служить следующие заголовки:

- 1) *The Newsroom: US and China 'Unite' over North Korea (18 Mar 2017);*
- 2) *China has launched a direct rail freight service to London, as part of its drive to develop trade and investment ties with Europe (18 Jan 2017);*
- 3) *American Airlines ties up partnership with China Southern (28 Mar 2017).*

III. Справедливый и правильный Китай – положительный образ страны, говорящий о том, что Китай придерживается определенных правил, норм и принципов, строго относится к их нарушениям. Участниками дискурса являются власти Китая и другие организации. Речь в данных заголовках идет о наведении порядков внутри страны (пресечении мошенничества, наказании виновных, то есть о восстановлении справедливости). Этот образ достигается за счет использования ряда лексических средств, таких как: 1) глагольные конструкции и глаголы *convict, sue, probe, destroy, jail(3), hold, arrest*, которые демонстрируют действия государственных органов власти по отношению к преступникам и незаконной деятельности; 2) существительные и словосочетания *corruption, child trafficking, black market kidney trading(2), suspect, theft, swindling, bribes*, которые создают предметный образ преступности в Китае; *hospitality lessons, 'peaceful' solution, court, arrest, detention, second chance(2), jail term* показывают справедливый образ (наказание за преступление, второй шанс матерям (разрешение рожать второго ребенка)); 3) прилагательные *rude, fake, anti-corruption, corrupt*, дополняющие сложившийся образ Китая как борца с коррупцией, преступностью и невежливостью. Рассмотрим нижеследующие примеры:

- 1) *China combats corruption within anti-corruption agency (9 Jan 2017);*
- 2) *China police destroy 'fake' terracotta warriors (12 January 2017);*

3) *Chinese fake bank founders jailed for swindling (6 Jan 2017).*

IV. Негативный образ Китая.

Участниками дискурса являются Китай, США и Северная Корея. В заголовках данного блока говорится об ухудшении отношений между странами по причине негативных действий Китая. Негативный образ формируется за счет использования ряда лексических средств, таких как: 1) глаголы с явной отрицательной оценкой по отношению к Китаю *sue, block, oppose, accuse*; 2) существительные и словосочетания *killing, baby trafficking, trade pick, spy operations*, обозначающие негативные действия; 3) прилагательные *disgusting, firm* и идиома *dance to the tune*, описывающие и дополняющие сложившийся образ. Примерами заголовков из данного блока могут служить следующие:

1) *Apple sues chip-maker in China (26 Jan 2017);*

2) *Baby trafficking in China: 'It's most disgusting thing' (16 Feb 2017);*

3) *China accused by Taiwan of stepping up spy operations (18 Mar 2017).*

V. Ослабевающий образ Китая проявляется в следующих лексических средствах: 1) глаголы и глагольные сочетания *would win* (о Трампе), *be wary of* (о Китае), *warn* (США Китай), *fret about, fear conflict, crack the China market, fear of trade war*, позволяющие сделать вывод о проигрышной позиции Китая в торговой войне с США, о тревожном отношении Китая к сложившимся обстоятельствам и об уверенности США в разрушительном результате торговой войны для Китая, от чего США предостерегает Китай; 2) существительные и словосочетания *trade deficit*(2), *titanic debt, trade war, slowest pace, risk of disastrous war*, которые сообщают об экономических трудностях, с которыми сталкивается Китай; 3) прилагательные *damaging, disastrous*, определяющие тенденцию развития события (торговой войны). Примеры:

1) *China sees first monthly trade deficit in three years (8 Mar 2017);*

2) *Trump would win trade war(17 Jan 2017);*

3) *Chinese media wary of President Trump (21 Jan 2017).*

VI. Специфический образ Китая создается посредством таких лексических средств как: 1) глаголы и глагольные словосочетания *must swim, eat insects, borrow marks*; 2) словосочетания *marks bank, grade bank, trying to be art museums*, передающие такие особенности Китая как копирование / подражание и банк оценок для студентов. Например:

1) *Chinese school sets up 'marks bank' to reduce stress (12 Jan 2017);*

2) *Students must swim before they graduate, says China university (28 Mar 2017);*

3) *The Chinese hotels trying to be art museums (24 Jan 2017).*

VII. Образ Китая – борца за экологию представлен такими лексическими средствами, как: 1) глагольные словосочетания *clean air, 'make skies blue, save China from air pollution*, которые демонстрируют активную борьбу Китая за экологию; 2) существительные и словосочетания *weapons in the battle for clean air, pollution, battle to breathe, smog, airpocalypse', pollution*, которые дополняют предметный образ экологически грязного Китая; 3) прилагательные *threatening, dark, dirty* описывающие состояние воздуха и экологии в целом. Этот образ отражает сильное стремление Китая к решению вопроса загрязнения воздуха. Примеры:

1) *People Fixing the World: How China is Cleaning its Air (4 Mar 2017);*

2) *Cities and data: China's weapons in the battle for clean air (7 Mar 2017);*

3) *China pollution: 'It can be completely dark' (6 Jan 2017).*

Таким образом, на основе анализа заголовках в газете *BBC News* за период с декабря 2016 года по март 2017 года были выявлены тематические предпочтения и лингвистические средства, репрезентирующие образ Китая в британских печатных СМИ. Проведенный анализ позволил классифицировать заголовки по тематическим новостным блокам: 1) материковый Китай; 2) Китай и США; 3) торгово-экономические новости; 4)

Китай и Северная Корея; 5) Тайвань; 6) другие – и, непосредственно, по конкретным образным блокам: 1) Китай, стремящийся к лидерству; 2) Китай, стремящийся к сотрудничеству; 3) справедливый и правильный Китай; 4) негативный Китай; 5) ослабевающий Китай; 6) специфический Китай; 7) Китай – борец за экологию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: ФЛИНТА, 2014. 264 с.
3. Заголовок и заголовочный комплекс // StudFiles [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3125063/> (дата обращения: 20.04.2017).
4. Образная репрезентация // Словари и энциклопедии на Академикe [Электронный ресурс]. 2003 // URL: <https://goo.gl/jdR1ZA> (дата обращения: 19.04.2017).
5. Репрезентация // Национальная философская энциклопедия [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://terme.ru/termin/reprezentacija.html> (дата обращения: 15.04.2017).

Семенец О.В.*

СТРАТЕГИИ КУЛЬТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ИМЕН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «МЕТЕЛЬ» В. СОРОКИНА И ЕЕ ПЕРЕВОДА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Аннотация: В статье рассматривается процесс прагматической адаптации имен русского художественного текста к немецкой лингвокультуре. Выявляются ее основные стратегии.

Ключевые слова: адаптация, лингвокультурная адаптация, прагматическая адаптация, лингвокультурный словарь, стратегия адаптации.

Abstract: The article deals with the pragmatic adaptation of the Russian literary text's names to the German linguistic culture. Its main strategies are revealed.

Keywords: adaptation, linguocultural adaptation, pragmatic adaptation, linguocultural vocabulary, adaptation strategy.

Адаптация художественного текста имеет специфичные стратегии и приемы с учетом культурно-языковых факторов, пресуппозиций читателя и прагматической ориентации перевода.

Практически все художественные тексты обладают высокой степенью переводимости [Нойберт, 1978]. Однако мы предполагаем, что тексты, написанные для аудитории исходного языка об исходной культуре, обладают меньшей степенью переводимости, поскольку в них содержится множество культурной информации и имплицитных смыслов, которые в полной мере понятны будут только носителям исходной культуры, либо читателям, глубоко понимающим данную культуру. К таким текстам относится рассматриваемая в данной статье повесть.

Для передачи лингвокультурных и имплицитных смыслов повести использован ряд приемов. Их выбор переводчиком каждый раз обусловлен его прагматическими целями и особенностями обеих лингвокультур.

* Научный руководитель – д-р филол. наук, профессор Л.В. Куликова.

Под прагматической адаптацией мы, вслед за А.Д. Швейцером, будем понимать «внесение определенных поправок на социально-культурные, психологические и иные различия между получателем оригинального и переводного текста с целью передачи изначальной интенции автора текста-источника» [Швейцер, 1973: 242]. Прагматическая адаптация может заключаться во внесении дополнительной поясняющей информации, опущении информации, интерпретации с целью передачи эмоционального воздействия, эквивалентного оригиналу, а также в «полной перестройке сообщения в целях эксплицирования подразумеваемой информации» [Велединская, 2010: 193].

Говоря об адаптации художественного текста, также важно учитывать, что чем более национально окрашенный текст оригинала мы имеем, тем сильнее он подвергается лингвокультурной или социокультурной адаптации. Под лингвокультурной адаптацией нами понимается приспособление текста при помощи определенных процедур к иному лингвокультурному пространству с целью достижения предельно адекватного и тождественного восприятия текста иностранным реципиентом [Фененко, 2001].

По словам В.В. Красных, самое сложное в переводе с одного языка на другой – именно «содержательная сторона, которую невозможно либо очень сложно перелить из образа мысли одного человека в образ мысли другого, не подменяя перевод подделкой» [Красных, 2016: 112]. Дело в том, что текст-исходник и переведенный текст существуют в различных лингвокультурах. Под лингвокультурой мы вслед за В.В. Красных понимаем «языковленную культуру», то есть культуру, живущую в знаках языка, культуру, «явленную нам в языке и через язык» [Красных, 2016: 115]. И чем шире лингвокультурный словарь (культурно-насыщенные единицы лингвокультуры) в том или ином произведении, тем сложнее переводчику адаптировать текст на родной язык. В.В. Красных отмечает, что в лингвокультурный словарь языка часто входят лексемы с метафорическим смыслом, прецедентные феномены, сте-

реотипные образы, лексем, выполняющие функцию эталона или символа и др. [Красных, 2016].

Сразу следует оговориться, что в рамках данного исследования соответственно прагматическая и лингвокультурная адаптация не будут рассматриваться отдельно. В необходимости воспринимать их как одно целое мы убедились на практике. Причина заключается в том, что в тексте, насыщенном культурными коннотациями, прагматическая адаптация практически полностью совпадает с лингвокультурной. Прагматическая потребность адаптировать стиль изложения, непонятные читателю вторичного текста реалии и эмоциональный посыл обусловлена именно культурными различиями текстов. Поэтому в данной работе мы считаем уместным использовать термин «культурно-прагматическая адаптация», который объединяет в себе прагматическую и лингвокультурную адаптацию.

В нашем исследовании немаловажную роль занимает адаптация национально-специфических лексем, поэтому мы посчитали необходимым изучить особенность лингвокультурного словаря повести «Метель». Проанализировав текст оригинала, мы выявили некоторое количество категорий, которые объединяют лексем, представляющие для нас интерес в перспективе культурно-прагматической адаптации. Отметим, что категории могут пересекаться между собой, и выделены они преимущественно с целью организации процесса анализа лексем. Категории следующие:

- 1) имена и названия (имена героев повести, названия населенных пунктов, газет, лекарств и др.);
- 2) национальные реалии (лексемы для обозначения предметов одежды, интерьера, напитков и блюд, и др.);
- 3) прецедентные феномены (лексемы, отсылающиеся к прецедентным именам, фразеологизмам, песням, литературным произведениям и др.);
- 4) фразеологизмы и пословицы;
- 5) авторские неологизмы (авторские названия несуществующих предметов, авторские поговорки);

б) игра слов.

Нам представляется целесообразным изучить приемы адаптации каждой из этих категорий, тогда мы сможем сделать выводы об особенностях стратегий культурно-прагматической адаптации художественного текста в целом.

В рамках данной статьи нами будет рассмотрена только культурно-прагматическая адаптация имен. В повести употребляются имена более 20 героев. Адаптированы на немецкий язык они по-разному:

<i>Платон Ильич (Гарин)</i>	<i>Garin</i>
<i>Михалыч</i>	<i>Michalytsch</i>
<i>Перхуша</i>	<i>Krächz</i>
<i>Васятка</i>	<i>Wassilein</i>
<i>Козьма</i>	<i>Kosma</i>
<i>Порфирий</i>	<i>Porfiri</i>
<i>Гриша</i>	<i>Grischa</i>
<i>Надин</i>	<i>Nadin</i>
<i>Таисия Марковна</i>	<i>Taissija Markowna</i>
<i>Авдотья</i>	<i>Awdotja</i>
<i>Семен, Марков сын</i>	<i>Semjon Markowitsch</i>
<i>Иван Сусанин</i>	<i>Rübezahl</i>
<i>Федор Кирпачный</i>	<i>Fjodor</i>
<i>Хромка</i>	<i>Den Eber, das Hinkebein</i>
<i>Матрена Хапилова</i>	<i>Matrjona Chapilowa</i>
<i>Авдей Семеныч</i>	<i>Awdej Semjonitsch</i>
<i>Жопник</i>	<i>Arschtasche</i>
<i>Задень</i>	<i>Leistritt</i>
<i>Баю-Бай</i>	<i>Suchtaus</i>
<i>Скажем</i>	<i>La Le Lu</i>
<i>Дрёма</i>	<i>Sandmann</i>

*Сивка**Grauchen**Фунтик**Phundi*

[Сорокин, 2010], [Sorokin, 2015].

Большая часть имен (*Михалыч, Козьма, Порфирий, Гриша, Авдотья* и др.) осталась неизменной в немецком тексте. В данных случаях использовался прием транслитерации. Благодаря этому приему удается сохранить национальный колорит текста.

Другие имена (*Платон Ильич, Васятка, Федор Курпатовый, Фунтик*) были частично адаптированы к немецкому лингвокультурному пространству. Например, вместо имени *Платон Ильич* автор немецкого текста чаще использует фамилию героя (*Garin*). *Фёдор Ильич* становится просто *Фёдором* (*Fjodor*) при адаптации. Это прием смысловой замены, который позволяет, без потери в качестве, повысить легкость восприятия текста немецкоязычным читателем. Смотрим далее: вместо *Васятки* используется имя с немецким уменьшительно-ласкательным суффиксом *-lein* (*Wassilein*). *Фунтик* после адаптации становится *Phundi*, то есть уменьшительно-ласкательный суффикс подвергся компрессии. Приемом в обоих случаях служит грамматическая адаптация.

Также нельзя не отметить случай стилевой адаптации, который встречается в категории «Имена и названия» только один раз, но от этого не теряет своей значимости. Оригинальное *Семен, Марков сын* трансформируется в *Семена Марковича* (*Semjon Markowitsch*). При данном виде адаптации денотативный компонент не подвергается изменениям, а вот коннотативный становится иным. Очевидно, что в оригинале Семену придавалось несколько меньше солидности, чем это делается в немецком переводе.

Имена *Перхуша, Хромка, Сивка* и *Жопник* адаптированы путем поиска эквивалентов. Причем только последние два имени удалось передать через прямой перевод. Первые два имеют более сложную коннотацию. Герой *Перхуша*, например, объясняя происхождение такого имени, говорит: «...на кордоне работал молодым еще, рубили мы там просеку. В бараке жили. А меня

чевой-то хворость грудная пристигла, стал перхать по ночам. Все спят, а я перхаю, спать им не даю...». То есть *Перхуша* это прозвище для человека, который часто хрипел, кашлял, кряхтел. Соответственно, через немецкий глагол *krächzen* ('хрипеть', 'кряхтеть') переводчик создает имя *Krächz*, которое в данном случае можно называть эквивалентом оригинального имени. Однако, в лексеме «*Перхуша*» суффикс *-уш* говорит о ласковом обращении к обладателю имени, в немецком же варианте эта коннотация исчезает. Имя *Хромка* адаптировано другим способом. В немецком тексте это имя вообще не упоминается как таковое, вместо него переводчик использует описание: *Den Eber, das Hinkebein*. Смысл передан, но коннотация любви, нежного отношения хозяина к своим животным утрачивается.

Самым интересным для нас, как исследователей, является адаптация имен *Иван Сусанин*, *Задень*, *Баю-Бай*, *Скажем* и *Дрёма*. Сразу оговоримся, что в этом месте категория «Имена и названия» пересекается с категорией «Прецедентных феноменов», поскольку в первом случае имя само по себе является прецедентным для носителя русской культуры, а в остальных имена имеют отсылку к песни, являющейся прецедентной для каждого из современных русскоязычных представителей. Итак, имя *Иван Сусанин* после адаптации звучит как *Rübezahl*. Дело в том, что в немецком лингвокультурном пространстве не возникает ассоциации «не туда привёл» с вышеупомянутым именем. Зато в немецкой культуре еще с 15 века и по сей день существует сказочный герой Рюбецаль, дух гор, ассоциирующийся с причинением неприятностей, сбиванием с пути и т. д. Таким образом, русское прецедентное имя было заменено на немецкое прецедентное имя, а прагматический посыл удалось максимально сохранить. Что касается имен *Задень*, *Скажем*, *Баю-Бай* и *Дрёма*, они взяты из детской колыбельной песни, которая на протяжении многих лет звучала в известной телепередаче «Спокойной ночи, малыши»: «...обязательно по дому в этот час // тихо-тихо ходит дрема возле нас...»; «...за день мы устали очень, // скажем всем: "Спокойной ночи!", // глазки закрывай, баю-бай...». Герои повести даже упоминают эту песню,

поддразнивая обладателей необычных имен: «Задень, мы устали очень! Скажем, всем спокойной ночи! Глазки закрывай, Баю-Бай!». Для того чтобы осуществить культурно-прагматическую адаптацию данных имен, Андреас Третнер снова применяет метод замены: он использует для перевода известную немецкую колыбельную: «...dann kommt auch der Sandmann, leis tritt er ins Haus, sucht aus seinen Träumen für Dich den schönsten aus...»; «...drum schlaf auch du, La Le Lu...». Шутливая песня героев повести соответственно звучит следующим образом: «Dann kommt auch der Sandmann! Leis tritt er ins Haus! Sucht aus seinen Träumen! Dich den schönsten aus! Drum schlaf auch du, La Le Lu!». Отсюда имена героев: *Sandmann*, *Leistrirr*, *Suchtaus* и *La Le Lu*. В переводе слабо сохранился эффект обращения к героям (в оригинале благодаря слитной записи некоторых слов и запятым создавалось впечатление обращения к героям по именам), но в целом прагмакультурная адаптация состоялась.

Обобщая всё вышесказанное, можно сделать вывод, что большинство имен в повести (больше 40 %) адаптированы путем транслитерации, поскольку не скрывают за собой имплицитных смыслов и при этом не являются критично сложными для восприятия немецким реципиентом. Сравнительно большое количество имен (около 22 %) адаптировано при помощи полной замены. Вероятно, в большинстве художественных произведений количество замененных имен гораздо меньше. В данном случае такой прием может быть объяснен наличием в оригинале прецедентных имен. Также для культурно-прагматической адаптации имен был использован прием поиска эквивалентов (17 %), компрессии и грамматической адаптации (17 %), стилевой адаптации (4 %).

В перспективе данной работы планируется рассмотреть все остальные категории лингвокультурного словаря повести и выделить основные стратегии культурно-прагматической адаптации художественного текста в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sorokin V.G. Aus dem Russischen von Andreas Tretner. Der Schneesturm. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 2015, 208 с.
2. Велединская С.Б. Курс общей теории перевода: учеб. пособие. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. 230 с.
3. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. статей. М.: Международные отношения, 1978. 232 с.
4. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.
5. Сорокин В.Г. Метель. М.: АСТ, 2010. 304 с.
6. Фененко Н.А. «Лингвокультурная адаптация текста при переводе: пределы возможного и допустимого» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001, Вып.1. С. 70–75.
7. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. О газетно-информационном и военно-публицистическом переводе. М.: Воениздат, 1973. 280 с.

Срмикян В.С.*

Подберёзкина Л.З.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА КАК ЖАНР ПИСЬМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Аннотация: В статье анализируется жанр служебной записки на материале письменной деловой коммуникации государственного образовательного учреждения. Рассматриваются лингвистические аспекты функционирования служебной записки в системе документооборота современного российского университета и её разнообразные жанровые реализации.

Ключевые слова: документный текст, служебная записка, речевой жанр.

Abstract: The article analyzes the genre of memorandum on the basis of business written communication of the state educational institution. The article touches upon the linguistic aspects of functioning of the memo within the document texts circulation in the modern Russian university and reviews the memo's genre variations.

Keywords: document text, memorandum, a speech genre.

В современных условиях развития общества значительное место в обмене информацией в деловой коммуникации занимают различные официальные документы.

Изучению отдельных аспектов письменной официально-деловой речи посвящены работы П.В. Веселова, С.П. Кушнерука, Е.Л. Куксова, С.Ю. Федюрко и др. Вместе с тем, исследователи отмечают малоизученность лингвистической природы письменного административного дискурса, особую исследовательскую нишу в его жанровом осмыслении [Евтушенко, 2017:46].

В настоящее время не были зафиксированы исследования, посвящённые лингвистическому анализу документов в системе документационного обеспечения в высшем образовательном учреждении, что обуславливает актуальность нашей работы.

Цель данного исследования – выявить жанровые особенности текстов

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Л.З. Подберёзкина.

служебных записок, функционирующих в российском университете. Материалом послужили служебные записки, созданные и использованные в системе документооборота Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский федеральный университет» (нами было проанализировано свыше 50 текстов).

В исследовании используются методы лингвистического, жанрового и контекстуального анализа, метод сплошной выборки, применяется модель речевого жанра Т.В. Шмелевой, которая основана на понимании жанра как ситуативно-речевого действия и включает семь конституирующих признаков: 1) коммуникативная цель; 2) образ автора; 3) образ адресата; 4) образ прошлого (инициальные и реактивные РЖ); 5) образ будущего (дальнейшее развитие речевых событий, воплощающееся в появлении других РЖ); 6) тип диктумного содержания, вносящий ограничения в отбор информации о мире; 7) языковое воплощение [Шмелева, 1997: 93–97].

Служебная записка является разновидностью документного текста, под которым понимается «функционально, содержательно, структурно и нормативно завершенное речевое единство, являющееся основным коммуникативным компонентом документа, скрепленное модальностью, являющейся производной от функционально-нормативных условий документной коммуникации и соответствующее унифицирующим или стандартизирующим правилам» [Кушнерук, 2010: 31].

Следует отметить, что общепринятой дефиниции термина «служебная записка» не существует. Рассмотрим некоторые из них.

Самое широкое определение данного вида документа дает Е.В. Милехина: «Служебная записка – это письменное сообщение для использования внутри организации. Традиционно письма применяют для внешних связей, в то время как служебные записки обычно предназначены исключительно для внутренних коммуникаций. Исследователи обнаружили, что 90 % сообщений, написанных деловыми людьми, существует в форме писем или служеб-

ных записок. Эти же исследователи выяснили, что деловые люди пишут больше служебных записок, чем писем» [Милехина, 2004: 87].

По мнению М.И. Басакова «служебная записка – это форма внутренней деловой переписки между подразделениями организации или должностными лицами, не находящимися в прямом подчинении» [Басаков, 2010: 151].

В работах по документоведению служебная записка рассматривается как синоним докладной и входит в группу информационно-справочных документов: «Докладная (служебная) записка – документ, адресованный руководителю данного или вышестоящего учреждения и содержащий изложение какого-либо вопроса с выводами и предложениями составителя. Она может создаваться по личной инициативе или по указанию руководителя» [Журавлева, 2014. URL: https://www.profiz.ru/sr/4_2014/vse_zapiski/]. Е.А. Евтушенко в своей статье «Письменное воплощение административного дискурса: служебные, докладные, объяснительные записки» уточняет цель данного вида документа – информационно-разъяснительная [Евтушенко, 2017: 47]. Таким образом, можно утверждать, что терминосочетание «служебная записка» имеет несколько значений. На его полисемантический характер указывает также Словарь-справочник «Эффективное речевое общение»: «Служебная записка 1. Общее наименование для информационно-справочных документов, создаваемых для решения оперативных вопросов в сфере управленческой деятельности: Докладной записки (см.), Объяснительной записки (см.), а также пояснительной и аналитической записок [Орлова, 2011: 82]. 2. Документ, который содержит сведения о материально-техническом, информационном, организационном или хозяйственном обеспечении и используется как форма деловой переписки между подразделениями организации или должностными лицами, не находящимися в прямом подчинении (в противном случае это будет докладная записка) [Доронина, 2006; Басаков, 2010: 157]. Расположение реквизитов в С.з. рекомендуется такое же, как и во внутренней Докладной записке (см.) 3. Разновидность докладной записки (наряду с пред-

ставлением), применяемая с той же целью, что и сама докладная записка [Быкова и др. 2012: 168]» [Копнина, 2014: 618].

В инструкции по делопроизводству СФУ *служебная записка* входит в перечень организационно-распорядительных документов, которые, в свою очередь, относятся к внутренней корреспонденции. В данной инструкции предложено следующее определение: «Служебная записка (докладная, объяснительная, жалоба) – документ, адресованный ректору, проректору или руководителю структурного подразделения и информирующий его о сложившейся ситуации, имевшем место факте, каком-либо вопросе, а также содержащий выводы и предложения составителя» [Инструкция по делопроизводству СФУ, 2010: 6].

В инструкции по делопроизводству Томского госуниверситета отмечается, что «служебная (докладная, объяснительная) записка, представление, заявление, заявка и др. (далее – служебная записка) бывает инициативной, информационной, отчетной; составляется по вопросам материально-технического, информационного, организационного, хозяйственного обеспечения и др. Текст служебной записки зависит от цели ее создания; состоит, как правило, из двух частей – обоснования (изложение фактов, событий, причин составления) и предложения, просьбы, заявки и т.п.; оформляется в соответствии с п. 2.2.20. Не допускается применение архаичных оборотов «Довожу (Доводим) до Вашего сведения...». Используются глаголы: «предлагаю (-ем)», «считаю (-ем) необходимым», «прошу (просим)» [Инструкция по делопроизводству ФГБ ОУ ВПО ТГУ, 2015: 26].

Служебные записки были проанализированы нами по анкете речевого жанра Т.В. Шмелевой. Главным жанрообразующим признаком в ее классификации является коммуникативная цель, в соответствии с которой различаются 4 класса речевых жанров: информативные (запрос, сообщение, опровержение, подтверждение, сомнение и др.), оценочные (похвала, упрек, выговор, обвинение и др.), этикетные (приветствие, извинение, благодарность,

соболезнование, поздравление, прощание), императивные (просьба, совет, инструкция, приказ, запрет, угроза и подобные) [Шмелева, 1997: 93–97].

Как отмечает О.А. Евтушенко, жанры «служебная записка», «докладная записка» относятся к жанрам информирования (выражают семантику оповещения, разъяснения), их основная цель – описание или констатация сложившейся ситуации, которая может быть основанием для дальнейшего управленческого решения [Евтушенко, 2017:48].

В служебных записках, функционирующих в структуре университетского документооборота, наиболее частотны тексты императивного характера, побуждающие адресата к исполнению действий (60 %), а также тексты, цель которых – информировать адресата о некотором состоянии дел (40 %).

Приведем характерные примеры. В примере 1 императивный жанр просьбы выражен стандартной для данного типа формой глагола-перформатива *прошу*. «Глагол «прошу» является основным жанрообразующим средством в жанре «записка», о чем свидетельствует его постоянная лексико-грамматическая форма. Перформативный глагол «просить», в личной форме – «прошу», выражает семантику просьбы и предполагает совершение некоего действия в пользу адресанта, что объясняется наличием дополнительной иллокутивной функции данного глагола: «склонять к исполнению своих желаний» [Евтушенко, 2017:47].

Пример 1

Директору
Центра студенческой культуры СФУ
И.О. Фамилия
заместителя директора Института филологии
и языковой коммуникации по воспитательной работе
И.О. Фамилия

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Прошу Вас предоставить малый комплект звукового оборудования (включая 5 радиомикрофонов и 3 стойки) для проведения «Рождественских переменок» в период с 19.12.2016 по 23.12.16 с 13:30 до 14:10 ежедневно, сохранность гарантируем. В случае поломки оборудования ремонт произведем за свой счёт.

Наименование должности

И.О. Фамилия

Императивный текст может включать мотивирующую часть и начинаться с задающих обоснование предлогов *в связи, в целях, в соответствии* с и др. См. пример 2.

Пример 2

ФГАОУ ВО

«Сибирский федеральный университет»

Директору

И.О. Фамилия

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

«18» января 20__ г.

«Об участии в выставке»

Уважаемая И.О.!

В целях подготовки ответа на запрос Агентства науки и инновационного развития Красноярского края № 72-22 от 12.01.20__ г. прошу в срок до 25 января 20__ г. направить на адрес _____ краткий отчет о деятельности языковых центров (Центр испанского языка, Центр немецкого языка и Центр французского языка) в 20__ г., а также информацию о проведенных и планируемых мероприятиях по продвижению и поддержке русского языка как иностранного.

Наименование должности

И.О. Фамилия

Информативные служебные записки включают разные типы актуальной для адресата информации, которая может вводиться перформативами *информируем, сообщаем* или клишированной конструкцией *«довожу до вашего сведения»*. Приведем характерные примеры:

Пример 3

Проректору по науке и
Международному сотрудничеству
И.О. Фамилия

Конт. тел. _____

«__» _____ 20__ г.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

В 20__ г. на отделении иностранных языков (...) планируется выпустить следующих иностранных студентов КНР по специальности (далее по тексту).

Наименование должности

И.О. Фамилия

Пример 4

Сибирский федеральный университет

Директорам институтов,
Заведующим кафедрами СФУ

Ректорат

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

№__ «__» ____ 20__ г.

О повышении квалификации
(стажировках) сотрудников и
приглашении визит-профессоров
и ведущих специалистов

Информирую Вас о том, что приказами №__ от 08.04.20__ , №__ от 10.04.20__ утверждены регламенты рассмотрения заявок на повышение квалификации (прохождение стажировки) сотрудников и приглашение визит- профессоров и ведущих специалистов.

На основании регламентов и в соответствии с приоритетными направлениями развития университета, утвержденными Программой развития университета на 2011-2021 гг., прошу предусмотреть соответствующие управленческие мероприятия, в первую очередь направленные (далее по тексту...).

Наименование должности

И.О. Фамилия

Пример 5

Декан ФСИЯ

Начальнику УМС
И.О. Фамилия

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

«__» ____ 20__ г.

Довожу до вашего сведения, что ответственными за подготовку к III Международному фестивалю «Студенчество без границ» 29 ноября 20__ г. назначены заведующая кафедрой И.О. Фамилия и старшие преподаватели кафедры (ФИО по списку).

Наименование должности

И.О. Фамилия

Второй важнейший параметр речевого жанра – образ автора, «информация о нем как об участнике общения, которая “заложена” в типовой проект речевого жанра, обеспечивая ему успешное осуществление» [Шмелева, 1997: Там же].

В документных текстах данный параметр эксплицитно раскрывается в реквизите «подпись», который включает наименование должности, личную подпись (параф) и ее расшифровку (инициалы и фамилию автора). В СФУ автором служебной записки может являться любой сотрудник университета, кроме ректора. Отметим также, что в служебных записках руководителей реальное авторство может принадлежать исполнителю документа, инициалы, фамилия и телефон которого указываются слева в нижнем колонтитуле.

Образ адресата в служебной записке играет важную жанрообразующую роль и строго задает систему ролевых отношений, в которой ролевой статус адресата всегда выше или равен ролевому (субординационному) статусу автора. Адресат может быть конкретным (документ может быть направлен директору института или любому другому руководителю структурного подразделения университета: ректору, проректору, главному бухгалтеру и т.д.), либо множественным, когда текст служебной записки адресован всем директорам институтов либо общественным объединениям, организациям, советам и управлениям университета. В СФУ особенностью служебных записок является частотное использование обращений, что в целом не характерно для данного вида документа в других организациях.

Жанровый параметр «образ прошлого» различает инициальные и реактивные РЖ, в соответствии с которым выделяются жанры, начинающие общение, и жанры, являющиеся реакцией на предыдущее речевое взаимодействие [Шмелева 1997: Там же]. Служебные записки являются преимущественно инициальными жанрами, но встречаются и реактивные – тексты ответов, которые должны начинаться с повторения инициальной просьбы. Характерной особенностью реализации данного параметра в СФУ является отсутствие вербального повторения просьбы и использование в тексте только ссылки на номер и дату входящего документа, см. пример 6.

Пример 6

Сибирский Федеральный университет

Директорам
Наименование института

Ректорат

И.О. Фамилия

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

«__» ____ 20__ г.

О предложениях по унификации

В ответ на служебную записку от 21.__.20__ г. сообщаем, что дисциплины, подвергаемые унификации, как и количество зачетных единиц, выделенных на них, определены приказом ректора № 1273 от 29.10.2014 г.

Количество зачетных единиц (далее – ЗЕ) по таким дисциплинам, как «Математика», «Информатика», «Химия», «Физика», «Теория и практика эффективного речевого общения», в приложении 1 данного приказа соответствует количеству ЗЕ, выносимых Вами в качестве предложений по изменению.

Наименование должности

И.О. Фамилия

Образ будущего, дальнейшее развитие речевых событий, воплощающееся в появлении других РЖ, в служебных записках СФУ предполагает преимущественно действия невербального характера. Вместе с тем, нами были зафиксированы примеры, которые предполагают появление таких речевых жанров, как, например, объяснительная записка, выговор и даже извинение. Приведем характерный пример.

*Пример 7*ФГАОУ ВО СФУ
ИнститутНачальнику
управления общежитиями
И.О. Фамилия**СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА****О некорректном поведении сотрудников общежития**

«__» ____ 20__ г.

Довожу до вашего сведения, что стажёры из университетов «...», проходящие языковую стажировку в «...», возмущены некорректным поведением сотрудника общежития №__. По словам студентов: 12 октября около 22.00 часов к ним в комнаты вошел сотрудник общежития, открыв дверь собственным ключом, и начал кричать (доведя до слез студентов) о необходимости соблюдения чистоты в жилых помещениях. Кроме того, в женскую комнату в столь позднее время сотрудница общежития вошла в сопровождении студентов мужского пола.

Убедительно прошу разобраться в ситуации, принять меры и принести студентам извинения во избежание конфликта с вузами-партнерами СФУ.

Наименование должности

И.О. Фамилия

Как показал анализ, в жанре служебной записки могут быть представлены разные типы диктумного (событийного) содержания. Это может быть, например, просьба (45 %), информация (40 %), жалоба (10 %), требование (5 %). Рассмотрим данные типы подробнее.

Как уже отмечалось, служебная записка, представленная в форме просьбы, может включать аргументацию:

Пример 8

ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» Управление корпоративной политики	Директору И.О. Фамилия
СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА	
№__ «__» ____ 20__ г.	
<p>В связи с регулярными большими физическими нагрузками в рамках репетиционного процесса в составе ансамбля ирландского танца СФУ «Крылья» прошу перевести на индивидуальный график обучения по предмету физическая культура согласно Соглашению между администрацией и Первичной профсоюзной организацией студентов СФУ (пункт 2.2.13) студентку И.О. Фамилия.</p>	
Наименование должности	И.О. Фамилия

Однако во многих случаях обоснование побуждения отсутствует. Приведем характерные примеры:

Пример 9

ФГАОУ ВО СФУ Институт	Директору И.О. Фамилия
СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА	
«__» ____ 20__ г.	
О печати визитных карточек	
<p>Прошу разрешить тиражирование визитных карточек для старшего преподавателя (ФИО) кафедры __ в количестве 100 штук.</p>	
Наименование должности	И.О. Фамилия

Пример 10

	Проректору по науке и международному сотрудничеству, руководителю Департамента международного сотрудничества
--	---

		Фамилия И.О. Зав. кафедрой __ Фамилия И.О.
СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА		
<p>Прошу считать следующих студентов приступившими к занятиям на пятом курсе ФСИЯ, специальность «...» с 01.09.20__ как вышедших из академического отпуска: (ФИО по списку).</p>		
«__» ____ 20__ г.		
Наименование должности	И.О. Фамилия	

Как уже отмечалось выше, диктумное содержание может быть выражено информативом, для которого характерно использование конструкций «*довожу до вашего сведения*» и глаголов-перформативов *информирую, сообщаем* и др. (см. примеры 4, 5).

Специфичной чертой служебной записки в СФУ является использование жанровой модификации жалобы, соответствующей в системе документационного обеспечения управления докладной записке. Композиционная структура такого типа текстов включает два компонента – производственную жалобу и последующую просьбу. Приведем характерный пример:

Пример 11

ФГАОУ ВПО «СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» Управление общежитиями	Проректору по науке международному сотрудничеству И.О. Фамилия
СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА	
№__ «__» ____ 20__ г. <i>О нарушении правил проживания</i>	
<p>Довожу до Вашего сведения, что студенты (ФИО) нарушили правила проживания в общежитии. На совете по делам общежитий были вынесены соответствующие меры дисциплинарного взыскания.</p> <p>В соответствии с п.5.1 Инструкции о делопроизводстве СФУ порядок подготовки, согласования и утверждения типовых приказов по университету представлен в приложении К. Согласно приложению К подразделением, отвечающим за подготовку, согласование и подписание приказа в отношении студента, является институт, в котором обучается студент.</p> <p>Просим подготовить приказ о применении дисциплинарного взыскания к данным студентам в срок до 15.12.20__ г., а так же передать копию данного приказа в Управление общежитиями.</p>	

Приложение: копия протокола совета по делам общежитий №__ от 04.12.20__ г. (4 л. В 1экз.), копии документов по нарушениям (7 л. В 1 экз.).

Наименование должности

И.О. Фамилия

Кроме того, нами были зафиксированы 2 служебные записки, диктумное содержание которых выражено в форме требования, что в значительной степени сближает их с жанром распоряжения, см. пример 12.

Пример 12

ФГАОУ ВО СФУ

Директорам институтов

Управление учета
и хранения документации

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

№__ «__» ____ 20__ г.

О передаче дел в архив

В соответствии с графиком передачи в архив дел постоянного срока хранения на 20 год (распоряжение №__ от 25.11.20__ г.), в период январь-март 20__ года *необходимо:*

- секретарям Ученых советов институтов оформить и передать в архив протоколы заседаний УС института и годовые планы работы УС института за 2013 год;
- сотрудникам, ответственным за делопроизводство на кафедрах, сдать протоколы заседаний кафедры, годовые планы и отчеты о работе кафедры за 2013–2014 учебный год.

Наименование должности

И.О. Фамилия

Характеризуя параметр языкового воплощения речевого жанра, отметим, что для служебной записки, как и для всей организационно-распорядительной документации, характерно использование средств официально-делового стиля – ограничение типов языковых единиц, единообразие речевых средств, использование профессиональной терминологии (*актуализация программ, образовательный стандарт, методическое обеспечение* и др.), специальных аббревиатур (*УС – ученые советы, ППС – профессорско-преподавательский состав, ЗЕ – зачетные единицы* и др.), аббревиатур в наименованиях институтов (*ИНиГ, ИФиЯК, ГИ*), широкое использование клишированных конструкций (*на основании, учитывая вышеизложенное, доvolu до Вашего сведения, в рамках реализации* и др.), существительных на -ние, предлогов, включающих в свой состав существительные (*в связи, в це-*

лях, в силу и др.), изложение текста от 1 лица единств. и мн. числа (*прошу, информируем*), преобладание сложных синтаксических конструкций.

С точки зрения оформления, несмотря на то, что в инструкции СФУ задан формуляр данного вида документа, в большей части служебных записок шаблон не выдерживается.

Пример 13

Образец оформления служебной записки

ФГАОУ ВПО СФУ		

наименование подразделения		Ректору СФУ
		Е. А. Ваганову
СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА		
« ____ » _____ 20__ г.		
О (Об) _____		
тема служебной записки		
Состав информации		
_____	_____	_____
должность	личная подпись	инициалы, фамилия
тел. _____		
номер телефона		

Таким образом, служебная записка в рамках документационного обеспечения университета является особым универсальным речевым жанром и характеризуется не строгим соответствием между составом информации и видом документа. Как было показано выше, она оформляет как вертикальные, так и горизонтальные коммуникации между подразделениями университета, имеет как инвариант разные жанровые реализации, в том числе соответствующие жанру докладной записки, и не только информирует, как указано в инструкции СФУ, но преимущественно побуждает к действию, а в от-

дельных случаях может нарушать дифференциацию модальных значений, заменяя распоряжение.

Особенностью реализации жанра служебной записки в документной коммуникации университета является использование личного местоимения *Вы* и притяжательного *Вас*, а также вежливого официального обращения в тексте по имени – отчеству, что в целом не характерно для данного жанра письменной официально-деловой речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басаков М.И. Делопроизводство (документационное обеспечение управления на основе ГОСТ Р 6.30-2003): учеб. пособие. М., 2010. 376 с.
2. Веселов П.В. Как составить служебный документ? // Русская речь. М., 1988. № 1. С. 48–51.
3. Евтушенко О.А. Письменное воплощение административного дискурса: служебные, докладные, объяснительные записки // Ученые записки Петрозаводского государственного университета, 2017. № 1. С. 46–50.
4. Журавлева М.В. Всё о записках: докладная, служебная, объяснительная [Электронный ресурс] // Секретарь референт, 2014. №4. URL: https://www.profiz.ru/sr/4_2014/vse_zapiski/ (дата обращения: 20.05.2017).
5. Инструкция по делопроизводству ФГБОУ ВО СФУ, 2010. 69 с.
6. Инструкция по делопроизводству ФГБОУ ВПО ТГУ, 2015. 73 с.
7. Копнина Г.А. Служебная записка // Эффективное речевое общение / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 618.
8. Кушнерук С.П. Документная лингвистика: учебное пособие. М.: Наука, 2012. 5-е изд. 254 с.
9. Милехина Е.В. Стратегия письменных коммуникаций. М.: ИНФРА-М, 2004. 156 с.
10. Подберезкина Л.З. Резолюция руководителя как речевой жанр // Экология языка и коммуникативная практика: сетевое издание. 2014. № 2. С. 132–139.

11. Федюрко С.Ю., Андросова О.А. Основные характеристики делового письма // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 2. С. 105–106.

12. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 2. С. 93–97.

Степанова Н.А.*

**СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ОТКРОВЕННОСТИ В БЫТОВОЙ
МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. СЭЛИНДЖЕРА
«НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ»)**

Аннотация: Статья посвящена изучению специфики выражения откровенности в английском языке. Источником материала исследования послужил роман Джерома Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (J.D. Salinger «The Catcher in the Rye»). В работе приводится типологизация ситуаций откровенного разговора и выделяются основные лингвистические особенности выражения откровенности.

Ключевые слова: откровенность, межличностная коммуникация, конфидент, откровенный разговор, доверие.

Abstract: The article is devoted to the peculiarities of expressing frankness in English. The book by J. D. Salinger "The Catcher in the Rye" was used for selecting the material. In this article the author presents the types of different situations of frank conversation and key features of expressing frankness.

Keywords: frankness, interpersonal communication, confidant, frank conversation, confidence.

В лингвистических исследованиях последних лет откровенность становится все более популярным объектом исследования, однако некоторые аспекты понятия откровенности в бытовой межличностной коммуникации все еще остаются неизученными. Цель данной статьи заключается в выявлении средств реализации откровенности в межличностном общении в английском языке.

Материалом исследования послужил единственный роман Джерома Дэвида Сэлинджера «Над пропастью во ржи» («The Catcher in the Rye»), который еще в 50-х годах XX века стал обязательен к прочтению у представителей западной интеллигенции. «Над пропастью во ржи» был воспринят читателями как некий прорыв в современной литературе, как исповедь целого по-

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент О.А. Прохорова.

колениа людей. А что такое исповедь? Это своего рода признание, посвящение в свои тайны, откровение, и прежде всего – откровение рассказчика, 17-летнего Холдена Колфилда, который и ведет откровенный разговор со своим собеседником, т.е. с читателями.

Откровенность является одной из важнейших составляющих межличностной коммуникации, и представляет собой специфический коммуникативный феномен, дифференциальными признаками которого являются ситуативная обусловленность общения, катартическая функция, личностно значимый характер сообщаемого, актуальная значимость Другого и доверительный характер общения [Наумова, 2015: 5].

Важно отметить, что сам по себе откровенный разговор является непубличным типом доверительной межличностной коммуникации и представляет собой максимально искренний рассказ о личных переживаниях [Наумова, 2015: 16]. «Правда откровенности» предполагает раскрытие другому человеку и является видом адресованной правды. Ее содержанием является новая для адресата информация, и касается она большей частью самого говорящего, той сферы его жизни, сообщение о которой не входит в норму повседневной коммуникации. «Правда откровенности» открывает сокровенное [Арутюнова, 1999: 561].

В бытовой межличностной коммуникации откровенный разговор может реализовываться по-разному, варьируясь по ряду параметров. Для проведения типологизации ситуаций откровенного разговора в художественном произведении существенными являются следующие критерии: интенция адресанта, подготовленность / неподготовленность откровенного разговора, дистанция общения коммуникантов.

Рассмотрим вариативные ситуации откровенного разговора, представленные в романе «Над пропастью во ржи».

В зависимости от интенции адресанта можно выделить **осознанный** и **вынужденный** откровенный разговор.

При **осознанном откровенном разговоре** доверитель сам выражает интенцию поговорить с конфидентом и демонстрирует осознанное желание выговориться.

All of a sudden I quit lighting matches, and sort of leaned nearer to her over the table. I had quite a few topics on my mind.<...>

HOLDEN: «Did you ever get fed up?» I said. «I mean did you ever get scared that everything was going to go lousy unless you did something? I mean do you like school, and all that stuff?»<...>

SALLY: «Well, I don't exactly hate it. You always have to—»

HOLDEN: «Well, I hate it. Boy, do I hate it,» I said. «But it isn't just that. It's everything. I hate living in New York and all. Taxicabs, and Madison Avenue buses, with the drivers and all always yelling at you to get out at the rear door, and being introduced to phony guys that call the Lunts angels, and going up and down in elevators when you just want to go outside, and guys fitting your pants all the time at Brooks, and people always—»

SALLY: «Don't shout, please,» old Sally said [Сэлинджер, 2016: 150–151].

Осознанность откровенности выражена разнообразными лингвистическими средствами. Прежде всего, фразой главного героя Холдена: «*I had quite a few topics on my mind*». Он задает своей подруге Салли вопросы: «*Did you ever get fed up?*»; «*I mean did you ever get scared that everything was going to go lousy unless you did something?*». Потом, перебивая ее, сам же на них отвечает, намереваясь выговориться, излить душу. В своей речи адресант использует стилистически окрашенные слова и фразы: «*Boy, do I hate it*». Мы также можем сделать вывод об излишней эмоциональности Холдена, поскольку Салли просит его говорить тише: это значит, что в данном случае откровенность выражается еще и интонационно.

При **вынужденном откровенном разговоре** на доверителя действуют различные экстралингвистические факторы (это могут быть сам конфидент,

стимулирующий собеседника поговорить, или алкоголь), которые подводят его к доверительной беседе.

MR. SPENCER: "What did Dr. Thurmer say to you, boy? I understand you had quite a little chat».

HOLDEN: "Yes, we did. We really did. I was in his office for around two hours, I guess».

MR. SPENCER: "What'd he say to you?»

HOLDEN: "Oh... well, about Life being a game and all. And how you should play it according to the rules. He was pretty nice about it. I mean he didn't hit the ceiling or anything. He just kept talking about Life being a game and all. You know.»

MR. SPENCER: «Life is a game, boy. Life is a game that one plays according to the rules».

HOLDEN: «Yes, sir. I know it is. I know it» [Сэлинджер, 2016: 11].

Откровенность в данном случае проявляется в вопросах, задаваемых учителем и подталкивающих подростка к доверительному разговору. Холден отвечает собеседнику, но отвечает несколько уклончиво, употребляя средства хезитации, свидетельствующие о том, что подросток подбирает слова, чтобы не быть излишне откровенным: *well, and, you know.*

В зависимости от степени подготовленности откровенный разговор можно подразделить на **подготовленный** (доверитель заранее обдумывает тему потенциальной беседы) и **спонтанный** (разговор происходит сиюминутно, незапланированно).

Следующий эпизод служит примером подготовленного откровенного разговора:

*Mr. Antolini didn't say anything for a while. He got up, got another hunk of ice, and put it in his drink, then he sat down again. You could tell **he was thinking.***
<...>

MR. ANTOLINI: «All right. Listen to me a minute now... I may not word this as memorably as I'd like to, but I'll write you a letter about it in a day or two.

<...> *This fall I think you're riding for—it's a special kind of fall, a horrible kind. The man falling isn't permitted to feel or hear himself hit bottom. He just keeps falling and falling. The whole arrangement's designed for men who, at some time or other in their lives, were looking for something their own environment couldn't supply them with. Or they thought their own environment couldn't supply them with. So they gave up looking. They gave it up before they ever really even got started. You follow me?»*

HOLDEN: «Yes, sir».

MR. ANTOLINI: «Sure?»

HOLDEN: «Yes» [Сэлинджер, 2016: 215–216].

О подготовленности откровенного разговора в данном случае, прежде всего, свидетельствует фраза «*he was thinking*», из которой следует, что человек обдумывал свои слова и готовил себя к совершению разговора. Антолини пытается предостеречь Холдена, затрагивает важные жизненные аспекты и неоднократно переспрашивает, слушает ли его Холден, что говорит о том, что ему важно, чтобы последний его услышал.

Примером спонтанного откровенного разговора является следующий отрывок:

All I said was English was my best subject.

A NUN: «Oh, really? Oh, I'm so glad!» the one with the glasses, that taught English, said. «What have you read this year? I'd be very interested to know». She was really nice».

HOLDEN: «<...>I read The Return of the Native by Thomas Hardy, and Romeo and Juliet and Julius—»

A NUN: «Oh, Romeo and Juliet! Lovely! Didn't you just love it?» <...>

HOLDEN: «<...>All those Montagues and Capulets, they're all right—especially Juliet—but Mercutio, he was—it's hard to explain. He was very smart and entertaining and all. The thing is, it drives me crazy if somebody gets killed— especially somebody very smart and entertaining and all—and it's somebody else's fault. Romeo and Juliet, at least it was their own fault». <...>

A NUN: «*You're a very sweet boy. <...> We've enjoyed talking to you so much*», she said [Сэлинджер, 2016: 128–129].

Из представленной ситуации становится ясно, что герои познакомились в баре и случайно завели разговор друг с другом, начав обсуждать книгу. Поэтому можно сказать, что откровенный разговор, происходящий между участниками общения, спонтанен. Откровенность реализуется за счет вопросительных и восклицательных предложений со стороны монахини: «*Oh, really? Oh, I'm so glad!*»; «*What have you read this year? I'd be very interested to know*». Холден охотно отвечает на вопросы, поскольку интересуется литературой; он дает полную характеристику книги и выражает свои эмоции, связанные с ней.

В зависимости от **дистанции общения** откровенный разговор можно разделить на разговор с близкой дистанцией общения (между близкими людьми) и далекой дистанцией общения (между едва знакомыми людьми).

Пример откровенного разговора с близкой дистанцией общения:

HOLDEN: «*I like Allie,*» I said. «*And I like doing what I'm doing right now. Sitting here with you, and talking, and thinking about stuff, and—*»

PHOEBE: «*Allie's dead—you always say that! If somebody's dead and everything, and in Heaven, then it isn't really—*»

HOLDEN: «*I know he's dead! Don't you think I know that? I can still like him, though, can't I? Just because somebody's dead, you don't just stop liking them, for God's sake—especially if they were about a thousand times nicer than the people you know that're alive and all*» [Сэлинджер, 2016: 197].

В данном отрывке младшая сестра Холдена Фиби обвиняет его в вечном недовольстве жизнью. Холден возражает и, откровенничая, пытается убедить Фиби в обратном, перечисляя все, что он любит: «*And I like doing what I'm doing right now. Sitting here with you, and talking, and thinking about stuff, and—*». Также он использует эмоциональные восклицательные и вопросительные предложения: «*for God's sake*», «*I know he's dead!*», «*Don't you think I know that?*».

Демонстрацией откровенного разговора с дальней дистанцией общения служит диалог Холдена со случайной знакомой:

A WOMAN: «Oh, do you go to Pencey?» she said. <...>

HOLDEN: «Yes, I do», I said.

A WOMAN: «Oh, how lovely! Perhaps you know my son, then, Ernest Morrow? He goes to Pencey».

HOLDEN: «Yes, I do. He's in my class». <...>

A WOMAN: «Ernest's father and I sometimes worry about him», she said. «We sometimes feel he's not a terribly good mixer».

HOLDEN: «How do you mean?»

A WOMAN: «Well. He's a very sensitive boy. He's really never been a terribly good mixer with other boys. Perhaps he takes things a little more seriously than he should at his age» [Сэлинджер, 2016: 63–65].

В данном случае собеседники едва знакомы: они случайно завели разговор, оказавшись в одном поезде, однако через несколько минут разговора женщина делится с Холденом проблемой, носящей семейный характер. Маркерами откровенности являются разные лингвистические приемы: эпитеты («*a terribly good mixer*»), парцелляция («*Well. He's a very sensitive boy*»), вопросительные предложения («*Perhaps you know my son, then, Ernest Morrow?*»).

Таким образом, в результате проведенного исследования была проведена типологизация ситуаций откровенного разговора в бытовой межличностной коммуникации, определены лингвистические средства, репрезентирующие откровенность в англоязычном художественном произведении. Дальнейшего изучения требуют дополнительные критерии, существенные для доверительного разговора: канал коммуникации, количество участников и другие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1999. 561 с.
2. Наумова М.М. Откровенность в межличностной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2015. 25 с.
3. Рязанова А.П. О способах экспликации доверия и недоверия в современном английском языке // Вестник ЧГПУ. 2012. Вып. 3. С. 360–368.
4. Сэлинджер Дж.Д. Над пропастью во ржи: книга для чтения на английском языке. Санкт-Петербург: Антология: КАРО, 2016. 288 с.

Шаповал Е.Ю.*

СЕМАНТИКА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВОСПРИЯТИИ ПАЦИЕНТОВ-АФАТИКОВ

Аннотация: В исследовании предпринимается попытка выявить и описать нарушения выражения афатиками пространственных отношений при синтезе речи на материале аудио- и видеозаписей живой речи пациентов. Рассматриваются понятие афазии и ее типы, понятие предлога как средства вербализации пространственных отношений. С помощью методов контекстного и коммуникативного анализа, элементов качественно-количественного анализа выявляется ряд систематических нарушений употребления афатиками пространственных предлогов. Актуальность исследования обусловлена практическим решением проблемы понимания афатиками пространственных отношений и их выражения с помощью соответствующих лексических средств.

Ключевые слова: афазия, типы афазии, пространственный предлог, пространственные отношения, семантическая афазия

Abstract: The research focuses on disturbances of expressing spatial relations by patients suffering from aphasia. Audio and videos of the live speech of the patients are used as material. The author considers the concept of aphasia and its types as well as a concept of preposition as an agent of spatial relations verbalization. By means of methods of contextual and communicative analysis, the elements of qualitative and quantitative analysis, the systematic disturbances of spatial prepositions use are distinguished. The relevance of this research is explained by a practical solution of the problem of patients' comprehension of spatial relations and their expression with the appropriate lexical units.

Keywords: aphasia, types of aphasia, spatial preposition, spatial relations, semantic aphasia.

Одним из наиболее значимых и интересных с точки зрения семантики средств выражения пространственных отношений в языке являются предлоги. В современной науке о языке изучению семантики лексических единиц уделяется огромное внимание.

Однако существуют заболевания, при которых у людей наблюдаются нарушения вербализации пространственных отношений. В данном исследовании наблюдение таких нарушений ведется у пациентов-афатиков – людей, перенесших инсульт. В Российской Федерации заболеваемость и смертность

* Научный руководитель – д-р филол. наук, профессор А.В. Колмогорова.

от инсульта остаются одними из самых высоких в мире. Одним из наиболее инвалидизирующих проявлений инсульта является афазия. Речевые нарушения выявляются у 35 % больных [Щербакова, Котов, 2014: 792]. Под термином афазия понимается нарушение речевой деятельности, для которого характерна частичная и полная утрата возможности восприятия речи окружающих и использования слов и фраз с целью выражения собственных мыслей. Классификация афазий обусловлена поражением коры в доминантном полушарии при одновременном отсутствии нарушения в работе слуха и артикуляционного аппарата [Неврньюс, 2015]. Детальное изучение значения предлогов с использованием когнитивного подхода дало бы возможность установить содержание пространственных концептов, актуализируемых предлогами, а также оказать лингвистическую помощь в реабилитации пациентов. Следовательно, цель настоящего исследования заключается в выявлении и описании нарушений выражения афатиками пространственных отношений при синтезе речи и создании методического пособия лингвистической помощи в реабилитации пациентов.

Материалом для исследования послужили записи живой речи пациентов-афатиков. Отбор материала происходил при помощи аудио- и видеозаписи речи больных. Методом сплошной выборки из записанного материала отбирались фрагменты, подразумевающие предлоги; составлялись скрипты для этих фрагментов. В работе использованы элементы качественно-количественного анализа; анализ семантики русских предлогов; метод классификации; метод контекстного анализа; метод коммуникативного анализа.

При афазиях проявляются системные нарушения речевой функции, охватывающие все языковые уровни фонологии, включая фонетику, лексику и грамматику. Клинические картины афазий неоднородны. Различия между ними обусловлены прежде всего локализацией очага поражения. Существуют так называемые речевые зоны мозга: задние отделы нижней лобной извилины, височные извилины, нижняя теменная область, а также зона, располо-

женная на стыке теменной, височной и затылочной областей левого доминантного полушария головного мозга [Шкловский, Визель, 2000: 23].

Выдающийся советский нейропсихолог А.Р. Лурия уделял большое внимание изучению высших корковых функций человека и нарушений, возникающих при локальных поражениях мозга. Профессор создал классификацию афазий, которая является популярной и актуальной и в наши дни.

Виды афазий по Лурия:

- 1) афферентная моторная афазия;
- 2) эфферентная моторная афазия;
- 3) динамическая афазия;
- 4) сенсорная (акустико-гностическая) афазия;
- 5) акустико-мнестическая афазия;
- 6) семантическая афазия

[Цит. по: Ахутина, 2015, с. 11–13].

Каждая из упомянутых форм афазии обусловлена поражением определенной зоны мозга и имеет различную сопутствующую симптоматику и клинические проявления. С лингвистической точки зрения наибольший интерес вызывает семантическая афазия.

Семантическая афазия возникает при поражении теменно-затылочных областей левого доминантного полушария. Основным проявлением речевой патологии при этом виде афазии является импрессивный аграмматизм, то есть неспособность понимать сложные логико-грамматические обороты речи. Этот дефект является, как правило, одним из видов более общего расстройства пространственного гнозиса, а именно способности к симультанному синтезу. Поскольку во фразовой речи основными «детальными», связывающими слова в единое целое (логико-грамматическую конструкцию), служат грамматические элементы слов, основную трудность для больных представляет выделение этих элементов из текста и понимание их смысловой роли, особенно пространственной (пространственные предлоги, наречия и т.д.). При этом способность к улавливанию формально-

грамматических искажений (ошибок «согласования») остается у этих больных сохранной [Невроньюс, 2015]. Кроме того, при семантической афазии наблюдается нарушение семантики (понимания глубинного смысла слова).

Такие формы афазии обусловлены локализацией очага поражения головного мозга в задних отделах левого полушария. При этом семантическая афазия встречается довольно часто, отличается тяжестью речевых расстройств и, к сожалению, невысокими результатами логопедической коррекции. Причинами невысоких результатов восстановления при задних формах афазий являются отсутствие систематизированных методик восстановления, учитывающих структуру когнитивного дефекта, основанных на результатах современных исследований, и отсутствие взаимодействия специалистов, занимающихся реабилитацией таких больных [Щербакова, Котов, 2014: 792]. Этим также объясняется актуальность настоящего исследования.

Экспрессивная речь у больных с данной формой афазии практически не изменена. Можно отметить лишь ограничение числа сложных логико-грамматических оборотов речи, более редкое (в сравнении с нормой), использование пространственных предлогов и слов с пространственным значением. Понимание ситуативной и неситуативной речи доступно в том случае, если в ней отсутствуют сложные логико-грамматические обороты речи. Тексты, содержащие логико-грамматические построения, как правило, понимаются больными с трудом. При этом может иметь место преобладание трудностей понимания сложных конструкций того или иного типа: атрибутивных, возвратных, страдательных, инвертированных, пространственных и т.д. Эти нарушения понимания являются следствием характерного для больных этой группы импрессивного аграмматизма. Больных затрудняет также понимание значений пространственных предлогов и отдельных морфем, например, приставок со значением удаления, приближения и т.д. Кроме того, больные не в состоянии соотнести значение предлога со схемой, изображающей пространственные взаимоотношения объектов [Шкловский, Визель, 2010: 38].

Градации тяжести семантической афазии определяются условно и связаны с выраженностью импрессивного аграмматизма. Считается, что данный синдром может протекать лишь в средней и легких степенях тяжести. Однако мы наблюдали пациентов, у которых данный синдром протекал в грубой степени выраженности, что выражалось в нарушении зрительного предметного гнозиса, грубом нарушении зрительно-пространственного восприятия, акалькулии, апрактагнозии, недоступности понимания простейших предложно-падежных конструкций [Щербакова, Котов, 2014: 793].

Поскольку одним из наиболее распространенных проявлений семантической афазии является проблема выделения из текста грамматических элементов и понимание их смысловой роли, в особенности пространственной, объектом настоящего исследования были выбраны лексические средства выражения пространственных отношений в речи, а именно предлоги.

Особую трудность представляет собой понимание термина «значение» в отношении предлогов, так как достаточно долгое время в лингвистике выражение «значение предлога» отождествлялось только с его грамматическим значением. Это было связано, с одной стороны, с различным пониманием природы грамматического значения, а с другой – с недостаточной изученностью значения самих предлогов и их принадлежностью к служебным словам, основная функция которых – оформлять подчинение одного знаменательного слова другому в словосочетании и предложении [Бороздина, 2010: 134].

Исследования последних лет, показавшие, что предлоги не только не лишены лексического значения, но и имеют сложную семантическую структуру, позволяют дополнить традиционное определение лексического значения предлогов, которое определяется как «указание на то или иное отношение» [Русская грамматика 1980: 710]. О.Н. Селиверстова указывала на то, что лексическим значениям предлогов соответствуют некоторые общие понятия, такие как пространство, время, причина и т.д., которые в комбинации с грамматическим значением предлога представляются как отношения с распреде-

ленными актантными ролями, приписываемыми денотатам знаменательных слов [Бороздина, 2010: 135].

Предлоги, используемые для выражения пространственных отношений, представляют собой закрытую лексико-грамматическую систему, где каждый член системы представлен определенным набором семантических признаков. Совершенно очевидно также, что пространственные отношения чрезвычайно важны для человека, поэтому данные отношения дублируются в языке на разных уровнях. В частности, данные отношения четко выражены на лексико-семантическом уровне при помощи различных лексем, прежде всего прилагательных [Морозова, 2015: 356].

Вслед за О.Н.Селиверстовой, в качестве основного объекта исследования были выбраны следующие слова: в, на, у, из, к, возле, около, рядом, вблизи, вдали; близко, далеко, недалеко. Выбор перечисленных выше предлогов и наречий определяется частотностью их употребления в речи для описания элементарных пространственных отношений.

Исследовательская процедура заключается в отборе из аудио- и видео записей фрагментов, подразумевающих пространственные предлоги, и распределении отобранного материала последующим категориям:

- предлоги, употребленные правильно (65%);
- предлоги, употребленные неправильно (23%);
- предлоги, которые подразумеваются, но в речи пациента отсутствуют (12%).

Согласно «Новому частотному словарю русской лексики» О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова, самыми частотными пространственными лексическими единицами являются «в» (частота 31374.2), «на» (частота 15867.3), «к» (частота 5389.0), «из» (частота 4314.1). Все эти предлоги использовались пациентами при таком же распределении и частотности. Кроме того, пациентами назывались такие пространственные лексемы как «у» (частота 4306.1), «вниз» (частота 100.7), «возле» (частота 111.0), «там» (частота 20.0), «где»

(частота 1129.2). Предлог «с» некоторыми пациентами использовался в значении «из».

На первоначальном этапе анализа аудио материала было выявлено, что наиболее часто из спонтанной речи афатика «выпадают» предлоги «в» (25% от общего числа употребленных/предполагаемых) и «на» (12%). Как следствие, наблюдается нарушение согласования предиката и обстоятельства. Следует отметить, что трудность в употреблении данных предлогов возникает у пациентов, выстраивающих связный монолог о себе, в то время как при описании показываемых им изображений эти же предлоги используются правильно (при этом наблюдается нарушение в согласовании в 7% случаев). Это является характерным признаком динамической афазии и называется «речевой инактивностью». Нарушается спонтанная развернутая повествовательная речь. Больной неохотно отвечает на вопросы, предпочитает молчать. Автоматизированная речь, повторения сохранены.

Например:

Пациент 1 [Б], рассказ о себе (средняя степень афазии):

- [А] Где ты живешь?
- [Б] Я живу Назарово

- [А] В какой город ты приехал?
- [Б] Я ехал Красноярск

- [А] Где стоят книги?
- [Б] Книги стоят шкаф_

Пациент 1 [Б], работа с изображениями:

- [А] Где стоит цветок?
- [Б] Цветок стоит на столе

- [А] Где лежит письмо?
- [Б] Письмо лежит в книге

Это позволяет предположить, что семантическая афазия оказывает влияние главным образом на способность пациента к симультанному синтезу речи, в то время как при работе по определенной модели (вопрос-ответ в одной форме), нарушений употребления пространственных глаголов не наблюдается. Следовательно, у пациента могут наблюдаться проявления сразу нескольких форм афазии.

Встречаются случаи, при которых предлог не «выпадает» и употребляется правильно, однако, нарушается порядок согласования.

Например:

Пациент 2, рассказ о себе, монолог (средняя степень афазии):

Я живу мама, Любаша // Metallургов, в роца // Metallургов двадцать пять, в квартира 87.

На данном этапе исследования случаев неправильного употребления/выпадения предлогов «у», «с» (в значении «из»), «возле» и «где» обнаружено не было. Анализируя уже имеющийся материал, мы выявили, что между полисемичностью предлога и успешностью его употребления в речи афатика существует обратная зависимость: вероятность нарушения употребления многозначного предлога гораздо выше, нежели однозначного. Возможно, это связано с отсутствием разнообразия механизмов согласования – однозначный предлог «автоматически» употребляется верно. Кроме того, в 70% случаев предлог употребляется (предполагается) афатиком в локативном значении («Жить в Назарово», «Ехал мужик на лошади», «Цветок стоит на столе» и т.д.), и эти случаи можно отнести к статической локализации. Реже встречаются предлоги со значением направления движения («Я ехал в Красноярск», «Веревка упала в ведро»), которые можно отнести к динамической локализации.

Таким образом, чем более частотен предлог, тем выше процент неправильного его употребления или выпадения из речи. Следовательно, реабилитацию необходимо начинать с работы с более частотными предлогами. Кроме того, при восстановительном обучении представляется важным уделять

внимание не только наглядному изображению простых пространственных отношений и заполнению пропущенных в предложении лексических единиц, но также и синтаксическому компоненту, а именно падежному согласованию, согласованию по времени и числу.

Таким образом, главная задача настоящего исследования состоит в том, чтобы выявить особенности употребления предлогов в речи афатиков в сравнении с нормой и установить корреляции между факторами частотности и полисемичности предлогов в языке, с одной стороны, и явлениями их сохранности или, наоборот, дефектности в речи пациентов с семантической афазией – с другой. На основании проведенного анализа, при консультационной поддержке специалистов, представляется возможным улучшить уже имеющиеся методики восстановительного обучения при семантической форме афазии.

Следует иметь в виду определенную условность приводимых речевых статусов, поскольку на практике достаточно редко встречаются «чистые» случаи, строго укладывающиеся в стандартные клинические картины. Нельзя забывать и об индивидуальных особенностях того или иного афазического синдрома. Однако, апеллируя определенными сходствами в симптоматике разных групп пациентов, можно создать общую методику лингвистической помощи, которую, в зависимости от каждого конкретного случая, можно будет дополнять.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ динамической афазии. О механизмах построения высказывания. М.: Теревинф, 2012. 144 с.
2. Ахутина Т.В. Подход к афазии А.Р. Лурии и казанская лингвистическая школа // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Международная конференция (ВБодуэновские чтения): Труды и материалы. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2015. С. 11–13.

3. Бороздина И.С. Изучение содержания языкового выражения пространственных отношений в рамках когнитивной лингвистики // Вестник ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. СПб: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2010. С.231–250.
4. Бороздина И.С. Предлоги как специфическое средство вербализации пространственных отношений // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, 2010. С. 134–138.
5. Бороздина И.С. Русский предлог с/со и основные пространственные характеристики описываемых денотативных ситуаций // Вестник челябинского государственного университета. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2013. С. 19–24.
6. Бороздина И.С. Содержание пространственных концептов, актуализируемых русским предлогом «из» // Известия Юго-Западного государственного университета. Лингвистика и педагогика. Курск: ЮЗГУ, 2015. С. 23–28.
7. Визель Т.Г. Вопросы прогноза коррекции речевого развития и восстановления речи при афазии // Вестник угроведения. Ханты-Мансийск: Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 2015. С.124–130.
8. Морозова Н.Н. Выражение пространственных отношений в когнитивной семантике // Преподаватель XXI век. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2015. С. 353–363.
9. Невроньюс. Новости неврологии // Классификация афазий по А.Р. Лурия [Электронный ресурс] // 2015. URL: <http://neuronews.ru/index.php/spravochnye-materialy/shkaly-i-testy/item/570-klassifikatsiya-afazij-po-a-r-luriya> (дата обращения: 12.05.2017).
10. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.

11. Шкловский В.М., Визель Т.Г. Восстановление речевой функции у больных с разными формами афазии. М: «Ассоциация дефектологов», 2000. 96 с.

12. Шохор-Троцкая М.К. Коррекционно-педагогическая работа при афазии. М: «Институт общегуманитарных исследований», 2002. 182 с.

13. Щербакова М.М., Котов С.В. Семантическая афазия. Обследование и реабилитация больных // Русский медицинский журнал. Москва: Доктормедиа, 2014. С. 792–794.

Шароглазова Т.А.*

ЛИНГВОКРЕАТЕМЫ В ТВОРЧЕСКИХ РАБОТАХ ПОДРОСТКОВ

Аннотация: В настоящей статье анализируются творческие работы школьников, выложенные ими на сайте wattpad.com. Языковой материал уникален, так как является фиксацией как устной, так и письменной речи подростков, что обусловлено характером данного сайта. Основная цель статьи – установить факты языковой игры и определить их функции в текстах творческого характера. Данное исследование позволяет выявить сформированность лингвокреативных навыков подростков.

Ключевые слова: лингвокреативная деятельность школьников, корнесловие, словотворчество, лингвистика креатива, лингвокреатемы.

Abstract: In this article the creative works of the schoolchildren posted on wattpad.com are analyzed. The language material is unique as it fixes both oral and written speech of adolescents due to the nature of this website. The main goal of the article is to establish the facts of the language game and determine their functions in the texts of creative nature. This research identifies the linguistic and creative skills of adolescents.

Keywords: linguocreative activity, etymology, wordformation, linguistics of creativeness, creative mind.

В настоящем исследовании представлен анализ творческих работ подростков на сайте wattpad.com с целью выявления сформированности лингвокреативных навыков у подростков.

Сайт wattpad.com основан в г. Торонто, Канада. Это пространство, созданное для того, чтобы люди, желающие писать, имели возможность представить свои творческие работы на суд других людей. Авторы работ должны придумать никнейм при регистрации и имеют возможность рассказать о себе в профиле. Авторы текстов при желании могут остаться неизвестными, что способствует свободному выражению своих мыслей.

Так как мы рассматриваем факты языковой игры, то необходимо сказать, что такое языковая игра. Вслед за А.П. Сковородниковым мы понимаем языковую игру в «широком» смысле, т. е. «такое использование риториче-

* Научный руководитель – д-р филол. наук, доцент И.В. Евсева.

ских приемов (приемов речевой выразительности), которое направлено на создание остроумных, преимущественно комических высказываний, обладающих качествами меткости, оригинальности и неожиданности, а факультативно – качествами эксцентричности, эпатажности и причудливости в разных наборах и комбинациях» [Сковородников, 2010: 62].

Границы различения фактов языковой игры и собственно употребления выразительных средств размыты. Однако иногда это различие отчетливо видно. Языковая игра обладает большей экспрессией и, как следует из определения, часто имеет оттенок комического.

На сайте wattpad.com нами было вычленено 4 текста, авторами которых являются подростки – учащиеся школ г. Красноярска. Из этих текстов было выявлено и проанализировано около 140 фактов языковой игры. Среди этих фактов языковая игра встречается на всех языковых уровнях. Кроме того, в текстах нами была выявлена графо-орфографическая игра и ролевые маски как разновидность авторского маскарада.

Рассмотрим типы языковой игры более детально на примерах. В иллюстративном материале авторская орфография и пунктуация сохранены.

Собранный языковой материал является уникальным, так как совмещает в себе устную и письменную речь. Авторы понимают, что их не слушают, а воспринимают визуально, это порождает использование различных графических средств, отражающих фонетические особенности речи. Уникальность материала также заключается и в том, что авторы могут менять свои тексты в любое время. И то, что было зафиксировано нами сегодня, уже завтра может быть откорректировано автором.

Анализ материала начнем с представленности языковой игры на языковых уровнях. Необходимо помнить, что уровни языка тесно взаимосвязаны и часто изменения на одном уровне могут повлечь изменения на другом. Остановимся сначала на фонетическом уровне.

Для фонетического уровня характерно искажение звуковой оболочки. Чаще всего это вставка, выпадение и замена звуков, например, несколько вариантов популярного в повседневной речи слова-паразита **блин**. Сравните:

*Принц **блен**. Со мной такое не прокатит;*

*Дверь и вправду была закрыта. Но каким **балин** образом?*

Если слово «блин» звучит привычно, то изменение звука режет слух, что делает высказывание более заметным в потоке речи и более эмоциональным. Намерения автора сделать слово более выразительным проясняются и благодаря примерам, содержащих нейтральный вариант (из того же текста): *Мы гуляли по парку, под светом полной луны. Романтик **блин***. Автору данного исследования не раз приходилось сталкиваться с подобными фактами языка в педагогической практике. Такие изменения в словах сопровождаются особой надменной или растянутой интонацией, выделяющей слова в речи.

Иногда приемы могут накладываться друг на друга. Например, выпадение звуков и одновременная их замена, как в слове **сейчас**: *-Что, испугалась? - сам нервным голосом спросил парень. / -Ага, **счаз**. А сам-то*. Интересно, что в речи русскоязычных людей закреплено разговорное произношение слова сейчас – **щас**, и в приведенном примере автор намеренно озвончает согласные, делает их более напряженными, тем самым выделяет слово. А вот в другом примере слово **нормально** артикуляционно является более напряженным, автор высказывания, чтобы выделить его в потоке речи, расслабляет артикуляцию, и не произносит дрожащий **р** и щелевой **л**. Ср., *Двое подростков сидят в подвале. В заброшенной психушке. **Намана**. На мне оказалась куртка*.

Еще один прием фонетической игры также относится к замене звука: *-НИКА, НУ НАДО МНЕ! ПУСТИИИИ!/-НУ Я Ж СКУЧАТЬ БУДУ!! -Я ТО ОЖЕ! ВСЕ, ПУСТИ!/-Нет*. В данном случае замена [т] на [т'] делает речь похожей на речь ребенка. Персонаж как бы надевает маску младенца.

Языковая игра на уровне фонетики делает установку на неофициальность, интимность, «свойкость» общения (термин Б.Ю. Нормана).

На словообразовательном уровне присутствуют языковые единицы, образованные методом корнесловия. Распространенным приемом является образование форм существительных с помощью суффиксов *-ашк /-яшк-*, *-к-*, *-ик-*, которые придают уменьшительно-ласкательный оттенок. Например: *Прикупив немного вещей в ВВW (bathandbodyworks), Bershka и еще в книжном, я уже выбирала **вкусняшки** в супермаркете.; Потом я нашла Лизу и Влада. Прямо **скромняшки**, но оба светились от счастья.; -Воу какие люди! - я налетела на них с **обнимашками**.*

Встречаются и префиксальный способ образования слов. Здесь суф. *очк*, с приставкой *-недо* **Недопарочка** блин. Это всё корни с закреплённым значением в словарях.

Однако можно встретить и результат словотворчества:

*- Напомни мне свое имя тоже, сказал **челкастик**.*

Так, в словаре было обнаружено слово **Челкастый** – «это человек, носящий челку как элемент прикида молодежной субкультуры типо эмо» <...> «Это молодёжное движение, не имеющее четких правил. Главное носить узкачи, кеды, рубашки и конечно же иметь красивую, длинную челку. Приветствуются нестандартные и яркие цвета, по типу зеленого, фиолетового и так далее» [Словарь молодежного слэнга. URL: <http://teenslang.su/id/15851>]. Это слово образовано по известной продуктивной модели, работающей в сфере соматической лексики, с помощью основы прилагательного и суффикса *-ик-* (ср., *глазастый* – *глазастик*, *щекастый* – *щекастик* и др.)

Еще один пример словотворчества связан с усечением основы и добавлением суффикса *-к*: *Через час я стояла у двери в балоневых штанах и свитере. Не понимаю почему девочки моего возраста не носят «балонки»?*

Это типичный способ словообразования для разговорной речи. Такой прием встречаем и для прилагательного *домашняя*. Сравните:

*То есть как это? Как это? Не сделала **домашку**?*

Преобладает также способ сложения основ, например, - *Все хорошо, правда она немного вену задела лезвием, но все обошлось.- Это она ножом?- Именно.- Ну, рукопопостью я пошла в нее...* суффикс *-ость* указывает на свойство субъекта, слово образованно от выражения «Руки из ... растут».

Встречаются такие лексические единицы, которые описывают целую ситуацию и являются неким выводом, итогом, например: *Сомневаюсь, что кто-нибудь будет читать этот бред. Но должно быть интересно! (Л-Логика) Приятного чтения.; -Ника ты гений! А то я уже хотела закрытый выбрать, с моей фигурой... - обалдеть. И она-то так о себе думает? Д-девушки.*

У таких единиц с трудом можно обозначить способ образования. Он не является аббревиатурным смешанным типом, так как за буквой должно идти определенное значение, а в данной ситуации буква и слово имеют равное значение. Первая буква выражает все слово, а слово, присоединенное к букве, поясняет значение самой буквы. При этом нельзя назвать только букву, так как за буквой не закрепляется конкретное значение, оно ситуативно и каждый раз меняется. Прием имеет комический или остроумный оттенок, если сказать или сделать что-то противоречивое, или несвойственное для описываемого объекта, а также, если в ситуации нарушена логика. Интересно, что подростки идут дальше и обыгрывают сам прием. Ср., *-Ты идиот, придурок, самовлюбленный болван, имбицил. Недоразвитый таракан. / Я обняла его за шею и поцеловала. Г-логика.*

В данном случае в коммуникативной ситуации нарушена логика действий. Так как подобные факты определяются по первой букве (Д-девушки, Л-логика), что логично, автор решает нарушить эту логику и в образовании самого приема.

Изменения на уровне словообразования тесно связаны с лексическим уровнем.

Довольно распространенным приемом языковой игры на уровне слова является называние «чужим» именем, или придание слову чужой оболочки.

Кавычки являются средством, показывающим, что слово употреблено не в своем значении, например, *Хватит обманывать. Я с тобой почти 16 лет живу все знаю про твои «отчеты». Букет от «отчета»?; -Привет. Тебя сегодня не было? Твоя подруга сказала, что ты не приходила в школу. Все в порядке? - забеспокоилась "мамочка". / -И тебе доброе, Алекс. Все в порядке, мамуль, чего так распереживалась? - я засмеялась в трубку.*

Данный прием может быть передан описательным оборотом, например, *А где женщина всей моей жизни? Пара протяжных гудков. / -Мам, ты где? Или, например, Может нужно вылить эту жижу на сковороду, а затем переложить туда овощи. Нет я не хочу рисковать поэтому просто уберу данное непонятное существо в холодильник, а овощи съем.*

Подобные описательные обороты нельзя назвать перифразами, так как перифраза подразумевает наличие характерных признаков. В первом случае отсутствует компонент «родитель», который характерен для слова *мама*. А фраза *данное непонятное существо* может относиться вообще к любому объекту.

Для речи подростков также свойственен такой речевой прием как гипербола. Однако гипербола из средства речевой выразительности может перерасти в прием создания языковой игры. Сравним два примера: *И кто же довёл меня до такого состояния что я съедаю за вечер пол дома?* И *Моя челюсть отвисла до ядра земли.* В первом случае перед нами классический пример гиперболы. А вот во втором примере игровой потенциал гиперболы реализуется через трансформацию устойчивого выражения *челюсть отвисла до земли*. Дело в том, что *до земли* уже является преувеличением. Сочетание *до ядра* усиливает экспрессию, что позволяет говорить о гиперболе уже иного рода – игровой.

К лексическим средствам создания языковой игры относится антифразис. «Антифразис – троп, основанный на отношениях контраста и состоящий в употреблении слова в значении, противоположном обычному, в сочетании с особым интонационным контуром и с опорой на подтекст или текст, по-

могающий понять истинное значение сказанного», также широко представленный в рассказах подростков» [Хазагеров, Ширина 1999]. Данный прием широко представлен в рассказах подростков.

«Да что этот водила так тащится. Уже без пятнадцати а мы еще на нужную улицу не свернули Вот ведь...» - я мысленно проклинала водителя за его **«супер-скорость»**.

-Ты как? Голова не болит? - спросил Влад. Я ощупала голову. Перевязана. Кисти тоже были перевязаны. Щека немного болела. Видимо пощечина сильная была. На руках и ногах красовались синяки. Да я сейчас просто в наилучшем состоянии. Хоть замуж выходи.

Языковая игра на синтаксемном уровне. На фоне готовых фраз и выражений (*От такого отдыха нужна еще неделя отдыха; Пять минут и готово; Ловкость рук и ничего больше; Все или ничего и др.*) ярко выделяется нарушение изосемии (термин Г.А. Золотовой) синтаксических и лексических значений, т.е. субъект и объект меняются местами, например:

*Наконец-то я **отмученная физикой и химией**, которые якобы «пригодятся нам в жизни» отправилась домой.; Ну ладно потом разберусь а сейчас иду завтракать ведь мой живот уже начинает на меня **«ворчать»**; я подумала поспать еще минут 5, но как вы наверное догадываетесь **мои глаза соизволили открыться** в 7. 35.*

Такие приемы характеризуются снятием с себя какой-либо ответственности за происходящее. Этот прием можно расценить и как надевание маски «скромника».

В творческих работах зафиксирован также прием языковой игры, когда обозначаемое как действие или предмет, на самом деле не является этим действием или предметом в полном смысле слова. Говорящий как бы делает «шаг назад». Ему соответствуют схемы, данные здесь по степени распространенности:

V, ну как V... на самом деле V₁, например, *Знаете что Соня сделала на зло Владу? Обняла Ника и поцеловала его. Ну как поцеловала. Ник спрятал губа, а девушка как дура стояла;*

N, ну как N, на самом деле N₁, например, *Вообще у нас есть школьная форма. Ну как форма – главное, чтобы одежда была не яркая, а так всем пофиг;*

Adv, ну как Adv... на самом деле Adv₁, например, *Я вышла в коридор где меня уже ждали друзья которые любезно согласились помочь с вещами. Ну как любезно. Согласились за угощения в честь новоселия. Говорящий постоянно играет со значениями.*

Характерно использование такого риторического приема, как парцелляция («стилистический прием, заключающийся в расчленении единой синтаксической структуры – предложения – на несколько интонационно-смысловых единиц – фраз» [Культура русской речи..., 2003]). *Сейчас 6 часов. Я приготовила покушать. Раздался сильный стук в дверь. Я открываю. Ник. Злой. Очень. За ним Влад. Чувствую, мы попали.; Я решила надеть платье. Да. Сама. Без уговоров.*

Каждый следующий парцеллят вводит новые детали ситуации для выражения большей экспрессии, а за счет нарастания уточняющей информации создается комический эффект. Однако авторы сочинений доводят этот прием до крайности и отделяют точками даже служебные части речи. Сравните:

Вот он, мой шанс. Я вылезла из-под Ника и собралась бежать. Только есть одно но. Я. Запуталась. В. Одежде.; Когда я возвращалась на кухню то застыла в дверном проеме. Мама. Целовалась. С. Артуром! Точки играют роль пауз в разговорной речи. Каждое слово должно произноситься в потоке речи отдельно.

В текстах школьников можно найти примеры градации, при этом чаще всего данный прием смешан с другими приемами, например:

Я даже не против с ними подружиться. И Ник сегодня какой-то добренький. Завтра снег пойдет если он такой. Ибо это подозрительно. Мы

уже собрались расходиться, но Ник попросил меня немного задержаться. Ну что ему еще надо?

-Ника... Прости меня - я охренела! Чтобы он! Извинился? Завтра не то что снег, камни с неба посыпятся! Хотя меня уже ничем не удивить.

От риторического приема данный факт отличает его смешение с гиперболой, а невозможность/нереалистичность потенциальных событий вызывает комический эффект.

А в другом примере прием градации также смешан с приемом приписывания объекту характеристики, которая на самом деле отсутствует. (антифразис). Сравните:

Я люблю читать и убираться, но не в 6 вечера, не в школьной же библиотеке и уж тем более не с этим толстожопым ленивцем. Ну, на самом деле он не толстожопый. Ладно, не важно...

Достаточно редко встречается зевгма, например, - *Я так скучал... Я люблю тебя. / -Я тоже... **Я тоже люблю себя и мороженко.*** Прием строится на эффекте обманутого ожидания. Кажется, что на искреннее признание в любви адресат ответит тем же, но девушка решает поиграть и обращает действие на себя.

И наконец, языковая игра на уровне текста, т.е. для выявления языковой игры необходим анализ нескольких предложений. Наиболее яркий пример языковой игры представлен попыткой подчеркнуть свою уникальность, через описание комических, конфузных ситуаций, которые обычно подытоживаются фразой *это ж..., получилось как всегда* и т.п., которые имеют значение «только с...может случиться/только...может сделать»: *Я развернулась и собиралась уйти. **Но кто победитель по жизни? Конечно же я.** Моему красивому уходу помешало дерево, в которое я врезалась.; Скоро осень станет холодной и дождливой. Так что прекрасно, что эти дни мы проведем на природе. Подруга говорила что там неподалеку есть озеро, так что я взяла купальник. Да. Купаться в озере. Осенью. **Почему бы и нет? Это ж мы.***

Для творческих текстов школьников характерен такой прием, как оксюморон, например, *Они на мне до ужаса хорошо сидят. Беру.; Заказала цитрусовый глинтвейн. Когда я сделала первый глоток по телу стало разливаться до ужаса приятное тепло.* Данный прием не является средством создания языковой игры, однако важен для характеристики полного образа современного подростка.

Грамматические значения также подвержены языковой игре.

Так, в творческих работах подростков популярны трансформации категории рода.

Главные герои рассказов являются девушками, однако вместо форм глаголов женского рода употребляют по отношению к себе слова мужского рода, например, *На полке стоят только цветные дамские аксессуары. Дожил. Стоп.* Или, *О ДАААААА, Я ЭТО СДЕЛАЛ. Я знаю, что глава маленькая и всё такое, но ХОСПАДЕ, вы бы знали сколько всего происходит в моей дерьмовой жизни.* Подобные отклонения являются речевым развлечением и нацелены на укрепление отношений (в семье, в компании друзей, с читателем и т.п.).

Кроме того, значение грамматического рода часто ассоциируется с биологическим полом. Как пишет Б.Ю. Норман: «Если род – хотя бы в своих основах – соотносим с полом, то в сознании носителя языка он может получать дополнительную – символическую – нагрузку. Самое яркое проявление этого мы находим в мифологии: в сказках и преданиях, приметах и заговорах... Здесь существительное мужского рода становится как бы носителем мужского начала, а существительное женского рода воплощает в себе «природную», или биологическую, женственность» [Норман, 2006: 48].

Можно предположить, что приведенные выше примеры – это признак гормональной перестройки организма. Героини рассказов все являются подростками, которые не носят платьев, сумок и других женских аксессуаров, дерутся и употребляют в речи матерную лексику.

Отрицание женской природы подтверждают примеры другого рода: *Еще нужен **пакетик** под телефон точнее сумка; Я впервые пойду на ТАКОЕ мероприятие в **ПЛАТЬЕ**.*

Это определенное «заигрывание» с читателем или слушающим, как бы ни скрывали героини своей женственности, все это является лишь игрой, так как им нравится то, как они выглядят в этих вещах.

Игра с грамматической категорией лица Т.В. Шмелева называет *авторским маскарадом*. Прикрываясь различными речевыми масками, автор может достигать разных стилистических эффектов. Так, в текстах встречается повествование о себе в третьем лице, говорящий как бы смотрит на себя со стороны, чужими глазами: *Нет. Это как минимум глупо ведь я с ним скажем так не очень-то хорошо пообщалась. Но Катя не оставит поиски человека у которого спросит домашнее задание. Буду действовать так.*

Если говорящий обращается к неодушевленному предмету, значит он рассчитывает либо на других лиц, либо на себя (ему необходимо выплеснуть свой эмоциональный заряд). Такую ситуацию также можно считать игровой: *Приперся значит без предупреждения и удивляется. Ну все. Я ему сейчас такое устрою. Театр - жди меня!*

Авторский маскарад может проявляться и в смене ролевой маски, например, когда ребенок принимает на себя роль «родителя»: *Ой все. Делайте что хотите только до девяти она - я показала пальцем на маму - должна быть дома - сказала и вышла из комнаты. Все таки зря я ее отпустила, а то мало ли. Так Катя они взрослые люди; Когда я возвращалась на кухню то застыла в дверном проеме. Мама. Целовалась. С. Артуром! Ну что за поколение пошло? Стыдоба... Мои щеки ярко-ярко запылали.*

В завершении нашего анализа остановимся на такой категории письма, как графика. Чтобы передать некоторые особенности разговорной речи, а также суперсегментные элементы языка, такие как интонация, ударение, долгота звука, ритм, авторы работ прибегают к использованию различных графических выделений.

Такие графические средства, как капитализация букв служит актуализации разных функций в зависимости от контекста. Сравним несколько примеров.

-Мне Влад нравится! - уже крикнула девушка.

-ААААА? ВЛАД? - я споткнулась и упала. Да. Это ж я. В данном примере капитализация отображает повышение голоса при падении и служит для создания образа, преимущественно комического.

Далее, Этот демон приходил за тобой! - парень перешел на крик.

-ШО ПРОСТИ ? Демон? - я открыла рот. Капитализация в сочетании с просторечием служит для передачи удивления и «заигрывания» со слушающим и с читателем. А вот в следующем примере средства использованы те же самые, однако собеседник отсутствует. Сравните:

Вокруг него было пламя. ЧАВО?

Данный прием рассчитан исключительно на читателя.

Использование капитализации в следующем примере передает не просто степень удивления персонажа, но и создает эффект неожиданности: *Ник с подозрением посмотрел на нас, а потом на этого парня. Который в данный момент...ИДЕТ СЮДА! Блеать, надо валить.*

Особое выделение слов в данном контексте передает нечто несвойственное персонажу: *Я впервые пойду на ТАКОЕ мероприятие в ПЛАТЬЕ.*

И наконец, капитализация может передавать ликование, особый эмоциональный подъем: *О ДАААААА, Я ЭТО СДЕЛАЛ. Я знаю, что глава маленькая и всё такое, но ХОСПАДЕ, вы бы знали сколько всего происходит в моей дерьмовой жизни.*

Кроме капитализации, встречаются и другие типы графических выделений, например, многоточие, разделяющее слово и служащее для передачи удивления (*-О... Бал... Деть. - еле как я выдавила*), такой прием можно обозначить как скандирование; или разновидность звукописи, т.е. повтор буквы для передачи долготы звука (*Все мы ленииивые и др.*).

Интересно, что среди лингвокреатива школьников встретились некоторые системные явления, а именно отношения синонимии. В творческих работах они не были проявлены, но в ходе лингвистического эксперимента был создан графодериват, образованный сочетанием элементов языка и цифрового кода: *Инфа100%*, а к данному слову был найден синоним – инфасотка (что означает «информация на 100 % правдивая»).

Итак, языковая игра в текстах подростков пронизывает все уровни языка, авторы текстов также играют с формой слов, и используют различные маски. Набор приемов, которым пользуются подростки, неограничен, однако в целом, применяемая языковая игра строится по существующим готовым моделям, преобладающим в речи молодежи. Использование разговорных фонетических вариантов слов и преобладание уменьшительно-ласкательных суффиксов, создание комичных и конфузных ситуаций отражают стремление выделиться из массы, желание быть уникальным. Применение таких приемов, как гипербола, оксюморон, градация, а также графических средств (капитализация, многоточие, повтор букв) показывает характерные признаки подросткового возраста - противоречия, экспрессию и гиперболизированность. А смена масок и игра с категорией рода – игра во взрослую жизнь.

Несмотря на использование готовых образцов, в речи подростков очень высокий потенциал для игры, их речь и поведение сотканы из игровых ситуаций. Подростки стремятся расширить границы дозволенного и создают собственные средства языковой игры. Наиболее ярко языковая игра проявляется на синтаксическом и лексическом уровнях. Что касается уровня словообразования, то здесь используются в основном готовые модели. Процесс словотворчества требует больших усилий, поэтому необходимо поддерживать это начинание и развивать его.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта, 2003. 840 с.
2. Сковородников А.П. Об определении понятия «языковая игра» // Игра как прием текстопорождения: коллективная монография / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2010. С. 50–62.
3. Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С. Общая риторика: Курс лекций. Словарь риторических приемов / Отв. ред. Е.Н.Ширяев. Ростов-на Дону: Феникс, 1999. 320 с.

Шевель Т.В.*

ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКИХ КОМИКСОВ 1940-Х ГОДОВ

Аннотация: В настоящей статье исследуется вопрос конструирования дискурсивными средствами национальной идентичности и ставится задача выявить, какие лингвистические и экстралингвистические средства конструируют американскую национальную идентичность. В качестве материала использованы свыше 100 американских комиксов 1940-х годов. Задача исследования решается посредством критического дискурс-анализа и мультимодального анализа, предусматривающего рассмотрение как языковых, так и неязыковых факторов. В результате выявлены вербальные и невербальные средства дискурсивного конструирования национальной идентичности США.

Ключевые слова: дискурсивное конструирование, национальная идентичность, комикс.

Abstract: The article discusses the discursive means of constructing the national identity. The article aims to identify which linguistic and extralinguistic means construct the American national identity. More than 100 American comic books of the 1940s are used as material. The research task is completed through the use of critical discourse analysis and multimodal analysis methods which involve consideration of both linguistic and non-linguistic aspects. As a result, verbal and non-verbal means of discursive construction of the American national identity are revealed.

Keywords: discursive construction, national identity, comics

В настоящее время наблюдается поворот лингвистики от анализа исключительно вербальных средств к мультимодальному анализу, подразумевающему также рассмотрение наряду с ними невербальных средств, таких как шрифт, изображение, цвет, звук и т.д. Комикс является одним из доступных материалов, позволяющих осуществлять мультимодальный анализ и критический дискурс-анализ. Названные методы стали основой исследования дискурсивного конструирования американской национальной идентичности.

В данной работе под комиксом вслед за С. МакКлаудом мы понимаем «иллюстративные и другие изображения, сопоставленные рядом в продуман-

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Ю.И. Детинко.

ной последовательности для передачи информации и / или получения эстетического отклика от зрителя» [МакКлауд, 1993: 9]. Благодаря взаимодействию языковых и неязыковых компонентов комикса читатель может без труда воспринимать информацию, а исследователь дискурса — проследить то, каким образом происходит дискурсивное конструирование. Данный термин мы применяем в значении, приведенным Ю.И. Детинко: дискурсивное конструирование — это «инструментально-аналитический метод, позволяющий категоризовать фрагмент реальности в дискурсивных терминах» [Детинко, 2013: 56]. В данном случае американские комиксы 1940-х годов позволяют рассмотреть средства дискурсивного конструирования американской национальной идентичности — комплекса общих идей, концептов или схем восприятия эмоциональных оценок, разделяемых членами национальной группы, общих поведенческих установок, а также того, что усваивается индивидом в процессе социализации [Wodak, Cillia, Reisigl, 1999: 153].

К средствам конструирования национальной идентичности можно отнести репрезентацию ценностей, коммуникативное поведение, включающее вербальные (лексика, стилистические особенности, речевые акты) и невербальные составляющие, а также отсылки к общему историческому и культурному наследию и эксплицитное указание принадлежности определённому географическому месту и лингвокультуре [Дубровская, 2015: 30].

Комиксы 1940-х годов приходятся на разгар золотого века этого жанра: именно в это десятилетие наблюдается самое большое разнообразие тем, варьирующихся от конфликтов с индейцами до сюжетов о подвигах супергероев. Рассмотрим средства, использованные в комиксах вышеназванного периода, которые свидетельствуют о принадлежности американцев единой нации, иными словами, дискурсивно конструируют национальную идентичность.

В комиксах названного периода нами были обнаружены следующие средства конструирования национальной идентичности:

а) вербальные средства:

1. Эксплицитное указание на некоторое географическое место, выражение чувства принадлежности к этому месту и осознания самого себя в этих координатах, а также вербальное выражение эмоциональных переживаний, связанных с данным местом дискурсивно конструируют национальную идентичность говорящего. “*They seek shelter in Old Fort Greene - relic of the Civil War days*” (The Cadet, 1944), “*This is for Pearl Harbor, you sneak!*” – кричит персонаж-американец японцу и бьёт его кулаком со всей силы (Япония совершила нападение на Перл-Харбор, что послужило поводом вступления США во Вторую мировую войну).

2. Эксплицитное указание на собственную национальную принадлежность: “*Hold your fire! We are coming! We are **Americans!** We captured this tub from the Japs... Say, where are we?*” (4 most, Dick Cole wonder-boy, 1948), “*Gangway! Here come Yanks!*”, “*Here comes the USA choo-choo!*” (4 most, Dick Cole wonder-boy, 1948).

3. Противопоставление американской и неамериканских наций с использованием личных и притяжательных местоимений: “***Our** Navy has already accounted for **them***” (речь идёт о немцах) (Edison Bell, 1942), “*Then **they** mus’ be civilized... Like **we-uns!***” (Dan’l Flannel, 1942).

4. Использование оценочной лексики и семантического наполнения, конструирующих положительный образ американской нации, например, great flat-tops, “*We’ve reached our PLE*” (South Atlantic sweep, 1945). Иными словами, о своей нации в комиксах освещаются исключительно положительные факты.

5. Номинация других наций лексемами и словосочетаниями без ярко выраженной негативной коннотации. Так для номинации индейцев используются следующие лексемы: *the red men, my savage friend, redskins, that Angry Bear and his crows*. Персонажи-американцы акцентируют свою принадлежность индейским народам, чья культура коренным образом отличается от культуры американцев национальной спецификой.

6. Использование в отношении других народов лексики с ярко выраженной негативной окраской: *“At last the rats are coming out to fight!”* (Springboard to China, 1945).

В комиксах о супергероях, где персонажи со сверхспособностями борются с немцами и японцами, использованы следующие лексические единицы с оскорбительным или пренебрежительным оттенками:

*“I heard a noise... And a **Jap** ran off”*

*“What's your hurry, **little man**?”*

*“Double feature today, **rats!**”*

*“Now, my **dishonorable friend**, where is the rest of your gang?”* (America's best comics. Pyroman, 1942)

“Why you, nasty Nazis!” (The Cadet, 1944). Данные примеры иллюстрируют враждебное отношение американской нации к фашистской Германии при помощи лексики с негативной семантикой и национальных прозвищ.

7. Демонстрация низкого уровня грамотности индейских народов при использовании английского языка: очевидные грамматические ошибки: *“No! No! Not thieves – FRIENDS!”*, *“No Utah like Mrs Oak, no like! Great spirit, him punish evil one!”* (Little Joe, 1942).

8. Указание на исторические события и национальные праздники собственной страны. В выпуске Springboard to China упоминается Navy Day национальный американский праздник, отмечаемый 27 октября. Были также отмечены отсылки к историческому прошлому, касающемуся вооруженным сопротивлением индейских народов сиу, в результате которых сиу были окончательно переселены в резервации: *“My father was general Bob Grant! He was a hero! He was killed by the sioux, years ago!”* (Monte Hale in the massacre, 1949).

9. Сравнение знакомых реалий с реалиями новыми и необычными для восприятия героя. Персонажи комиксов дискурсивно демонстрируют интерес к следующим реалиям жизни индейцев: вигвам, тотемы, каноэ (долблённая лодка североамериканских индейцев) и танцам вокруг костра: *“You know*

how we've always wanted to take pictures of those Alaskan Indian totem poles, Simba!" (Abbott and Costello Comics, 1948). Цитаты иллюстрируют инаковость культур, что вызывают интерес представителей американской национальной идентичности к культуре других народов.

б) невербальные средства

10. Использование крупного шрифта и ярких цветов в написании самонаименования, свидетельствующее о признании собственной нации основным фокусом повествования и гордости за свой народ.

11. Изображение американцев на фоне флага Соединённых штатов, с флагом в руке либо в одежде расцветки, идентичной цветам американской государственной символики – частое явление в комиксах 1940-х годов. Данный приём ярко демонстрирует, чья национальная идентичность находит

12. Карикатурное изображение либо изображение искусственно созданных «моделей» лидеров вражеских стран с характерными узнаваемыми чертами внешности, а также сцен уничтожения данных изображений. Например: на рисунке 1 видно, что мальчики стреляют из рогатки и кидают камни в тыквы, изображающие головы Адольфа Гитлера, Бенито Муссолини и Севы Хирохито (японского императора, генералиссимуса японских войск, которого считали «азиатским Гитлером»). Эти лица узнаваемы по усам и причёске, символу фашистского орла и символу императорской армии Японии (Dick Cole wonder-boy, 1943). Невербальными средствами автор показывает читателю полярность в отношениях американской нации и наций, чьи лидеры олицетворяют враждебный американцам нацистский режим.

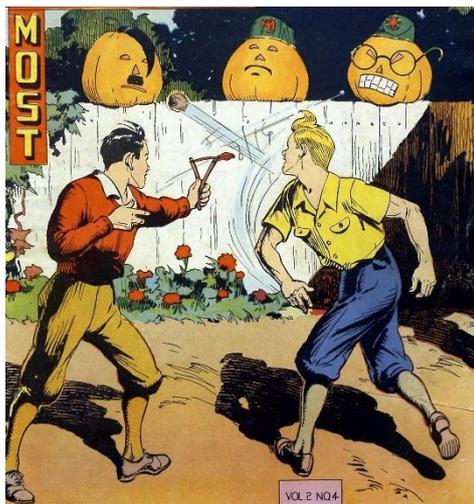

Рисунок 1. Головы Гитлера, Муссолини и Хирохито из тыкв

13. Изображение есть представителей иной национальной идентичности с непривлекательной, неэстетичной внешностью, например, японцы с выпирающими лошадиными зубами на рисунке 2 (Springboard to China, 1945), агрессивные индейцы, изображённые крупным планом, близко к читателю, с устрашающим взглядом. Художник визуально противопоставляет изображённых с приятной внешностью американских солдат и с неприятными взгляду чертами лица персонажей, репрезентирующий «чужую» национальную идентичность.

14. Визуальная передача артефактов другой культуры, отсутствующих в американской культуре: нефрит (“The jade idol of my people has been taken away”), статуи драконов, огромные сосуды, особенности интерьера, пагода (Китай). Внешность китайцев в изображениях передана следующими особенностями: длинные черные волосы, бороды, халаты, красные эмблемы с символами, изображающими иероглифы, традиционные конические головные уборы (Abbott and Costello Comics, 1948).

Анализируя изобразительный модус комикса, необходимо заметить, что в 40-х годах авторы изображают героев на «социальном» расстоянии: реципиент видит их в полный рост или по пояс. Лица персонажей крупным планом редки и, как правило, это изображения неприятеля, выражающие агрессию и вызывающие у реципиента чувство страха или отвращения к врагу.

Комиксы данного десятилетия наполнены пафосом патриотизма, выполняя тем самым манипулятивную функцию: реципиент поневоле проникается чувством гордости за свою страну и неприязни к враждебным нациям, которые репрезентируются грубыми, жестокими, глупыми, малограмотными.

Таким образом, при анализе американских комиксов 1940-х годов нами были выделены следующие средства конструирования национальной идентичности:

Вербальные: выражение чувства принадлежности или непринадлежности к какому-либо географическому месту, эксплицитное указание на собственную национальную принадлежность, конструирование чужеродности посредством противопоставления американской и неамериканских наций, упоминание исторического контекста, использование коннотативной лексики; **невербальные:** изображение чужих реалий, изображение типичной внешности персонажей-представителей стран/народов, а также национальной символики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Детинко Ю.И. Дискурсивное конструирование чужеродности в современной британской политической коммуникации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Красноярск, 2013. 198 с.
2. Дубровская Т.В. 'I was the first Westerner, the only English person': дискурсивное конструирование национальной идентичности // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2015. №2. С. 25–40.
3. МакКлауд С. Понимание комикса. М.: Tundra, 1993. 215 с.
4. Rudolf de Cillia, Martin Reisigl and Ruth Wodak // The discursive construction of national identities. 1999. 10: 149. P.149–173.

Шишова Ю.А.*

СЕМАНТИКА СЛОВА ТОСКА В СТИХАХ И ИНТЕРВЬЮ И. БРОДСКОГО

Аннотация: В статье проанализирована семантика слова «тоска» в стихах и интервью И. А. Бродского, показано, какое место занимает данная эмоция в языковой картине мира автора.

Ключевые слова: семантика, языковая картина мира, языковая личность, эмоция, тоска.

Abstract: In this article the author analyzes the meaning of the word "melancholy" in the poems and interviews of Joseph Brodsky. Also, the author shows how this emotion influences Joseph Brodsky's linguistic picture of the world.

Keywords: semantics, linguistic picture of the world, linguistic personality, emotion, melancholy.

Начиная с конца XX века, когда антропоцентрическая парадигма стала приобретать всё большую популярность среди лингвистов, начал расти интерес к изучению человека. То, как человек говорит, мыслит, оценивает и воспринимает реальность, а также как ощущает себя в окружающем его мире – всё это до сих пор привлекает исследователей. Это обусловлено тем, что внутренний мир человека представляет для учёных большой интерес, и, таким образом, все чаще лингвисты выделяют предметом своего исследования такое явление, как языковая личность.

Чтобы изучить языковую личность И.А. Бродского, был проведен семантический анализ слов, обозначающих эмоции в его стихах и интервью. Цель исследования – показать, как в употреблении слова *тоска*, а также его дериватов проявились изменения языковой личности поэта.

Метод количественного подсчета, примененный в работе, помог выделить эмоциональные кластеры, являющиеся наиболее частотными в употреблении автора. Это такие кластеры, как: *печаль* (25 слов), *злость* (33 сло-

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент И.В. Башкова.

ва), *тоска* (73 слова), *страх* (29 слов), *радость* (32 слова). Таким образом, мы видим, что слова-эмоции, обладающие негативной семантикой, встречаются в текстах поэта чаще, чем слова-эмоции обладающие положительной семантикой. Также стоит отметить, что кластер *тоска* является наиболее частотным.

Поэтические тексты: *тоска* – 36 слов; *тоски* – 18 слов; *тоскливо* – 1 слово; *тоскливый* – 1 слово.

Интервью: *тоска* – 10 слов; *тоски* – 4 слова; *тоску* – 1 слово; *тоской* – 2 слова; *тосковать* – 1 слово; *тоскует* – 1 слово; *тоскливой* – 1 слово.

При изучении частной семантики слова, то есть его коннотативного значения, необходимо для начала ознакомиться с его лексическим значением. В толковых словарях С.И. Ожегова и В.И. Даля даются следующие определения слова *тоска*:

ТОСКА 1. Душевная тревога, уныние. Наводить тоску на кого-нибудь. Тоска берет. Тоска в глазах, во взгляде у кого-нибудь. Тоска по родине. 2. Скука, а также (разг.) что-нибудь очень скучное, неинтересное (не спектакль, а тоска, тоска зеленая (ужасная тоска; разг.) [Ожегов, 2000: 541].

ТОСКА (теснить) стеснение духа, томление души, мучительная грусть; душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горе, печаль, нойка сердца, скорбь. Тоска по родине обращается иногда в телесную болезнь, с изнурительною лихорадкой [Даль, 1998: 487].

К.В. Шмугурова в своей работе «Концепты тоска и радость в художественной картине мира» представляет *тоску* «экзистенциальным чувством, связанным со страхом, размышлениями о бытие-небытие-смерти, личностным переживанием времени, повышенным чувством тревожности» [Шмугурова, 2011: 11].

Также, по мнению В.А. Масловой, «тоска – интенсивное, длительное, глубокое переживание, которое может мыслиться как общее состояние человека, существующее вне его, часто она сильнее его» [Маслова, 2004: 215].

В настоящее время не существует общей дефиниции и классификации эмоций. Считается, что «человеческие эмоции не могут быть классифицированы только по одному признаку, так как представляют собой многогранные и “тонкие” реакции личности на физическую и социальную среду и качественно усложняются как в процессе воздействия человека на внешний мир и на других людей, так и в процессе воздействия окружающего мира на человека» [Баженова, 2005: 27]. Также, по мнению И.С. Баженовой эмоции различаются «по качеству (знаку и модальности), количеству, глубине, продолжительности, интенсивности, осознанности, генетическому происхождению, сложности, условиям возникновения, выполненным функциям, воздействию на организм, по психическим процессам, с которыми они связаны» [Баженова, 2005: 27].

Так, например, слово *тоска* может обладать разными значениями, в зависимости от того, в каком контексте оно употребляется. Рассмотрим на примере поэтических текстов И.А. Бродского:

«Тебя здесь больше нет. Не будет боле. / Забвенья свет в страну *тоски* и боли / слетает вновь на золотую тризну, / прекрасный свет над незнакомой жизнью» (Бродский, 1960. Стрельнинская элегия).

В данном отрывке слово *тоска* приобретает коннотацию *пространство*. *Тоска* предстает как некое место, которое и порождает отрицательные эмоции у поэта. Так как стихотворение относится к раннему периоду творчества Иосифа Александровича, можно предположить, что речь идёт о Ленинграде – родном городе поэта. Рассмотрим еще примеры из ранних стихов:

«Не то страшит меня, что в полночь, / героя в полночь увезут, / что миром правит сволочь, сволочь. / Но сходит жизнь в неправый суд, / в *тоску*, в смятение, в ракеты, / в починку маленьких пружин / и оставляет человека / на новой улице чужим» (Бродский, 1961. Петербургский роман).

«*Тоска, тоска*. Хоть закричать в окно. / На улице становится темно, / и все труднее лица различать, / и все трудней фигуры замечать, / не все ль равно. И нарастает злость. Перед тобой не шествие, а горсть / измученных и

вымокших людей. / И различать их лица все трудней. / Все те же струйки около висков, / все то же тарактенье башмаков, / *тоска* ложится поперек лица» (Бродский, 1961. Шествие).

«Волнение чернеющей листвы, / волнение душ и невское волнение, / и запах загнивающей травы, / и облаков белесое гонение, / и странная вечерняя *тоска*, / живущая и замкнутая немо, / и ровное дыхание стиха, / неожиданно посетившее поэму / в осенние недели в октябре <...>» (Бродский, 1961. Шествие).

«Плывет в *тоске необъяснимой* / среди кирпичного насада / ночной кораблик негасимый / из Александровского сада <...> / Плывет в *тоске необъяснимой* / пчелиный хор сомнамбул, пьяниц <...> / Плывет в *тоске необъяснимой* / певец печальный по столице <...>» (Бродский, 1961. Рождественский романс).

Таким образом, приведенные примеры показывают, что в поэтических текстах раннего периода слово *тоска* синонимично словам *грусть*, *печаль*, *тревога*, *переживание*. При этом причина тоски непонятна, необъяснима.

В текстах интервью семантика слова *тоска* другая. В интервью слово *тоска* используется для обозначения *ностальгии* по былым временам, по определенному месту, людям и т.д.:

«<...> проявилась главная тенденция русской культурной жизни – *тоска* по мировой культуре, этой *тоски* она и была порождением» [Полухина. Эл. ресурс].

Особенно примечательно, что И.А. Бродский в своих интервью часто упоминал слова О.Э. Мандельштама о «*тоске* по мировой культуре», сравнивая её со своей *тоской* по Ленинграду. Об этом он писал так:

«Русским, вероятно, лучше всех знакомо чувство, которое Мандельштам когда-то назвал *тоской* по мировой культуре. Это движущая сила, которую можно объяснить нашим особым географическим положением, — и потому даже такая ненадежная информация годилась» [Там же].

«То есть *тоски* по родине как таковой я не испытываю. По Ленинграду — да. Но это не столько *тоска*, сколько желание там внезапно оказаться» [Там же].

В этом же интервью автор говорит:

«Насчет возвращения на круги своя у меня просто масса всяческих сомнений. Было бы дико вернуться в родной город и исчезнуть из него через два или три дня или через неделю. То есть человек должен жить более или менее своей жизнью, а не играть с ней в игры. Для меня возвращение в Ленинград... я не знаю, может, это и произойдет... Но я этого добровольно, думаю, не совершу уже. На место преступления вернуться еще можно, но на место любви...» [Там же]. То есть та возникающая у поэта *тоска*, ностальгия по родному городу не вызывает у него желания снова туда вернуться; она лишь вызывает воспоминания дней, прожитых там. И.А. Бродский прекрасно понимал, что никто его уже не ждет в родном Ленинграде – родителей нет, друзей не осталось.

Также, обращаясь к интервью 1988 года, мы можем увидеть, как и здесь И.А. Бродский уделил большое внимание такому выражению, как «*тоска по мировой культуре*»:

«*Тоска по мировой культуре*, она в общем в практическом смысле сводится к следующему. Ты думаешь: ага, там, на Западе – или, наоборот, если ты из Латинской Америки, там, на Востоке, в Европе – происходит нечто, чего я не знаю, о чем у меня чрезвычайно приблизительное представление. Я себе представляю высоты, на которые эта культура поднялась, по нескольким признакам. Я пытаюсь воспроизвести, воссоздать эти признаки в своей собственной культуре. И иногда в своем воображении я перепрыгиваю даже то, что на самом деле создано. То есть возникает такой, если применить артиллерийский термин, культурный перелет. Попадаешь туда, куда еще никто не попадал» [Там же].

Это также связано с тем чувством *тоски* по былым временам, по культуре ушедших дней, по месту, где творилась эта культура.

Восьмью годами ранее И.А. Бродский говорил следующее:

«<...> я стал меньше *тосковать* по определенным культурным феноменам, по идее авангарда в искусстве. Теперь я думаю, что это дерьмо на девяносто процентов, если не больше. Если бы я остался в России, я продолжал бы считать, что театр абсурда – великая вещь» [Там же].

С годами картина мира поэта менялась, менялась и его языковая личность, творчество. Ранние стихи поэта отражают дух Питерской жизни времен оттепели; поэт испытывает внутреннюю борьбу, пытается найти своё предназначение. Позднее же творчество больше сосредоточено не на самой личности поэта, а на том, что происходит вокруг него, на культурных тенденциях:

«О, девятнадцатый век! *Тоска* по востоку! Поза / изгнанника на скале!
И, как лейкоцит в крови, / луна в твореньях певцов, сгоравших от туберкулеза, / писавших, что – от любви» (Бродский, 1982. Венецианские строфы).

«Входит некто православный, говорит: «Теперь я – главный. / У меня в душе Жар-птица и *тоска* по государю. / Скоро Игорь воротится насладиться Ярославной. / Дайте мне перекреститься, а не то – в лицо ударю. / Хуже порчи и лишая – мыслей западных зараза. / Пой, гармошка, заглушая саксофон – исчадь джаза» (Бродский, 1982. Венецианские строфы).

Рассматривая И.А. Бродского как языковую личность, стоит отметить, что настроение стихов поэта менялось в течение всей его творческой деятельности. Поэтому можно сказать, что возраст поэта, а также всё им пережитое (суд, психиатрическая лечебница, вынужденный выезд за границу, расставание с близкими и т.д.) оказали большое влияние не только на становление его языковой личности, но и на творческий процесс. Стихи молодого Бродского наполнены переживаниями, злостью, отчаянием – буйством эмоций и чувств. И, сравнивая эмоции поэта в его раннем творчестве с эмоциями, которые он выражает в интервью, нельзя не отметить, что они меняются, и это обнаруживается на примере употребления слова *тоска*.

Также стоит отметить, что семантика эмоций в его позднем творчестве схожа с семантикой, представленной в интервью: поэт сдержан, временами холоден. Важно принять во внимание то, что интервью брать у Бродского начали только после его выезда из России.

Учитывая всё вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в зависимости от возраста поэта и места жительства менялось не только его творчество, но также и его эмоции. В частности, тоска из иррациональной, не имеющей причины сильной эмоции превратилась в чувство, имеющее логическое, рациональное объяснение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баженова И.С. Обозначение эмоций в художественном тексте: Прагматический аспект: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М.: РГБ, 2005. 418 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка Владимира Даля. М.: АСТ, 1998. 736 с.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М., 2004. 205 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2000. 940 с.
5. Полное собрание стихотворений Иосифа Бродского. 1997. [Электронный ресурс] // Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова. URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_poetry.txt (дата обращения: 15.04.17).
6. Полухина В.П. Бродский глазами современников. [Электронный ресурс] // E-libra.ru: Электронная библиотека. URL: <http://e-libra.ru/read/254784-brodskij-glazami-sovremennikov.html> (дата обращения: 15.04.17).
7. Шмугурова К.В. Концепты тоска и радость в художественной картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Новосибирск, 2011. 216 с.

Чекмасова А.Р. •

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ТУРИСТИЧЕСКОМ РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Аннотация: В докладе рассматривается туристический рекламный текст как вид рекламной коммуникации. На основе туристских рекламных текстов Великобритании выявлены лингвистические средства, формирующие образ данной страны.

Ключевые слова: языковые средства, туристический рекламный текст.

Abstract: The article examines the language of tourism advertising as a form of advertising communication. On the basis of the texts of the UK tourism advertising the linguistic means forming the image of the UK were revealed.

Keywords: linguistic means, tourism advertising text.

На протяжении последних десятилетий рекламная коммуникация является неотъемлемой частью современного общества с его развитой рыночной экономикой и массовой культурой [Илюшкина, Вершинина, 2015].

Столь сильный интерес к рекламе объясняется сложностью и многофферностью данного феномена, что вызывает интерес у многих представителей, в особенности гуманитарной, науки.

Научный подход к изучению рекламы требует рассматривать её как одну из форм человеческой коммуникации, сущностью которой является формирование взаимосвязи, а также попытка наладить обмен информацией рекламодателя с его аудиторией [Ромат, 2013].

Лингвистический подход к рекламе сформировался относительно недавно: отечественная теория рекламы обрела самостоятельность и обратилась к изучению собственно языковых механизмов, с помощью которых отправитель рекламного текста заставляет получателя совершить покупку [Квят, 2009].

• Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Ю.И. Детинко.

На сегодняшний день, одним из самых влиятельных видов рекламной деятельности является реклама в туризме. Наряду с другими видами рекламы, туристическая реклама обладает рядом отличительных черт, в том числе и языковых, что определяется спецификой как самой рекламы в сфере туризма, так и особенностями системы туризма и ее товара – туристского продукта [Щекин, 2015]. Одной из главных особенностей рекламируемого объекта в сфере туризма является его нематериальный характер. Потребитель не может во всей полноте оценить рекламное предложение до тех пор, пока не купит путевку и не отправится в путешествие. Интенции рекламистов в данном случае сводятся к восхвалению рекламируемого объекта путем его подробного описания, воздействуя не столько на сознание, сколько на эмоционально-чувственную сферу индивида.

Реклама туризма и отдыха также отвечает разнообразным прагматическим запросам, связанными с организацией досуга. Рациональный характер этого вида рекламы проявляется в том, что здесь обычно содержатся полезные для туриста сведения, не только включающие справочную информацию, но и служащие своего рода путеводителем, содержание которого программирует адресата на осуществление заданных действий: куда сходить, что посмотреть, что привезти и тому подобное. Доминирование психологических мотивов также является одной из особенностей туристического рекламного текста. Среди них особо следует выделить мотив отвлечения от жизненной действительности с её насущными проблемами и заботами [Илюшкина, Вершинина, 2015].

К особенностям туристического рекламного текста относятся и используемые в нём языковые средства, составляющие вербальный аспект рекламного текста. Язык рекламы выступает в качестве инструмента, используемого с целью воздействия на адресата. Если учитывать огромную воздействующую силу современной рекламы, то ведущее положение языка не вызывает никаких сомнений [Там же]. Целью данного исследования является анализ языковых средств, формирующих образ Великобритании в туристиче-

ском рекламном тексте. В результате данного анализа отмечено использование широкой палитры языковых средств, среди которых были выявлены ключевые грамматические, лексические и стилистические средства [Кандакова, 2015].

В ходе анализа грамматических и лексических средств в туристическом рекламном тексте Великобритании, которые зачастую довольно сложно разделить в одном примере рекламного сообщения, выяснилось, что большую роль при создании туристического рекламного текста Великобритании играют существительные, которые чаще всего используются для демонстрации разнообразия предоставляемого туристического продукта или услуги. Для туристической рекламы Британских островов характерно перечисление большого количества мест, которые можно посетить, туров, в которые можно отправиться, или туристических услуг, которыми можно воспользоваться:

Big Ben, the Tower of London, Buckingham Palace, the London Eye... (реклама Лондона, Англия) [Visit London]. *The Cairngorms National Park has more mountains, forest paths, rivers, lochs, wildlife hotspots, friendly villages and distilleries than you could explore in a lifetime* (реклама Национального парка Кернгормс в Хайленде, Шотландия) [Cairngorms National Park]. *A curve of golden sand wrap around your own holiday cottage, caravan, or campsite* (реклама туристического жилья в Уэльсе) [Visit Wales].

Для туристического рекламного текста Великобритании также характерно обилие прилагательных в сравнительной и превосходной степени, в семантике которых присутствует элемент «высокого качества»: *The biggest stars and the best shows always make a stop in our nation's capital* (реклама Лондона, Англия) [Visit England]. *World-class nature* (реклама города Ньюкасл, Северная Ирландия) [Discover Northern Ireland]. *We're not exaggerating when we say that we think Glasgow is one of the most exciting cities you'll ever come across* (реклама Глазго, Шотландия) [Visit Scotland].

Анализ стилистических средств в туристической рекламе Великобритании показал, что внутренняя туристическая реклама Британский остров от-

личается богатством и разнообразием стилистических приемов. Среди употребляемых стилистических средств были выделены: эпитет, метафора, олицетворение и ирония. Среди вышеупомянутых стилистических приемов преобладают эпитеты. Они определяют объект рекламы, подчеркивают его специфику, создают художественную выразительность текста, способствуют созданию яркого образа предмета рекламирования, чтобы вызвать у реципиента конкретные ассоциации, представления, т.е. его заинтриговать [Устименко, 2016]: *A **spectacular** underwater safari* (реклама Уэльса) [Visit Wales]. ***Fantastic** local food and a **buzzing** arts scene* (реклама Шотландии) [Visit Scotland]. ***Big** skies, **mind-blowing** landscapes, **superb** food and **hospitable** people - it really doesn't get any better if you want to escape and unwind. **Unpredictable. Untameable. Unbelievable.*** (реклама Северной Ирландии) [Discover Northern Ireland].

Метафоры встречаются в туристическом рекламном тексте намного реже, чем эпитеты. В основном, они не характерны для описания туристического товара или услуги Великобритании: *Where is this mysterious island with such a romantic name as **Foggy Albion?*** (реклама Великобритании) [Visit Britain]. *Foggy Albion* (Туманный Альбион) – образное обозначение Британии. Альбион - древнейшее название Британских островов, которые часто окутаны густыми морскими туманами.

Другой стилистический приём, олицетворение, предполагающий более глубокое осмысление изображаемого образа, также довольно нечасто встречается в туристических рекламных текстах Великобритании.

Stratford-upon-Avon will teach you differences (реклама Стрэдфорд-апон-Эйвон, Англия) [Visit Stratford - upon – Avon]. В данном предложении город выступает в роли учителя, который, согласно рекламному сообщению, научит нас чему-то новому.

The Natural History Museum. This really is the grandfather of all London museums (реклама Музея Естествознания в Лондоне, Англия) [Natural History

Museum]. Здесь Музей Естествознания представлен, как «дедушка» Музея Лондона, с целью подчеркнуть его статус за счет давнего существования.

Ирония характеризуется как истинно британский стилистический прием, отмечена в единичном примере. Как средство вербальной агрессии для британцев, она находит применение в туристической рекламе только в особых случаях: *Winnats Pass, Peak District, Derbyshire. It's fun to drive the steep A6187 right through it – beware stray sheep!* (реклама Уэльса) [Visit Wales]. Мирно пасущиеся овцы – неотъемлемый атрибут британского ландшафта. Ирония «*beware stray sheep*» служит предупреждением не нанести вреда животным, нежели наоборот, так как овца традиционно олицетворяет кротость и безобидность [Кандакова, 2015].

Таким образом, на основе эмпирического материала и понимания средств, которые используются для формирования образа Великобритании в туристическом рекламном тексте, было выделено несколько образов Великобритании, привлекающих туристов для осмотра достопримечательностей.

Образ Великобритании как поистине уникальной страны, которая имеет большое количество разнообразных мест для посещения, а также гордится своей многовековой историей и культурой. Зачастую, для того чтобы сформировать данный образ Великобритании в туристическом рекламном тексте, британцы используют такой стилистический приём, как эпитет: *The iconic Causeway Coastal Route* (реклама достопримечательности в Северной Ирландии) [Causeway Coastal Route]. Нами также было замечено частое употребление лексических средств в виде наречий, которые придают туристическому рекламному тексту большую убедительность в уникальности Британских островов: *England has a wonderfully varied past* (реклама Англии) [Visit England]. *Scotland is a truly historic place with fascinating heritage* (реклама Шотландии) [Visit Scotland].

Наравне с наречиями нередко используются эпитеты, как в примерах выше: «*varied*», «*historic*», «*fascinating*», усиливающие характеристику данного образ Великобритании.

*Look out for **the largest** colourless cut diamond in the world, the Cullinan I diamond. **Imagine** the weight of the solid gold St Edward's Crown, worn by The Queen at her coronation. And **admire** the famous Koh-i-Nûr diamond, set in the crown of the late Queen Mother* (реклама экспоната в Лондонском Тауре, Англия) [Visit London]. В данном примере с помощью определенных лексических и грамматических средств подчеркивается уникальность экспонатов Лондонского Тауэра, являющихся частью культуры Великобритании. Такими средствами в этом примере являются прилагательное в превосходной степени «*the largest*» (*in the world*), глаголы в форме императива *imagine* («только представьте»), *admire* («восхититесь»).

Образ Великобритании как гостеприимной страны, радушно принимающей туристов.

С целью формирования данного образа Великобритании в туристических рекламных текстах, британцы часто прибегают к использованию лексического средства в виде местоимения «*we*»: «*We don't just want you to visit Wales, we want you to live it! We pledge to surprise and delight you with little extras along the way*» (реклама Уэльса) [Visit Wales]. Употребление данного местоимения создаёт ощущение гостеприимства, исходящего от всех жителей Великобритании, предлагающих адресатам данного рекламного сообщения посетить Уэльс. Также, в этом примере можно выделить такие лексические средства, как глаголы «*live*» (проживать) и «*pledge*» (ручаться), которые только усиливают ощущение того, что в Великобритании очень хорошо относятся к посетителям данной страны.

Более того, именно для создания данной характеристики образа Великобритании характерно использование восклицательного знака, который, как правило, завершает побудительные предложения, содержащие некоторые пожелания реципиенту (*We don't just want you to visit Wales, we want you to live it!*). В рамках формирования данного образа Британских островов интересен и следующий пример: *Be our guest* (реклама Уэльса) [Visit Wales].

В подобных примерах, чтобы радушно пригласить потенциального туриста в Великобританию, британцы используют лексические и грамматические средства в виде глагола в форме императива («*Be*»), а также притяжательного местоимения «*our*».

Образ Великобритании как страны, любящей природу и бережно относящейся к ней.

Зачастую, данная характеристика образа Великобритании формируется за счет таких стилистических средств, как эпитеты, используемых при описании природы Великобритании: *Towering mountains, glittering lochs, thick woodland and golden beaches - Scotland's landscapes really will take your breath away. Tour the rolling hills and lush farmland of the Lowlands and drive through deep glens surrounded by mountains in the Highlands* (реклама Шотландии) [Visit Scotland]. *Breath-taking rural landscapes* (реклама Северной Ирландии) [Discover Northern Ireland].

Таким образом, проведенный анализ языковых средств в туристических рекламных текстах Великобритании позволяет сделать вывод, что в туристическом рекламном тексте данной страны широко используются: грамматические и лексические средства, такие как: различные глаголы в форме повелительного наклонения, выражающие пошаговость действий, сближающие адресата с рекламируемым объектом, вызывающие любопытство, создающие интригу, с присутствующим вербальным компонентом; существительные, демонстрирующие разнообразие туристических товаров или услуг; а также прилагательные в сравнительной и превосходной степени исключительно с положительной коннотацией.

Также довольно ярко представлены стилистические средства в виде эпитета, метафоры, олицетворения и иронии, имеющих большую прагматическую силу, вызывая чувства и эмоции, порождая необходимые и задуманные адресантом ассоциации в сознании адресата и стимулируя, в конечном итоге, его выбор; место для отдыха или путешествия. На основе анализа эмпирического материала в туристических рекламных текстах Великобритании

мы выявили несколько образов Британии, которые определяют национальный характер британцев, а также являются привлекательными для потенциальных туристов:

- Образ Великобритании как поистине уникальной страны, которая имеет большое количество разнообразных мест для посещения, а также гордится своей многовековой историей и культурой;
- Образ Великобритании как гостеприимной страны, радушно принимающей туристов;
- Образ Великобритании как страны, любящей природу и бережно относящейся к ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Илюшкина М.Ю., Вершинина Т.С. Прагматика в текстах туристической рекламы [Электронный ресурс] // В лаборатории ученого. 2015. С.165-170. URL: <https://goo.gl/3TbWnU> (дата обращения: 05.03.2017).
2. Кондакова И.А. Репрезентация топообъекта в рекламном дискурсе (мультимедийный аспект на примере англоязычной туристической рекламы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. Вып.11. С. 107–110.
3. Квят А.Г. Позиционирование товаров и услуг в рекламном тексте: лингвокогнитивный подход // Вестник Томского государственного университета. 2009. Вып. 319. URL: <https://goo.gl/XCIJ40> (дата обращения: 22.05.2017).
4. Ромат Е.В. Реклама и теория коммуникаций [Электронный ресурс]. 2013. URL: <https://goo.gl/x7kNCv> (дата обращения: 20.05.2017).
5. Устименко Е.Н. Языковые средства формирования образа страны в туристическом рекламном тексте и в текстах учебников РКИ: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2016. 243 с.
6. Щекин Г.Ю. Реклама как один из определяющих факторов современного туризма. [Электронный ресурс] // Известия Волгоградского госу-

дарственного технического университета. 2010. Вып.8; Т.9. URL: <https://goo.gl/bb3QtA> (дата обращения: 20.05.2017).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. Cairngorms National Park [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/FcQZ3H> (дата обращения: 03.03.2017).

2. Causeway Coastal Route [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/BI3PnV> (дата обращения: 05.05.2017).

3. Discover Northern Ireland [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/kESpWQ> (дата обращения: 05.03.2017).

4. Natural History Museum [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/VLldZC> (дата обращения: 21.05.2017).

5. Stonehenge [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/dXF7Q5> (дата обращения: 01.05.2017).

6. Visit Britain [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/mNSDNp> (дата обращения: 05.03.2017).

7. Visit England [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/G82yNv> (дата обращения: 05.03.2017).

8. VisitLondon [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/MeG5Nd> (дата обращения: 01.05.2017).

9. Visit Scotland [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/IB6gu9> (дата обращения: 05.03.2017).

10. VisitStratford-upon-Avon [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/jvR2A7> (дата обращения: 10.03.2017)

11. Visit Wales [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/6eBOvw> (дата обращения: 05.03.2017).

II. ЖИВАЯ РЕЧЬ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ

УДК 801: 81

Фельде О.В.

УСТНЫЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ

Аннотация: В статье раскрывается лингвокультурологическая информативность Электронного текстового корпуса лингвокультуры Северного Приангарья, выявляются ценностные доминанты текстов. В приложении приводятся устные тексты разных речевых жанров, в которых отражаются особенности материальной и духовной культуры ангарцев.

Ключевые слова: лингвокультура, устный текст, ценностная доминанта, электронный текстовый корпус.

Abstract: The article deals with the linguocultural informative value of the Electronic text corpus of linguistic culture of the Northern Angara region, reveals the value dominants of the texts. The appendix contains oral texts of different speech genres, which reflect the peculiarities of the material and spiritual culture of the indigenous communities.

Keywords: linguoculture, oral text, value dominant, electronic text corpus.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 17-14-24008.

Изучение текстов, выражающих культурно значимую информацию, относится к числу актуальных задач современной русистики. В контексте споров о национальной идентичности сибиряков, особенностей их повседневного языкового существования и мировидения важно обратиться к устному сибирскому тексту. Под этим феноменом мы понимаем разножанровые тексты повседневной, ритуально-праздничной и фольклорной, коллективно-личностной, коммуникации сибиряков. По нашему мнению именно устный текст является важнейшим источником изучения лингвокультуры и одновременно её транслятором. Большую научную и культурную ценность имеют устные региональные тексты, отражающие ценностные установки отдельных

социальных, гендерных, возрастных групп населения Северного Приангарья – одного из удаленных районов Восточной Сибири, относительно недавно вовлеченного в процесс индустриализации. Освоение территории Северного Приангарья русскими началось ещё в XVII в., однако и сегодня расселение здесь носит очаговый характер. Транспортная инфраструктура северной и восточной частей Приангарья неразвита: отсутствуют автомобильные дороги круглогодичного действия, нет железных дорог. Связь между населенными пунктами и краевым центром осуществляются до сих пор в основном автотранспортом по зимникам либо авиацией. Эти обстоятельства способствовали лучшему сохранению на территории Северного Приангарья русских народных говоров и традиционных форм крестьянской культуры, нежели в других краях и областях Сибири. Строительство и пуск в эксплуатацию Богучанской ГЭС (2012 г.), развитие лесопромышленного комплекса привело кардинальным изменениям условий функционирования старожильческих говоров Приангарья. Русские ангарские говоры как средство повседневной коммуникации уже не используются в речи молодежи и большей части представителей среднего поколения. Сегодня в чистом виде ангарский говор можно услышать только в речи пожилых людей. Утратились или значительно сузили границы бытования и некоторые фольклорные жанры, например, сказка, легенда, былина, народная историческая песня. Большинство тридцати- и сорокалетних сельских жителей Приангарья являются носителями такой формы существования русского языка, как сибирский региолект, вобравший в себя особенности общенародного разговорно-обиходного языка, локального просторечия и ангарского говора. Наблюдения за функционированием региолекта на территории Северного Приангарья показывают, что он, как и русский старожильческий говор, отражает этническое мировидение коренных ангарцев, участвует в передаче их жизненного опыта и нравственных установок, манифестирует субнациональную идентичность (русские сибиряки). Фиксация диалектных и региолектных текстов на цифровые носители с последующим созданием электронных текстовых корпусов отвечает насущ-

ным потребностям современной русистики, ориентированной на изучение национальной лингвокультуры, а также на исследование русского языка в его реальном употреблении.

Устный ангарский текст конца XX - нач. XXI вв. был введён в широкий научный оборот фольклористами. В числе его первых исследователей – Г.В. Афанасьева-Медведева (1997), Н.А. Новоселова (1986, 1991), С.В. Калинина (2005). Красноярскими диалектологами Г.Г. Белоусовой (1978), Л.В. Голузо (1973), В.И. Петроченко (1992, 1994) в 70-е – 80-е годы XX в. также проводилась большая собирательская работа в районах Северного Приангарья, однако в фокусе их исследовательского интереса были в основном фонетические и лексические особенности говоров, поэтому отдельные языковые единицы старожильческого ангарского говора рассматривались в пределах одной лексемы или на фоне минимальных контекстов. Исключением является «Хрестоматия старожильческих говоров Приангарья», составленная Г.Г. Белоусовой в 1996 году и опубликованная в одном из частных красноярских издательств. К сожалению, она была издана небольшим тиражом, до сих пор не имеет электронной версии, поэтому большинству специалистов по коммуникативной диалектологии не известна. Записи связной диалектной речи, сделанные преподавателями и студентами-практикантами Красноярского государственного педагогического института (с 1991 г. – университета) в районах Северного Приангарья, были использованы в качестве иллюстративного материала авторами-составителями однотомного «Словаря русских говоров северных районов Красноярского края» [1992] и «Словаря рыбаков и охотников Северного Приангарья» В.И. Петроченко [1994]. Иллюстрации к толкуемым словам в этих словарях представляют собою краткие высказывания, короткие отрывки связных текстов.

Первым текстоцентрическим региональным словарем отечественной лексикографии является многотомный «Словарь говоров русских старожил Байкальской Сибири» иркутского филолога Г.В.Афанасьевой-Медведевой. Её словарь включает, наряду с текстами других восточноси-

бирских территорий, и значительное количество текстов, записанных в Северном Приангарье. Значение всех диалектных слов и имен собственных (топонимов и микротопонимов, экклезионизмов, агнионимов) в этом уникальном словаре сопровождаются текстовыми иллюстрациями большого объема – законченными устными рассказами. Главными критериями при отборе текстов, по признанию автора, стали их «художественные достоинства и информационная (преимущественно культурно-историческая и этнографическая насыщенность) [Т.1. С.41]. Именно аутентичный текстовый материал, помещённый в словарную статью, делает его, по справедливому мнению В.Г.Распутина, «энциклопедией русской жизни из уст самого народа» (Т.1, с. 9).

Цифровые технологии позволяют включить в научный оборот не только устный текст, записанный и опубликованный с сохранением грамматических, лексических и синтаксических особенностей, но и текст звучащий, «погруженный в жизнь». Пришло время создания обширных мультимедийных корпусов, которые дают представление о живом произношении текста, о речевой ситуации и речевом поведении говорящего.

Расширить наши представления о духовной и материальной культуре ангарцев, «запечатленной в знаках языка» (В.В.Красных) поможет «Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья» (КЛСП), созданный на базе Института филологии и языковой коммуникации СФУ (angara.sfu-kras.ru). Его появлению предшествовала собирательская работа студентов-филологов под руководством автора этой статьи и сотрудников ТВ СФУ, которые записывали на диктофоны и видеокамеры интервью, устные рассказы, мемораты, фабулаты, былички, песни и частушки ангарцев, фиксировали на камеру особенности их повседневной жизни. В 2012 – 2013 гг. накопленные в СФУ ангарские аудио- и видеоматериалы легли в основу аудиовизуального словаря, пилотный проект которого был поддержан Фондом М.Прохорова. В настоящее время работа над созданием аудиовизуального «Ангарского словаря» продолжается. Иллюстративным материалом для него

служат поликодовые тексты, в которых наиболее полно, наглядно, раскрываются особенности ангарских говоров, региолекта и культуры жителей Северного Приангарья. Большинство из этих текстов в настоящее время размещены в регулярно пополняемом мультимедийном подкорпусе КЛСП. Кроме мультимедийного, данный корпус включает также диалектный и фольклорный подкорпусы, что позволяет получить наиболее полное представление о «текстах культуры».

Основными принципами размещения устного «ангарского текста» являются принципы синхронности, наглядности и культурно-исторической содержательности текстов. Взятые в совокупности, они дают представление о «коде культуры», под которым В. Н. Телия понимала «таксономический субстрат её текстов», полагая, что этот субстрат «представляет собой совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного социума, о входящих в неё природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерениях» [Телия, 1999: 20-21].

Электронный корпус диалектных, региолектных, фольклорных, поликодовых (мультимедийных) текстов может быть использован не только для создания словарей новых типов и жанров (прежде всего – лингвокультурологических), но и для решения самых разнообразных задач коммуникативной диалектологии, фольклористики, лингвокультурологии и других гуманитарных наук. Размещенные в сети Интернет в открытом доступе, они дают представление о языковой картине мира сибиряков-ангарцев; позволяют проследить историческую изменчивость говоров и традиционного фольклора, с максимальной полнотой отражают малоисследованный современный фольклорный репертуар жителей Северного Приангарья.

Материалы созданного нами электронного корпуса позволят установить ценностные доминанты ангарцев, среди которых малая родина, семья, вера. Проиллюстрируем сказанное примерами:

ПОЧЕВО ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Таких, как Яркино, на планете одна. Таких Яркин боле нету. Ну и живите все хорошо, и мы будем хорошо жить, кто мешат. Бог-от всем дал –не однем. Мы живём, но и мы бережем сами, себе добывам. Много не добывам, никуды не продаем – сами для себя.

А то, ну сделали электростанцию. Три Чубайса будут жить прекрасно, а вы как хотите. Сколь людей выселили! Сейчас бы меня отсель выселили, всё! Я готов – умер. У барсука гнездо тёпло, уютно, но орёл в ём жить не будет, хоть кого ты ему делай. Орлу надо летать! И нам, так же нам. Почево эти гэсы? Почево цивилизация? (Кеж.: Яркино, 2012).

(Документальный фильм «Ефимова правда» реж. ТВ СФУ Валентины Вараксиной; расшифровка О.В.Фельде. – URL: <http://angara.sfu-kras.ru/?page=video#>)

ЧТО ЕСТЬ РОДИНА

Ну, власть – это ещё не Родина. Родина – то место, где ты родился. Меня тянет домой. Мне охота приехать, потому что я дома так не сплю, как сплю, допустим, у мамы. Я люблю это место. Людка мне говорит: «Да меня вперёд ногами только с Артюгино можно будет вынести. Да никуда я не поеду. Да я люблю. Я повисла у себя на окошке и смотрю вниз, и мне хорошо».

[Почему на окошке? – Собир.]

– А Ангару у неё видно. Вот оно, тут всё это родное. Я приезжаю домой, я знаю, куда сходить за грибами, я знаю, где отдохнуть душой и прочее. Ну вот, она, родина. Что ещё надо?! А власти – это совершенно другое. Я говорю, что родина – это ещё не власть.

[А государство? – Собир.]

– Ну, и государство, да, Родина. Ну, нас, да, нас обижают, нам где-то не дают, нас где-то это приходится хлопотать, ходить. Ну, это всё быт, жизнь. А я приезжаю домой, мне там хорошо, я вышла на угор – ой, вздохнула: да как хорошо! Сходила я покупалась, мне уже легче, всё, и я дома. Это родина, это вот, это мой дом. (Бг.: Таёжный, 2017).

Записано Фельде О. В. в 2017 г. от Кайль (Скурихиной)
Елены Николаевны, 1972 г.р. в пос.Таёжный Богучанского р-на

НАДО ВЕРИТЬ В БОГА

М.Д.: Надо, надо в Бога верить! Потому что, вы знаете, как бы вам, как выразиться правильно... Ну, чему-то должны верить люди и чему-то подчиняться должны. Чего-то, как, ну, не то чтобы бояться, но почитать чего-то должны люди. Вот, мне кажется, это...

Н.В.: Мне кажется, я тоже верю. Вера – это, вот, Бога чё-то попросишь, и как сбывается это.

М.Д.: Исполнится. Да вот, вот даже, где как авария или чего ли, говорят, я это слышала от людей, что просил, молил Бога и вот, это... Или тонет человек, вот просит и помогает Бог, вроде бы. Это же нам много неизвестно.

[Знаете случаи божьего наказания? – Собир.].

М.Д.: Ну, это кто знает. Оно вот или совпадёт просто, или Бог накажет. И вот птички, я всё время задумываюсь над птичками, посмотрите, вот мы ещё не знаем, что дождь пойдёт – они уже знают. Они уже низко летают, и предсказывают они всё это. И они понимают вот это всё.

Н.В.: Как если к дождю, они все на проводах сидят. Как они на проводах – всё, ожидай дождь.

[И всегда это работает? – Собир.].

Н.В.: Да.

М.Д.: Эти, у нас ласточки каждый год прилетали, гнездо сделали в стайке. Вот здесь вот провод, вот, они сядут по порядку, маленькие уже, по порядку сядут, и вот мать их кормит. Я говорю, человек вот не поймёт, забудет, может даже, кому там дал, а она, мы вот наблюдали за ними – она вот по переменке всех их кормит. Один уже там рот – она уже ему не даст. Она второму, третьему. И всё время прилетят, сядут. Я приду и разговариваю: «Ну, чего вы летали? Где вы летали? Чего вы видали?». А вот скотина: у нас козочки – они вот всё понимают. А собака – они же всё понимают. С ними как с человеком разговариваешь, они всё понимают. Ну, вот нам это много неизвестно ещё (Бг.: Пинчуга, 2017).

Записано Е.С.Смирновым в 2017 г. от Толстых (Скурихиной)
Марии Дмитриевны, 1943 г.р. и Толстых Николая Васильевича,
1941 г.р. в пос. Пинчуга Богучанского р-на

ПРИМЕТЫ И ЗАПРЕТЫ

И приметы вот такие были. Я знаю, вот мама рассказывала. Дедушка жил, он здоровый был мужик. Я раза три у него был. Он по два метра, у него руки вот такие были здоровенные. Он если кулаком ударит, то убьёт сразу. Дедушка, ну мамин отец. И вот он раньше праздник Кириха-Улита эта. Сено-кос как раз вот. Зарод сметал сено в Кирихо-Улиту, и он, гроза была, сгорел. Зарод сена. И потом в эту Кирихо-Улиту хоть кака погода, он ниче не будет делать. Ничё. Научила его вот. Хотите верьте, хотите нет.

Ну, вот со мной тоже сани трактора вчетверо сожгли. На лес на Николу у нас. Ну как совхоз распался, нам давали по паям сенокос на острову. Ну зимой же потом его возили. Сразу на трактор сани метали, оставляли там на траву. А зимой потом перевозили. На Ни-

колу мы поехали с ней как это на прогулку, посмотреть там покос всё. Там, я щас вот тоже эту Николу помню и до самой смерти буду помнить. Ну и пошли домой уже сани стояли. Там куча сена старого, я сжѐг. Так метров триста до саней-то и сани сгорели. Хо-чите верьте, хочите нет. (Бг.: Гольтявино, 2014).

Записано Фельде О.В. в 2014 г. от Николая Александровича Колпакова, 1939 г.р. в д. Гольтявино Богучанского р-на Красноярского края

НАСТАВЛЕНИЕ МОЛОДЫМ

Я вот вам ещё просто скажу. Вот куда бы вы ни пошли, вот пошли из дома, пошли на учёбу, пошли хоть куда, когда выходите, говорите: «За порогом с Богом. Ангел мой, хранитель мой, ты впереди, я за тобой». Вот это всегда говорите. Это вам всегда поможет. Пошли – «За порогом с Богом. Ангел мой, хранитель мой, ты впереди, я за тобой». Ангел у вас всегда на правом предплечье. И всегда вот так обращайтесь (Бг.: Богучаны, 2017).

Записано студентами ИФиЯК СФУ от Заборцевой Галины Александровны, 1951 г.р. в пгт. Богучаны

ПОЧЕВО ЖЕНА МУЖУ НУЖНА

Бог создал жену почево? – Помощницу. Она должна знать свое место. Она помощница. А когда жена стает начальником дома – тот дом разрушится вскоре, потому что жена не должна начальствовать – должна помощницей быть. И не ворковать, как некоторые воркуют. Почему у мусульман это сделано хорошо. Их жены – в безмолвии ходят. Как положено. А у нас попробуй слова скажи – сразу десять взамен, если не по её. Вот мы и говорим – гэсы там... всё. Мы даже саму жизнь человечью изменили. Мы – человечество. Надо жить так, как написано. Библию все читают. Щас мир весь, посмотришь, послушаешь – все чтут Бога. В церковь хожу – всё делаю. А кого ты делаешь? Библию не открывала ни разу. Другого спросишь: «А чѐ Библия?» – Да чѐ мне Библия? Ну как... Библия – это ж указание Божие, как письмо. Вот с этого всё и началось. Бог же руководит всем. А мы и скажем всё. Хотем жить хорошо. Еслив ребенок тебя слушат, ты ему всё дашь. Ну, как всё? То что нужно, ты ему дашь. А еслив не слушат, ничего не дашь. Так же и Бог с нами обращатца. Еслив мы его слушаем, он нам даёт всё. Но нам все-то кажется мало. Сказку Пушкин, ли кто там писал, про старуху со стариком: ей корыто разбито на новое сменил – мало! И до чего дошла! Вон до чего. Так и идѐт (Кеж.: Яркино, 2012).

(Документальный фильм «Ефимова правда» реж. ТВ СФУ Валентины Вараксиной. Расшифровка О.В.Фельде
– URL: <http://angara.sfu-kras.ru/?page=video#>)

КОГО НАЗЫВАЮТ «ДОБРОЙ БАБОЙ»

Обычно говорили: это баба добрая. Ну, все понимали, что это хорошая хозяйка, что это верная жена – то есть добрая баба. Вот и всё, сюда весь смысл входит уже. <...> Вот, хозяйка хорошая, она должна была накрыть на стол. <...> В основном, это касалось кухни, скотины: ведь, какая идёт корова, – тоже судили хозяйку. А корова должна быть ухоженная <...> А так насто-ящая женщина – это хозяйка, это стряпуха, это было видно по хлебу, по дому <...> Ну, господи, ну, я не знаю... к одним домой приходишь, в дом заходишь – угощали, ну, такого, чтобы не угощали, по-моему, такого вообще не было. С бабой к кому не придёшь – всегда за стол, всегда тебе бухты насып-лют, конфеточек из ящика достанут, карамелек – угостят. <...> Мне вот раньше казалось, что старались жениться, женились, чтобы из крепких семей-то были, чтобы семью свою создать. Новая семья, чтоб она была такая же крепкая, домовитая, всё равно дома-то приучали-то ко всему. (Кеж.: Таёжный, 2017).

Записано Фельде О.В. в 2017 г. от Кайль (Скурихиной)
Елены Николаевны, 1972 г.р., в пос. Таёжный Богучанского района Красноярского края.

ЧТО ГЛАВНОЕ В СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Главное, вот, всё, мне, вот, кажется, большинство всё зависит от жены. Но везде, где-то вот, что-то не так – быть снисходительной! Где-то простила, а где-то – тихонько, лаской сделала по-своему. Ну, всё это, вот ласково! Мужа особенно надо хвалить! Вот уж какой он там никакой, а «он всю жизнь хороший, он всё может, всё умеет, всё сделает»... Хотя сама ему тут сделаешь, поможешь всё... Но он самый лучший! Они уж больно любят, когда их хвалят! <...> Ну, мудрой... Ну, вот, хвали в какое время, где-то ты что-то подскажи, будто бы это его идея! Ну, так вот повернуть, что это вот твоя идея! «Вот, хочешь там вот это?» Вот как-то выведать потихонечку лаской да всем! Чё-нить да скажет же! А потом повернуть, что а давай, вот так вот у нас! И потом, быть всё время, как все, рядом <...>. Почти что всё вместе: дрова колем, пилим вместе, всё делаем вместе. В огород идём вместе, полоть идём вместе, мы в лес едем вместе, в любую... <...> Он откажется: «Тогда я тоже не поеду!». Вот и всё. Тогда поехали вместе. Я как талисман, лучше... Один, если как поедет, всегда какое-нить происшествие получается, я еду – у нас всё хорошо! (Бг.: Пинчуга, 2017).

Записано В.К. Васильевым, О.В. Фельде в 2017 г. от Рукосуевой Валентины Александровны,
1942 г.р., в пос. Пинчуга Богучанского р-на Красноярского края.

КАК ВОСПИТЫВАТЬ ДЕТЕЙ

Мне кажется, воспитание – это вся жизнь твоя с ребёнком. Ты не говори, что ты устала, ты не думай, что там тебе некогда, ты думаешь, что он к тебе обратился, ты его пихнула туда, ты с ним беседуй. Ты ему рассказывай! Он чё-то натворил там нехорошее,

ты его не ругай там и не шлёпай его, как говорится, или чё ли... Не кричи! Ты поговори: «Ты вот это плохо, вот это плохо, смотри»... <...> Я говорю: «Вы тоже чё кричите-то? Вы говорите спо-койно, ласково! От крика чё он там? Ну, вздрогнет, у него всё вообще улете-ло, не знаю, куда! Тут надо именно любовь и ласка!» <...> Вот, почему это не так, ты сде-лай так: «А вот давай, мы попробуем! А вот давай вместе! Вот, видишь, как у тебя хоро-шо!» Пусть, там нехорошо получилось или чо, но ты похвали, что хорошо, он еще будет лучше! Вот так давай: «Я тебе еще чо-нибудь помогу, во, как хорошо!» <...> Внимание надо и ласка! Любовь, лас-ка! (Бг.: Пинчуга, 2017).

Записано В.К. Васильевым, О.В.Фельде в 2017 г. от Рукосуевой Валентины Александровны, 1942 г.р., в пос. Пинчуга Богучанского р-на Красноярского края.

ПРО ДЕНЬГИ

Так живем, живём. Ну нету денег и не надо. И живём далее. Рыбы поймали, мясо есть. Деньги появились, значит, уже придумываешь, чё-то купить. Чё-то купил. А город - он есть город, он требует того, что ты должен деньги иметь. Ты каждый день на деньгах. Как поехал вверх и бензина не взял с собой. Разница в чём? У меня вон друг – те же день-ги. Я купил снегоход – убиваю его по тайге, 300 тыщ, а он купил машину за 300 тыщ – катается. Вроде он – богатый парень: у него машина, как раньше-то считалось. А у меня – ничего. Снегоходик такой. Так он стоит такие же деньги.

И вообще-то суть жизни, я ж общаюсь с городскими часто: город без денег, чё го-ворю, что охотник без патронов, одинаково всё. Чё ты сделаешь там в городе, ничё не сде-лаешь. У охотника собаки лают, а патронов нету стрелить, вот и всё. И там так же. Собаки-то лают каждый день у вас, а стрелять-то нечем у многих. (Кеж.: Яркино, 2017).

(Документальный фильм «Ефимова правда» реж. ТВ СФУ Валентины Вараксиной. Расшифровка О.В.Фельде
– URL: <http://angara.sfu-kras.ru/?page=video#>)

РАССКАЗ МАЛЬЧИКА ПРО ИКОНУ ТРОЕРУЧИЦУ

– Ну, она Троеручица. Как-то один раз я спал, проснулся, и лишь смотрел, смотрел на неё, и смотрю на неё: она на меня смотрит. Я слез, стал по комнате ходить, она за мной, она глазами водит. А потом на следующий день я лёг спать ночью уже, проснулся почему-то: видно, не спалось, не знаю, и у неё, она как будто... Вот у неё обод над головой, он у неё засветился, и глаза тоже светились. Я испугался, пошёл к бабушке, она говорит:

– Да чё ты сочиняешь! Наверное, насмотрелся там фильмов всяких, вот тебе и ужастики снятся.

На следующий день я опять рассказываю, она говорит:

– А ты попробуй ей икону... ой, свечу поднести к иконе и помолиться.

Помолился. На следующий день такая же история. Она говорит:

– А может, ты чем-нибудь перед ней провинился?

Думаю, не знаю, может быть... Стал у неё просить прощения, и с каждым днём всё вот это свечение угасало и угасало, и гасло. И... Ну, глазами она всё-таки ешо водила, как бы следила ещё... Был случай, как я заходил в дом, а это зеркало, и прямо она отсвечивается от этого зеркала, и видно. Я ког... Я когда зашёл, она резко глазами в эту... зеркало посмотрела и увидела меня, и аж телевизор – бзыньк! – включился. Я сразу убежал. Ну. А там белая розетка есть, я её выдернул – этот телевизор, он выключился, и убежал.

[Это очень простой приём: когда мы фотографируем, человек смотрит в камеру, и после этого любая фотография будет смотреть на тебя. Точно так же на картине. Когда глаза сделаны правильно прямо на смотрящего, они всегда следят, куда бы ты ни пошёл. – Собир. 2.]

– А вот дитя на её руках, оно тока всегда смотрит прямо, где она раньше висела. Она, наверное, раз пять висела, в комнате висела, в зале висела, в сенях висела, в избушке висела, и потом её туда повесили. Может, мне кажется, это ей не нравятся места.

[Конечно, ей надо висеть в церкви: это же очень старая икона. – Собир. 1]

– Мы хотели её отдать, но бабушка говорит: «Ещё не дай Бог чё!». Она, может, ещё оберегает, а может, наоборот. Но я не видел, чтобы наоборот. <...> Я как-то поставил все иконы, которые дома были, все, в ряд, и проверить, чё будет. Такой гул по дому: «у-у-у» пошёл, будто бы ветер дует. Я их начал обратно ставить: «ы-ы-ы», перестало всё дуть сразу. Поставил две одинаковых – ничё не было. Поставил одну – сразу гул. Эту убрал, другую поставил, – опять гул. После этого никогда их вместе не ставлю, никогда. Каждая на своём месте стоит в каждой части дома (Бг.: Иркинеево, 2017).

Записано Васильевым В.К. и Фельде О.В. от Максима Весёлкина,
2006 г.р. в д. Иркинеево Богучанского р-на

Приведенные выше тексты отражают культурный код, в котором запечатлён набор образов и стереотипов сознания, неписаных правил поведения коренных ангарцев – потомков русских первооткрывателей сибирских земель. Устный ангарский текст свидетельствует об устойчивости архетипов, о сохраняющихся механизмах передачи культурных знаний, предписаний и запретов от старшего поколения к младшему.

Создание корпуса текстов, репрезентирующих в целом диалектную речь и региональный фольклорный репертуар Северного Приангарья – как в

его остаточных, реликтовых, так и в современных полноценно функционирующих формах – несомненно, демонстрирует новаторскую научную идеологию работы с текстами культуры. Он обусловлен, прежде всего, современными техническими возможностями. За ним многообещающее будущее. Это мейнстрим, в который с очевидностью устремляется мировая и отечественная гуманитаристика, работающая с живыми текстами культуры.

Фиксация и корпусная разметка "живых текстов культуры" таких районов Северного Приангарья, как Кежемский, Богучанский и Мотыгинский, существенно расширит представления об ангарской и обще-сибирской лингвокультуре; поможет проследить особенности сибирского (ангарского) региолекта и особенности фольклорного репертуара исследуемой территории. Массив ангарских текстов первой четверти XXI в. позволит исследовать современное дискурсивное пространство Северного Приангарья и особенности языковых процессов, которые происходят на этой территории. Кроме того, материалы корпуса могут послужить эмпирическим материалом при изучении ценностной картины мира сибиряков и динамики миромоделирующих концептов.

Материалы созданного нами текстового корпуса существенно пополнят словники и иллюстративную часть диалектных, лингвокультурных, страноведческих словарей, а также словаря сибирского региолекта. Они могут быть положены в основу фольклорных хрестоматий, служить иллюстративным материалом при написании учебных пособий по фольклористике. Созданный нами текстовый корпус как поисковая система даст возможность выявлять контексты по отдельным речевым и фольклорным жанрам, по диалектным словам. Он может быть использован при изучении сибирской лингвокультуры в рамках бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, а также в научно-методическом обеспечении учебной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Афанасьева-Медведева Г.В. Колдун, знахарь в русских мифологических рассказах, представлениях Восточной Сибири: Структура и содержание об-

разов, ареалы и семантика именованных: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1997. 311 с.

2. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 томах. Т. 1, 2 – Иркутск, Т. 3, 4 - СПб., Т. 5-12 - Иркутск, 2007-2013 (продолжающееся издание)
2. Белоусова Г.Г. Фонетическая система старожильческих говоров северо-восточной части Кежемского района Красноярского края: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 1978. 23 с.
3. Белоусова Г.Г. Хрестоматия старожильческих говоров Приангарья. - Красноярск: Изд-во Кларетианум, 1996. 75 с.
3. Голузо Л.В. Фонетическая система старожильского говора Богучанского района Красноярского края: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Красноярск, 1973. 25 с.
4. Калинина С.В. Персонажи освоенного пространства в традиционной мифологической прозе восточнославянского населения Красноярского края: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Улан-Удэ, 2005. 25 с.
5. Новосёлова Н.А. Ангарские старины // Енисей: литературно-художественный и краеведческий журнал красноярских писателей. Красноярск: Красноярская писательская организация. 1986. №6. С. 75–80.
11. Новосёлова Н.А. Локальные черты устно-поэтической традиции Приангарья // Фольклор: Песенное наследие. М.: Наука, 1991. С. 132–145.
12. Петроченко В.И. Лексика рыбного промысла в русских говорах Северного Приангарья (опыт ретроспективного анализа): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 1992. 18 с.
13. Петроченко В.И. Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья. Красноярск: ККИ, 1994. 128 с.
14. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры /отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.

НАШИ АВТОРЫ

Агеева Мария Алексеевна, магистрант 1 курса отделения лингвистики ИФиЯК СФУ, bennybarns@mail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук Е.В. Чистова)

Бадьина Ирина Александровна, студент 4 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, irinablaz2111@gmail.com (научный руководитель – канд. психол. наук, доцент Н.В. Жбанкова)

Григорьев Роман Игоревич, магистрант 1 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, timeisaflatcircle@yandex.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Ю.И. Детинко)

Дмитриева Юлия Николаевна, студент 1 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, djuna98@gmail.com (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент А.Н. Сперанская)

Жавнер Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков для инженерных направлений ИФиЯК СФУ, sttanya82@mail.ru

Иванова Светалана Николаевна, студент 3 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, svetkonay@mail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Н.В. Немчинова)

Казакова Елизавета Олеговна, студент 3 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, eliz.kazakova@gmail.com (научный руководитель – канд. филол. наук доц. Е.С. Мучкина)

Кайзер Карина Владимировна, студент 2 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, karrykaizer@gmail.com (научные руководители – д-р филол. наук, профессор О.В. Фельде, канд. филол. наук В.К. Васильев)

Калиновская Екатерина Константиновна, студентка 4 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, Kalinovskaya_kat@mail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Е.А. Кругликова)

Краус Полина Александровна, студент 1 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, kraus_polina@mail.ru (научный руководитель – д-р филол. наук, профессор А.В. Колмогорова)

Криклия Полина Вячеславовна, магистрант 1 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, polinakrikliwaia@gmail.com (научный руководитель – д-р филол. наук, профессор О.В. Магировская)

Крючкина Наталья Юрьевна, студент 3 курса отделения филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИФиЯМ КемГУ, Ltym140210@mail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Т.Г. Рабенко)

Лукьянова Дарья Владимировна, студент 3 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, l.d.v.96@yandex.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Л. З. Подберёзкина)

Любителева Виктория Николаевна, магистрант 2 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, viktoria.lyubiteleva1@yandex.ru (научный руководитель – канд. филол. наук Л.М. Штейнгарт)

Максимова Дарья Викторовна, студент 4 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, maksimova_16@mail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук А.Н. Сперанская)

Михайлова Алена Игоревна, аспирант 3 курса кафедры русского языка и лингводидактики ОмГПУ, pkd-shka@mail.ru (научный руководитель – д-р филол. наук, профессор Н.Д. Федяева)

Николаева Галина Романовна, студент 4 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, Nikolayeva.g@gmail.com (научный руководитель – д-р филол. наук, профессор А.В. Колмогорова)

Плехова Надежда Александровна, студент 3 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, mail_NAP@inbox.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент А.Н. Сперанская)

Подберёзкина Лилия Зуфаровна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации СФУ, lilli@akadem.ru

Полежаева Любовь Олеговна, студент 3 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, Lu.polezhaeva2012@mail.ru (научный руководитель – старший преподаватель О.В. Богуславская)

Попова Яна Леонидовна, студент 3 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, yana_yana666@mail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Ю.И. Детинко)

Семенец Ольга Вячеславовна, магистрант 2 курса отделения лингвистики ИФиЯК СФУ, semenedz@gmail.com (научный руководитель – д-р филол. наук, профессор Л.В. Куликова)

Срмикян Виолетта Сименовна, магистрант 1 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, viola.miss@mail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Л.З. Подберезкина)

Степанова Нина Андреевна, студент 3 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, Nina97n@yandex.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент О.А. Прохорова)

Шаповал Елена Юрьевна, магистрант 1 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, shapovalelena19@gmail.com (научный руководитель – д-р филол. наук, профессор А.В. Колмогорова)

Шароглазова Татьяна Александровна, магистрант 2 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, t.sharoglazova@mail.ru (научный руководитель – д-р филол. наук, доцент И.В. Евсеева)

Шевель Татьяна Владимировна, магистрант 2 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, shevelt@yandex.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Ю.И. Детинко)

Шишова Юлия Андреевна, студент 4 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, make-some-noize@mail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент И.В. Башкова)

Чекмасова Анна Руслановна, студент 4 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, chekmasova.an@gmail.com (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Ю.И. Детинко)

Фельде Ольга Викторовна, д-р филол. наук, проф. кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Сибирского федерального университета, Feldeo@list.ru

